DK511
.V65
B24

Ф. БАЛЛОД

Б-18392 а/1

ПРИВОЛЖСКИЕ ПОМПЕИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

DK511
.V65
B24

Digitized by the Internet Archive
in 2025 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/privolzhskiepomp00ball

MC
DK511
.N65
B24

Проф. Ф. В. БАЛЛОД

Б-18392 а

ПРИВОЛЖСКИЕ „ПОМПЕИ“

(Опыт художественно-археологического обследования части правобережной Саратовско-Царицынской приволжской полосы)

49692.

ПОГАШЕНО
ПОГАШЕНО
Ленинград
ПОГАШЕНО
ПОГАШЕНО
Ленинград

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1923 ПЕТРОГРАД

Гиз. № 2779. Главлит. № 6648. Москва. Напеч. 3.000 экз.

«Мосполиграф». 1-я Образцовая типография, Пятницкая, 71.

Вводная глава.

Через «Великие ворота народов», между Уралом и Каспием проходили с древнейшего времени бесчисленные волны племен, выходили в приволжскую степь, останавливались, поджидая отставших у естественной преграды беззаботному путешествию, у Волги, и, собравшись с силами, переправившись через реку и овладевши укрепленными местами на правом ее берегу, катились дальше на запад, в южно-русские степи. Путь этого передвижения ясен: от Урала к Волге, от Волги к Дону и Днепру, он пролегал частью через леса, частью через степь, вдоль степных речек, там, где лошадям и стадам не угрожали в летний зной безводье и жажда. Большой и малый Узень, две Кубы, Горькая, Торгун и Еруслан—вот этот путь; он приводил кочевнические орды к властелину западного Приволжья, к высокой Ураковой горе, в 20 верстах выше Камышина. Здесь волго-донской водораздел наименее значителен, ибо всего лишь в 25 верстах от Волги течет приток Дона, многоводная Иловля; а мелкие речки, притоки Волги (две Ураковки, Дубовка, Терновка, Липовка, Ельшанка, Камышинка и Сестренки), сокращают безводное пространство еще верст на 10 и более. Лучшего пути найти было нельзя. Путь этот, вдобавок, не должны были отыскивать разведчики; на него указывали следы пребывания человека: стоянки с брошенной поломанной посудой и дорожные вехи в виде курганов. Путь этот виден и поныне, ибо цепи курганов устояли на своих местах вопреки работе позднейшего земледельческого населения, буйному степному ветру и все уничтожающей руке времени.

Иногда плоские и размытые, еле приметные повышения почвы, иногда каменные мары, иногда превосходно уцелевшие сопки в виде опрокинутых чаш правильной формы с характерными яминами на вершинах,—вехи черезволжского пути изображают собою и вехи времени, ибо являются памятниками разных культур последовательно сменявших друг друга народностей.

Путь этот был известен и культурным странам античного мира. В эпоху расцвета античных государств греческие и римские торговцы по этой проторенной дороге совершали свои рейсы в обратном на-

правлении, на Восток, к народам азиатских степей; тому свидетели: свинцовые торговые пломбы V века до Р. Х., принадлежащие греческим колониям Черноморского побережья, откопанные на Водянском городище, греческие вазы того же времени, найденные крестьянами на том же городище, монеты Ольвии и Пантикапея I столетия до и после Р. Х., найденные на Водянском и Терновском городищах, а также на восточном берегу Волги, римские монеты Веспасиана с Камышинских дюн, Траяна и Адриана, найденные в нескольких экземплярах на восточном берегу от Покровска до Дергачей, и, наконец, монета Константина Великого с Водянского городища.

Для археолога, таким образом, область Нижн. Поволжья представляет особый интерес; задания, которые возможно себе наметить, необычайно разнообразны и велики; задания эти, естественно, не ограничиваются установлением указанного переселенческого и торгового пути и характеристикой приволжской борьбы последовательно сменявших друг друга народов, а касаются и вопроса о распространении той или иной отмеченной на территории Нижн. Поволжья культуры и вопроса о преемственности культур. Ведь необычайно любопытно установить, какие именно археологические памятники принадлежат той или иной группе народностей, и не появляются ли заимствования из более древней культуры у более поздних на территории Нижн. Поволжья народностей и невозможно ли в связи с такими заимствованиями умозаключить о продолжительной борьбе или продолжительном соседстве двух народностей.

Наконец, золотоордынская культура далеко еще не изучена достаточно; памятники ее разрушаются и гибнут на наших глазах. А все это, вместе взятое, представляет богатейший материал для приложения энергии археолога.

В течение трех лет, с 1919 по 1921 год, я имел возможность ознакомиться с указанным материалом, так как мне удалось организовать несколько экспедиций в правобережную приволжскую полосу Ураковка—Царицын, а также обследовать ближайшие к Саратову места. Об этих работах и полученных итогах трактует дальнейшее изложение.

Правда, не было возможности осуществить полностью все задания, которые намечаются, не удалась пока всесторонне обследовать и вопрос о торговых путях, один из наиболее интересных,—но мне кажется, что все-таки материала уже достаточно, чтобы иметь право его под'итожить.

Считаю своим долгом здесь отметить, что значительное содействие в деле собирания материала мне оказал Б. В. Зайковский, которому приношу искреннюю благодарность. Часть чертежей исполнены архитектором А. И. Горшениным по моим и Б. В. Зайковского наброскам. Проф. А. А. Захарову, взявшему на себя труд держания корректуры, я особенно обязан, а также проф. М. Н. Покровскому и

проф. В. А. Городцову, без содействия которых экспедиции вообще не состоялись бы.

Здесь прежде всего, в вводной главе, я считаю долгом дать в хронологическом порядке схему произведенных работ.

1. Работа 1919 года.

Еще зимою 1918—19 учебного года в среде саратовских археологов, членов коллегии Музейного подотдела возникла мысль организовать весною раскопки на Увеке, в виду предполагавшегося сооружения железно-дорожного моста через Волгу и возможного поэтому разрушения ряда памятников татарской культуры, более или менее уцелевших в недрах земли.

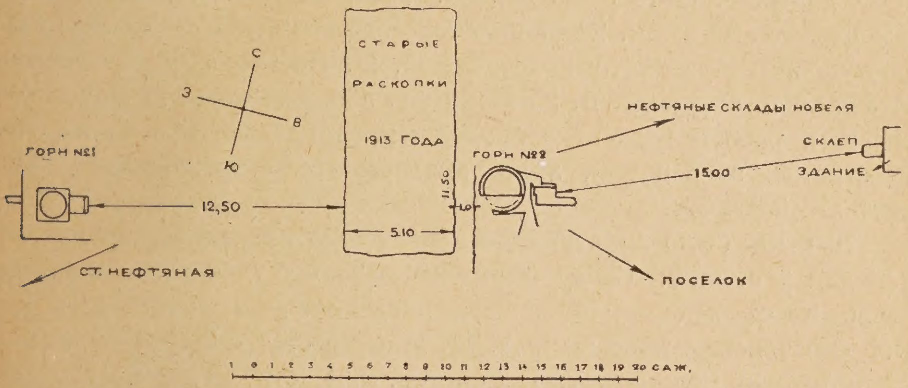


Рис. 1. Раскопки на Увеке в июне 1919 г. Генеральный план.

Кроме того, раскопки на Увеке, как первоочередные, казались необходимыми потому, что здесь сооружался один из фортов Саратовского укрепленного района и военно-инженерные работы грозили разрушить часть памятников. Было необходимо, пока еще возможно, изучить сохранившееся. Для раскопок в связи с упомянутыми обстоятельствами была намечена площадка вблизи склада Нобеля (см. рис. 1), отчетливо выявлявшая прямоугольные контуры и расположенная вблизи мавзолея, раскопанного в 1913 году.

Историко-филологический факультет Саратовского университета, всегда считавший, что одной из основных его задач является изучение местного края, горячо откликнулся на предложение коллегии Музейного подотдела взять на себя руководство раскопками на Увеке, и организация их была поручена мне, притом с тем, чтобы в работах возможно деятельно участвовали другие члены факультета и студенчество, а также местные деятели.

К 10 июня все предварительные шаги были завершены. Было получено разрешение Военного Совета Саратовского укрепленного

района на производство раскопок на Увеке и на с'емку плана и фотографических снимков с раскапываемых сооружений, разрешение нач. пр. Техн. Отд. 5-го полевого строительства на безвозмездное пользование инструментами строительства (лопатами, кирками, ломами и топорами), разрешение Ряз.-Ур. железнодорожной администрации на льготное пользование вагоном утром на Увек, вечером—в Саратов, и пропуск от С. Г. Ч. К. на проезд 88 человек до Увека и обратнс.

10 июня мы отправились на раскопки в количестве 50 человек; в дальнейшем цифра участников, состав которых—за исключением ядра в 20 человек—менялся, колебалась, в некоторые дни сокращаясь до 30, но чаще всего оставалась в пределах четвертого десятка. С 10 по 13 июня включительно работы производились без перерыва. 14 июня—из-за дождя—копать было нельзя. 16 июня работы возобновились и закончились 23 июня. 24 июня вновь был об'явлен перерыв, и в этот день техник Музейного подотдела П. И. Иванов зарисовывал план с откопанных сооружений. 25 июня все закапывалось. В общем, таким образом, работы на Увеке продолжались 12 дней и, если не считать участников экспедиции, лишь смотревших,—производились 33 студентами-рабочими.

10 июня было приступлено к изучению площадки, предназначенной для раскопок. Сразу обнаружилось, что стены здания были совершенно снесены,—быть-может, когда с Увека доставлялся кирпич для саратовских мостовых. А. Н. Минх в статье «Набережный Увек» (Саратовский Сборник, т. I, Саратов. 1881, стр. 214 и 224) рассказывает, что бывший владелец Увека Маурин ломал камень из древних фундаментов на продажу городу Саратову для мостовых, и, очень возможно, безжалостная рука Маурина коснулась и нашего холма.

Первый день не дал никаких существенных результатов.

На второй день решено было очистить всю площадь внутри предполагавшегося здания; выявить снаружи стены было нельзя из-за бахчи, окружавшей площадку с юга и севера. В северо-западном углу строения, куда прокладывалась траншея, на глинобитном полу среди щебня, глины и золы были найдены меловые плитки с орнаментом. На второй же день мне лично бросился в глаза круг, довольно больших размеров и достаточно отчетливо обрисовывавшийся на другой площадке, расположенной к западу от раскопок 1913 года (см. рис. 1). При обследовании мы наткнулись на ряд кирпичей, как бы образовавших диаметр этого круга, и на жернов ручной мельницы.

Раскопки решено было продолжать, что и происходило на третий и последующие дни, на третий под наблюдением профессора С. Н. Чернова, потом, до конца, под моим руководством. Одновременно, при обследовании прямоугольного выступа вне здания (к западу от него), Б. В. Зайковский обнаружил площадку из щебня (битого кирпича)

и под нею прямоугольник из кирпича, т.-е. явные следы надсклепного украшения татарского погребения. Во вторую половину 2-го дня, и в 3-ий день действительно было вскрыто татарское погребение (№ 1), при чем раскопки его производились под моим и Б. В. Зайковского наблюдением.

На четвертый день приехал в качестве представителя Рязано-Уральской железной дороги и Саратовской Архивной Комиссии П. Н. Шишкин, инструктор музейного дела Р.-Ур. ж. д. и хранитель Музея Комиссии, и работы были распределены и велись до конца раскопок следующим образом: сперва Б. В. Зайковскому, потом П. Н. Шишкину, которому помогал проф. С. Н. Чернов, было поручено обследование здания; далее Б. В. Зайковскому было поручено обследовать «холм Уейского», где—в моем и П. Н. Шишкина присутствии—было вскрыто погребение № 3, потом им же (Б. В. Зайковским) обследовались развалины рядом с Мамаевым бугром; я лично (помимо общего руководства) взял на себя продолжение раскопок обнаружившегося кирпичного круга к западу от раскопок 1913 года (горн № 1) и руководство вскрытием горна № 2, обнаруженного студентами Квитковским и Поляковым к востоку от раскопок 1913 года.

Наконец, вне здания (на четырехугольной площадке), к западу от него и рядом с погребением № 1, П. Н. Шишкиным к концу второй недели было вскрыто еще татарское погребение, № 2.

2. Работы 1920 года.

На лето 1920 года была намечена экспедиция в районы Ураковой горы, устья Еруслана и слободы Красного Яра, частью потому, что Саратовский Губотнароб и Камышинский Уотнароб сочувствовали поездкам именно в эти районы: было необходимо наладить планомерное собирание агентами местных музеев памятников древних культур, в изобилии находимых крестьянами. Кроме того, Царицынские Губотнароб и Губисполком, озабоченные изучением своей губернии, звали меня в Царицын для изучения следов татарщины в Царицынском уезде. В результате я предложил вниманию историко-филологического факультета Саратовского университета проект трех экспедиций, организуемых при участии студентов отделения истории искусств и археологии факультета: а) в район Ураковой горы с разведочными раскопками на городище Терновке, б) в районы слобод Даниловки и Красного Яра с разведкой на бугре Степана Разина и Дурман-горе, в) в район Царицына с раскопками на Мечетном городище близ села Рынок. Хотелось также закончить начатое в прошлом году обследование ближайших окрестностей города Саратова, и для этой цели были желательны разведки в Квасниковке и Усть-Курдюме. Историко-филологический факультет, заслушав в заседании 5 марта с. г. подробную мотивировку

этих экспедиций, нашел, что проект целесообразен, и поручил организацию экспедиций мне. В апреле была открыта запись для студентов, желающих участвовать в раскопках. Одновременно был командирован в Рынок и Терновку (т.-е. в Царицынский и Камышинский уезды) для предварительной разведки научный сотрудник Ф. Е. Арьков, весьма удачно исполнивший возложенное на него поручение.

На поездку через Камышин в Терновку, где решено было иметь «штаб-квартиру» первой экспедиции, записалось 22 человека (поехало 17), на поездку в Даниловку 10 человек (поехало 8), на поездку в Царицын 23 человека (поехало 16). В Царицыне Губернским отделом распределения рабочей силы, согласно предложения Губисполкома, в распоряжение экспедиции предоставлялись поденные рабочие, в течение всего времени раскопок от 10 до 15 человек ежедневно. Перед от'ездом из Саратова, а именно 17 мая, было устроено общее собрание участников экспедиции, на котором Ф. Е. Арьков докладывал о своей поездке, а я и ассистент Б. В. Зайковский сообщали необходимые сведения о предполагаемых к обследованию местностях и их исторических судьбах. Еще ранее, в весеннем полугодии, мною были устроены практические занятия по археологии, долженствующие дать студентам необходимую для работы подготовку.

В Терновскую экспедицию мы выехали 28 мая, в Камышин приехали 29 мая утром и 29 же часть участников пешком, часть на предоставленных нам подводах, отправились в Терновку, где на все время раскопок нашли приют в местной сельской школе. Первый день нашего пребывания в Терновке всецело был посвящен предварительному беглому обследованию ближайших окрестностей села Терновки: не только городища, расположенного в 4 вер. от села, но и оврагов рядом, берега Волги, селища при устье реки Терновки, а также ближайших курганов между Терновкой и Липовкой. Окаменелый зуб мамонта на дне оврага рядом с городищем, сильно истлевшие кости в глине, под слоем гравия и песка, в обрыве того же оврага, архаические и татарские черепки на городище и большое количество татарских черепков около устья Терновки на ее левом высоком берегу, каменное орудие (?) из кварцита весьма грубой работы, напоминающее своею формою скребок, найденное на валу городища,—вот результаты археологических прогулок членов экспедиции, совершивших свое обследование местности группами по 3—4 человека. Со второго дня под моим личным наблюдением начались раскопки городища и закончились 5 июня, когда техником Лимаренко был снят план городища. 6 июня часть членов экспедиции, вместо воскресного отдыха, совершила экскурсию на Уракову гору, в 12 верстах от Терновки. С 7 июня по 10 включительно раскапывались два кургана на сырту между Терновкой и Липовкой, а 9 и 10 частью экспедиции производилось обследование окрестных дюн. 11 июня производились разведочные раскопки на селище около устья Терновки,

12—разведки на «бугре мертвецов» (могильнике селища). 12 же и 13 было предпринято продолжение обхода дюн (частью повторное), при чем были открыты богатейшая стоянка в «Вишневой долине» и близ Липовки, и татарское селище на правом берегу устья Терновки. 14 июня экспедиция мимо дюн и курганов Камышинского сырта через Камышин возвратилась в Саратов.

В Даниловку экспедиция выехала 27 июня, на пароходе до Щербаковки, а оттуда, осмотревши Столбичи и окрестные берега Волги, на подводах в слободу Даниловку, где в распоряжение экспедиции была предоставлена школа и где всякое содействие оказывала семья местных крестьян Васильченковых. 29 и 30 июня производились разведочные раскопки на городище, в 2 верстах от Даниловки, на так называемом «бугре Степана Разина». 1 июля под проливным дождем часть экспедиции отправилась в Кресты в 8 верстах от Даниловки для зарисовки и обмера «Крестового мара»; в роще близ мара были открыты дюнные стоянки. 2 июля экспедиция переправилась через Волгу в Красный Яр и обследовала окрестные дюны. 3 июля была открыта богатая стоянка на Дурман-горе, архаическое селище по пути из Даниловки на бугор Степана Разина, и было собрано несколько каменных орудий, типичных для Даниловского района. 4 июля экспедиция возвратилась в Саратов.

В Царицын экспедиция выехала 16 августа, 19 прибыла в Рынок, где поселилась в школе, и немедленно, в тот же день, приступила к обследованию некрополя Мечетного городища в 3 верстах от Рынка. Последовательно были вскрыты 3 кургана и откопана турба; был снят также общий план некрополя. 31 августа, по окончании работ на некрополе, было приступлено к разведке на месте древнего города, где были откопаны два дома и обследовано место предполагаемой мечети. 3 сентября зарисовывался план города и производились обмер и изучение откопанных сооружений. 4 сентября, после доклада Царицынскому Губотнаробу, экспедиция выехала в Саратов. В течение всех трех поездок экспедиция тщательно собирала сведения об открытых археологических памятниках; результатом этой работы является приложенный археологический профиль.

За все время своей работы экспедиция встречала в высшей степени сочувственное отношение как со стороны населения, так и со стороны властей. Повсюду на зов экспедиции откликались, и особенно трогательно было отношение населения села Рынок, которое сочувственно отозвалось на горе «голодающих горожан», когда в конце пребывания в Рынке, в виду хлебного кризиса в Царицыне, экспедиция не получала причитающегося ей пайка. Хотя из-за отсутствия хлеба экспедиция и должна была, в конце концов, прекратить работу, все же последние дни она могла оставаться в Рынке и заканчивать разведку на территории древнего татарского города только благо-

даря необычайно милому и доброму отношению крестьян, являвшихся к нам с щедрыми гостинцами. Я должен отметить, что студенты работали «не за страх, а за совесть»—в высшей степени добросовестно в течение всех экскурсий; настроение все время было бодрое, и я полагаю, что поездки 1920 года на всех оставили неизгладимые следы воспоминаний о совместной дружной работе.

Еще до поездки в Камышин и Терновку была устроена разведочная поездка в Усть-Курдюм и здесь, 22 мая, обследовано городище и вскрыт один курган.

3. Работы 1921 года.

В план археологической кампании в 1921 году были включены следующие задания: продолжение работ 1920 года по изучению археологического профиля десятиверстной приволжской полосы, и собирание материала, касающегося вопроса о «путях», а также изучение золотоордынской культуры и искусства, древностей печенежских, и вопрос о народе, оставившем нам даниловские молоты и керамику. Хотелось обследовать Волгу от Камышина до Царицына, Ахтубу от истока до Царева, район Еруслана с притоками и район Даниловки, особенно ближние рудоносные балки, а в зависимости от результатов обследования этих балок, возможно, также район Хвалынска. Раскопки предполагались на Водянском и Мечетном городище, а также в районе Еруслана. На все эти работы были ассигнованы довольно значительные средства; была обещана широкая помощь Царицынским Губисполкомом и Губполитпросветом.

Однако осуществить этот план полностью или даже в большей части оказалось совершенно невозможным. Суммы, ассигнованные центром, были получены в Саратове только позднею осенью, когда работы уже были закончены; только 500.000 рублей, ассигнованные Саратовским университетом, находились у меня на руках, когда в начале сентября стала утихать свирепствовавшая летом холера и оказалось возможным приступить к работе. Правда, пугал, кроме холеры, надвигающийся голод и сыпной тиф, на Ахтубе и вообще в степи было неспокойно, ликвидировались банды повстанцев. Средств было столь немного, что казалось, пожалуй, более благоразумным вовсе отменить намеченные работы. Тем не менее мы 1 сентября решились отправиться в путь, в Царицын, вместе с 5 студентами, всего, таким образом, включая меня и асс. Б. В. Зайковского, 7 человек.

По приезде в Царицын выяснилось, что в наше распоряжение может быть предоставлен баркас «Сатурн»; были получены некоторые продукты. Другими словами благодаря содействию Царицынского Губисполкома и Губполитпросвета мы могли приступить к работе.

От Ахтубы, Еруслана и многого другого пришлось, конечно, отказаться; но, располагая «Сатурном», мы могли обследовать приволж-

скую полосу от Царицына к северу — и когда 14 сентября за отсутствием средств должны были работы приостановить,—мы не пожалели затраченной энергии.

Удалось обследовать правобережную полосу от Сарпы до Балыклея и собрать материал, касающийся Антиповки и Шишкина бугра, другими словами, был получен весь необходимый материал для составления археологического профиля от Царицына до Камышина и, таким образом, оказалось возможным восполнить пробел, оставшийся после 1920 года для правобережного профиля от Сарпы до Ураковки, соответствующей Еруслану слева. К левому луговому берегу на баркасе приставать не удавалось из-за мелководья.

Важнейшими пунктами работы являлись Царицын, Дубовка, Песковатка, Водянка, Пролейка и Балыклей. Работа производилась нижеследующим образом: по приезде опрашивалось местное население, осматривались указанные памятники (городища, курганы) и вообще окрестности, производились обмер, зарисовка и фотографирование, собирались древности (на поверхности городищ и на дюнах). Раскопки за отсутствием средств не производились. Особо благожелательное отношение (кроме Царицына, где экспедиция встретила чрезвычайное гостеприимство и содействие) мы наблюдали: в Дубовке, где нам была предоставлена для ночлега школа и показывались местными деятелями городище, музей и собор, и в Пролейках, где в наше распоряжение были предоставлены лошади для поездки к курганам в 8 верстах от села. Тягостно было отношение к нам в Балыклее, где при морозе в 1° пришлось переночевать под открытым небом на берегу Волги.

Холера, тиф сыпной и брюшной, голод, неожиданно наступившие холода: вот та обстановка, при которой приходилось работать, и я должен сознаться, что по возвращении 15 сентября в Саратов у меня невольно вырвался вздох облегчения, что ответственность за здоровье и жизнь 5 студентов, поехавших с нами, с меня снята.

Работа производилась в 1921 году вдоль Волги с юга на север; в таком же порядке размещается в дальнейшем вообще весь собранный материал.

ГЛАВА I.

Результаты произведенного обследования.

(Собранный материал).

1. Царицын.

Лишь незначительно работы экспедиции захватили Эргени горную цепь к югу от Царицына, хотя окрестности, напр., Сарепты представляют значительный интерес; здесь найдены: античная—греческая II в. до Р. Хр. монета (Хр. Беккером во время огородных работ), железный сарматский меч (ныне в Сарептском музее), скифский остродонный бронзовый котел (ныне в Саратовском музее), железный шлем персидской работы (отправлен К. Бауэром в Берлинский музей); здесь целые поля курганов свидетельствуют о древней жизни; три каменные бабы с Сарептских курганов ныне находятся— одна в Саратове, две в Сарепте в саду Глича [1]).

Особый интерес представляет прекрасно сохранившийся курган близ Чепурниковой балки, достигающий 2 арш. 10 в. вышины и 90 арш. окружностью. Его ямина, отлично очерченная, в 1 арш. глубины.

Царицын, где экспедиция провела несколько дней, явно возник на месте более древнего поселения [2]), так как из опроса старожилов выяснилось, что в 1892 году, при прокладке на Крайней улице водопроводных труб, здесь был найден медный ларчик с кожаными деньгами, с ярко красными и желтыми «мамайскими» (т.-е. татарскими) клеймами, в 1893 году, у устья реки Царицы, на правом берегу после бурного разлива, обнаружились остатки строения из квадратного кирпича и обломки голубых изразцов и была обнаружена здесь же серебряная монета Туда-Менгу-хана; а вообще же, в разное время в черте города, преимущественно в части приволжской, были найдены золотоордынские монеты от Туда-Менгу-хана до Тохтамыша.

---

[1]) См. также Зайковский, «Каменные бабы в Сарат. Поволжьи», Труды Сар. Уч. Арх. Ком., 1908, вып. XXIV, стр. 21.

[2]) Сравн. соотв., предания у Минха, «Истор.-географический Словарь», стр. 1263, 1320 и 1324.

Был найден ниже Елшанки на берегу Волги в 1892 году сассанидский диргем, а в 1893 году, при прокладке труб по взвозу у водокачки—кубышка с русскими серебряными деньгами времени Иоанна Грозного.

В черте города Царицына, а именно на юго-западной окраине, за полотном железной дороги, возвышались и курганы, ныне уже не существующие.

В 1907 году на Рыбинской улице был раскопан курган с двумя костяками, медными поделками (наконечником копья, цельтом и топором) и двумя горшками (см. табл. 1, рис. 1—4), под одним из которых были обнаружены три куска краски—коричневого, желтого и красного цвета [1]).

В 1892 году в русле реки Царицы под кручей сада Воронина была найдена каменная баба, ныне пропавшая [2]).

Осмотр Ельшанского оврага, близ Царицына, известного своими пещерами, был поручен научн. сотр. Ф. Е. Арькову. Согласно его отчета: «В 200—300 саженях от депо ст. Царицын-Тихорецкий В.-К. жел. дор. раскинулся огромнейший овраг, называемый «Ельшанским Буераком», который начинается в 25—30 верстах к С.-З. от Царицына и заканчивается близ ст. «Ельшанка» В.-К. ж. д., Царицынского уезда, упираясь широким «овражьем» в Волгу. На расстоянии версты от устья оврага, через него проходит мост В.-К. ж. д. От железнодорожного моста к С.-З. через овраг проложен на расстоянии 200—300 сажен так наз. «Астраханский» мост для пешеходов и проезжающих граждан. Между этими двумя мостами по левую сторону виднеется в стене оврага много круглых отверстий. При беглом взгляде трудно и предположить, что эти отверстия ведут в причудливые подземные пещеры. Вблизи железнодорожного моста я заметил тропинку, ведущую к отверстиям. С большим трудом, рискуя оборваться в пропасть, пришлось спускаться, так как в моем распоряжении не оказалось ни лопаты, ни кола с веревкой. Жутко было стоять над бездной оврага, но не бесстрашно было и через узкое отверстие вползти в стену оврага. С большим трудом я проник во внутрь стены. За отверствием оказалась огромнейшая пещера, в которой можно было совершенно свободно стоять и передвигаться. Через маленькое наружное отверстие солнечный луч не проникал во-внутрь пещеры—там было темно, сыро и холодно. Пришлось зажечь свечу, и я увидел, что направо и налево от главного входа были такие же маленькие отверстия, как вход в пещеру. Впереди был длинный коридор. Через этот коридор я стал проползать вглубь. Проползши аршин 6—7 по наклону, уткнулся лбом в стену. Направо и налево заметен был значительный

---

[1]) Ф. И. Чернов. Раскопка кургана в гор. Царицыне. Труды Сар. Уч. Арх. Ком. 1908 г., вып. XXIV, стр. 14 след.

[2]) Труды Сар. Уч. Арх. Ком. XXIV, стр. 25.

уклон вниз. Дальше спускаться я не решился, полагая, что выползать обратно будет слишком трудно. Потом из главного коридора полез через первое правое боковое отверстие в бок пещеры, которое, к счастью, оказалось довольно коротким—аршина 2—3. Здесь обнаружилась сравнительно большая комната—длиною 8 аршин, шириною $2^1/_2$ аршина и такой же высоты. Никаких отверстий по сторонам обнаружить в этой комнате уже мне не удалось. Аналогичная картина была и по левую сторону главного входа, с тем только различием, что там обнаружилось отверстие, ведущее наружу. Осматривая внимательно пол и стены данной пещеры, никаких следов человеческого обитания в этой пещере мне сбнаружить не удалось. Стены пещеры состояли из серого камня; пол из высохшего песку, потолок из суглинка. Все выходы, т.-е. маленькие отверстия, связывающие комнаты, а так же и полы комнат, завалены материалом, падающим с потолка. Я не стану описывать все пещеры, так как они более или менее похожи одна на другую; мне удалось осмотреть 8 пещер, всего же их можно насчитать 30. В остальные обычным порядком взобраться не представляется возможным, так как отверстия их расположены над пропастью оврага, и без большого риска для жизни в них попасть нельзя. Одни пещеры — описанного типа, с главным входом и несколькими отверстиями вправо и влево. Другие—имеют большие внешние отверстия и представляют одну длинную комнату аршин в 15—20 длины, $2^1/_2$—3 вышины и такой же ширины. Стены пещер второго типа имеют обыкновенно зигзагообразную форму; повидимому, высечены; теперь — обросшие мхом. На полу пещер валяются огромнейшие глыбы свалившегося сверху серого песчаника. Никаких находок в пещерах мне обнаружить не удалось. Из опроса местных жителей выяснилось, что в некоторых пещерах были найдены человеческие костяки, керамика, копья и стрелы; но получить более подробные описания найденных предметов оказалось нельзя. За последнее время пещеры просто стали забивать, так как много было случаев обвала пещер в момент посещения их или любознательными ребятами или искателями кладов».

К северу от Царицина до Мечетки на расстоянии приблизительно 2 верст от Волги тянутся «Мамаевы бугры», усеянные курганами. Курганы между первой и второй (Сухой и Мокрой) Мечетками, соответствующие золотоордынскому городу на берегу Волги, были обследованы в 1920 году (см. ниже). На участке между окраиной города и металлургическим заводом, экспедиция 1921 года отметила 9 полушарных курганов: а—разрыт до дна могилы, б—окр. 34 арш., высота 15 арш., в—окр. 102 арш., высота 2,20 арш., г—окр. 68 арш., высота 1,5 арш., д—окр. 65 арш., в.—0.5 арш., ж—окр. 35 арш., в.—0,5 арш., з—окр. 34 арш., в.—1 арш., и—окр. 30 арш., высота 0.5 арш. По всей видимости им соответствовало поселение на берегу Волги, т. к. в 1891

году агентом Шибаевской нефтепромышленной компании А. А. Викентьевым здесь, при сооружении нефтяных резервуаров и железнодорожных путей, был найден горшок с золотоордынскими монетами (весом в 6 фунтов) среди развалин постройки из квадратного кирпича на извести, облицованного голубыми изразцами с белыми полосками. Монеты относились ко времени Хызр-хана и Темир-Ходжи и оказались чеканенными частью в Нов. Сарае, частью в Гюлистане. В этой же местности были найдены и отдельные монеты, преимущественно относящиеся ко времени Узбека и Джанибека.

Но едва ли все курганы на Мамаевых буграх являются татарскими, т. к.—что совпадает с наблюдениями на Мечетке—курганы не одинаковой величины и формы (один окружен рвом), а кроме того вблизи их были ранее найдены бронзовые стрелы и половинка просверленного и шлифованного диоритового молота (ныне в Царицынском Губмузее).

Бугры между металлургическим заводом и Мечеткой (2-й) беднее курганами; около села Городища, в 10 верстах от города, обнаружены на склоне балки следы распаханной стоянки с керамикой времени Золотой Орды и здесь же возвышается громадный курган (окр. 102 арш., высота 2 арш.) с глубокою яминой.

2. Мечетное.

В 17 верстах выше Царицына, на берегу Волги, напротив истока Ахтубы, лежит село Рынок (см. рис. 2), Ерзовской волости, Царицынского уезда. Несколько ниже села когда-то впадала в Волгу речка «Сухая Мечетка», ныне высохшая; еще несколько ниже впадает другая речка—«Мокрая Мечетка». Плато между этими речками прорезано двумя балками—«Безыменною» и «Забазною», пролегающими параллельно обеим речкам. А между этими балками, на самом берегу Волги, еще в 60-х годах стояла деревушка Мечетка, ныне брошенная населением, при чем камни, из которых были построены дома, увезены на Пушечный завод, когда сооружались его мастерские. Теперь о прежней деревушке говорят лишь отдельные груды камня, следы фундаментов и в изобилии находимые черепки поздней посуды, известной у местного населения под названием «хохлацкой». Если порыться в откосах и обследовать менее тронутые рукою колонистов-«хохлов» места прибрежной полосы, то нетрудно найти некоторое, хотя и незначительное, количество образцов черепков керамики татарской. Впечатление такое: здесь одна культура сменила другую, более древнюю, основательно уничтожив следы этой последней. На расстоянии 100 саж. от берега Волги и далее к западу, вглубь страны, на расстоянии 400 сажeней, вся площадь между двумя балками (от 250 до 300 саж. ширины) усеяна буграми (см. табл. 8, рис. 1) и громадными ямами по большей

части четыреугольного очертания. Порой кажется, что бугры эти (их насчитывается более 70) образуют правильные ряды, что между ними пролегают следы древних улиц. Порой, около более крупных бугров, явно скрывающих в своих недрах развалины разрушенных древних построек, как будто выявляются контуры площадей. На высоком берегу Забазной балки, где в нее входит первое, считая от Волги, ответвление с северной стороны, очертания бугров и ям столь правильной формы, что возможно установить существование здесь когда-то двух зданий (одного 7 × 13,75 саж., другого 3,32 × 4,33 саж.), большого подвала и круглой башни (диам. 5 саж.). Все эти здания представляют отдельные части одного владения, обнесенного оградою, как свидетельствует сохранившийся вал. Сохранились ли в данном случае развалины мечети с минаретом, как гласит народная молва, или перед нами остатки ханского замка, сказать трудно и едва ли когда-либо будет возможно, так как раскопки саратовского губернатора А. А. Ширинского-Шихматова, злого гения мечетинских памятников, безжалостно изрыли бугры [1]), ничего не обследовали детально и лишь создали памятник небрежной работе. Валяющиеся в зияющих ранах этого памятника татарской культуры, в траншеях Ширинского - Шихматова,

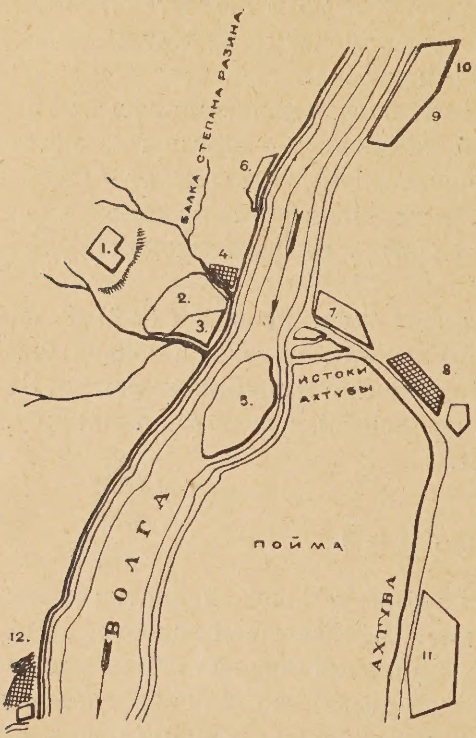


Рис. 2. Окрестности Мечетного городища.

1. Некрополь. 2. Окраины Меч. гор. 3. Центр Меч. гор. 4. Село Рынок 5. Денежный остров (много тат. монет и древностей). 6. Винновка, следы тат. поселка. 7. Следы неизв. тат. города у истока Ахтубы. 8. Село Безродное. 9—10. В. и Н. Погромное, следы тат. гор. 11. Группа курганов и развалины у С. Заплавного. 12. Царицын.

кусочки мозаики и алебастровой облицовки не могут содействовать восстановлению прежней картины. А в напечатанном Ширинским-Шихматовым отчете (с грубо исполненным и неточным планом этой усадьбы [2]), лишь сообщается лаконически: «оказалось, что здание, от которого еще в прошлом столетии видны были части стен, в настоящее

---

[1]) Сравн. Труды Сарат. Учен. Архивн. Ком. вып. 32, 1915, стр. 159 и след.

[2]) № 1, Отчет, стр. 161 и 163.

время превратилось в холм мусора. Изображенная на чертеже часть каменной стены состояла из плохо сохранившегося кирпича и высота ее не превышала $^3/_4$ арш. Кроме одной алебастровой капители и медной татарской монеты здесь ничего не найдено». Приложенный к отчету план никакого представления о работах Ширинского и об откопанных им сооружениях не дает. Как бы то ни было, явно, что здание это играло важную роль в жизни древнего города; оно не только было богато отделано и имело башню, но прилегает к двум площадям, расположенным к северу и западу от него.

Не менее интересны развалины другого здания, также покрытые песком и щебнем и заросшие травою, но сохранившие более отчетливые контуры: посредине большого прямоугольника расположены крест-на-крест четыре меньших прямоугольника. Вполне возможно, что это торговые ряды—«караван-сарай» древнего города, тем более, что в 1772 году академик Паллас [1]) видел на городище подобное сооружение, притом в лучшем состоянии, и считал себя в праве определить его как караван-сарай. Однако необходимо обследование этого памятника; наискось проложенные Ширинским-Шихматовым траншеи (вдобавок вовсе неинтересовавшимся характером вскрываемых сооружений), конечно, ничего не дали, ибо работа не доведена до конца (к счастью) и траншеи лишь незначительно задевают стены внутренних прямоугольников.

Некоторые бугры вполне отчетливо выявляют—как мы подобное видели и в «караван-сарае»—стены; иногда при доме явно был двор, расплывшаяся и заросшая ограда которого достаточно отчетливо обрисовывается.

Наиболее интересен вид, вероятно, главной улицы, прорезающей древний город с юга на север; стройную прямую линию по ту и другую сторону этой улицы образуют правильные ряды бугров, т.-е. ряды домов [2]).

Более 20 бугров, к сожалению, пострадали от раскопок Ширинского-Шихматова; некоторые из них разрыты совершенно, через другие лишь проложены одна или две (крест-на-крест) траншеи. При осмотре этих траншей нами было найдено довольно много образцов черепков поливной татарской керамики (см. табл. 2, рис. 1—3), поливных изразцов и кубиков и плиток мозаики (в том числе несколько голубых и синих из разрытого Ширинским-Шихматовым дома рядом с караван-сараем, образующих часть одного общего узора, судя по характеру явно хорошо прилаженных швов). Около пяти-шести бугров с прекрасно сохранившимся прямоугольным рельефом стен, пока никем не тронуты

---

[1]) «Путеш. по разным провинциям Русс. Госуд.», ч. III, т. II, стр. 204 и след.

[2]) См. план, изданный Ширинским-Шихматовым.

и ждут своего исследователя; это развалины зданий почти исключительно с бутовой кладкой. Развалины кирпичных сооружений, видимо, больше интересовали Ширинского-Шихматова и тех, которые увозили отсюда строительный материал.

К западу от этого «поля бугров»—Мечетинского городища тянется пашня, за нею, на расстоянии 2 верст от берега Волги и одной версты от городища, поднимается высокий сырт, весь усеянный курганами и развалинами турб, т.-е. татарских небольших мавзолеев (см. рис. 3). Всего насчитано 60 курганов и турб, но не подлежит сомнению, что часть надмогильных сооружений погибла под плугом и бороною. В центре этого кладбища поднимается высокий холм из кирпича и строительного мусора; холм этот разрыт нами, о чем будет речь ниже.

Необычайно величественную картину представляют все эти памятники древнего времени вечером, при лунном освещении. При слабом свете луны как-то более рельефно вырисовываются контуры бугров города-кладбища; все как-то оживает, и фантазия зрителя невольно дополняет видимое воображаемым: рельефы разрушенных стен подлинными зданиями, мечетью с минаретом, а улицы—шумною толпою в пестрых кафтанах.

Пишущему эту главу впервые удалось увидеть Мечетное городище именно вечером, при лунном освещении; впечатление от окружающего было подавляюще сильное. Не хотелось уходить с плато, и мы с Б. В. Зайковским и сопровождавшими нас студентами несколько часов просидели на «минарете» мечети, слушая старинные татарские легенды, неиссякаемым источником которых оказался Б. В. Зайковский. Это были лучшие, прекрасные часы совместного отдыха после утомительного трудового дня.

На поверхности городища (преимущественно вблизи сурчиных нор) нами были собраны следующие монеты: две медных Узбека (1312 и 1331 г.), четыре Джанибека (три чеканенные в Сарае Новом в 1352 г., одна—в 1353 г.), одна серебряная Бердибека (чекан. в Гюлистане в 1359 г.) и одна медная золото-ордынская неопределенной даты. Ранее, в период времени между 1912 и 1915 г., здесь же были собраны серебряные и медные монеты Менгу-Тимура (1277—1280 г.), Туда-Менгу-хана (1281 и 1282 г.), Токтогу-Эллейдина (1291 и 1293 г.), Узбека (1313 г.) и Тохтамыша (1388 г.).

Итак, перед нами развалины татарского города XIII и XIV столетий и татарский могильник, очевидно, того же времени. Не лишено интереса, что к северу от Рынка (см. рис. 2), около Винновки (см. ниже), также обнаружены следы татарского поселения, а напротив, на восточном берегу Волги, сохранились развалины татарских городов: а) у сел Верхнего и Нижнего Погромного, б) у истока Ахтубы, в) у села Безродного, на Ахтубе, г) у села Заплавного на Ахтубе же и д) по

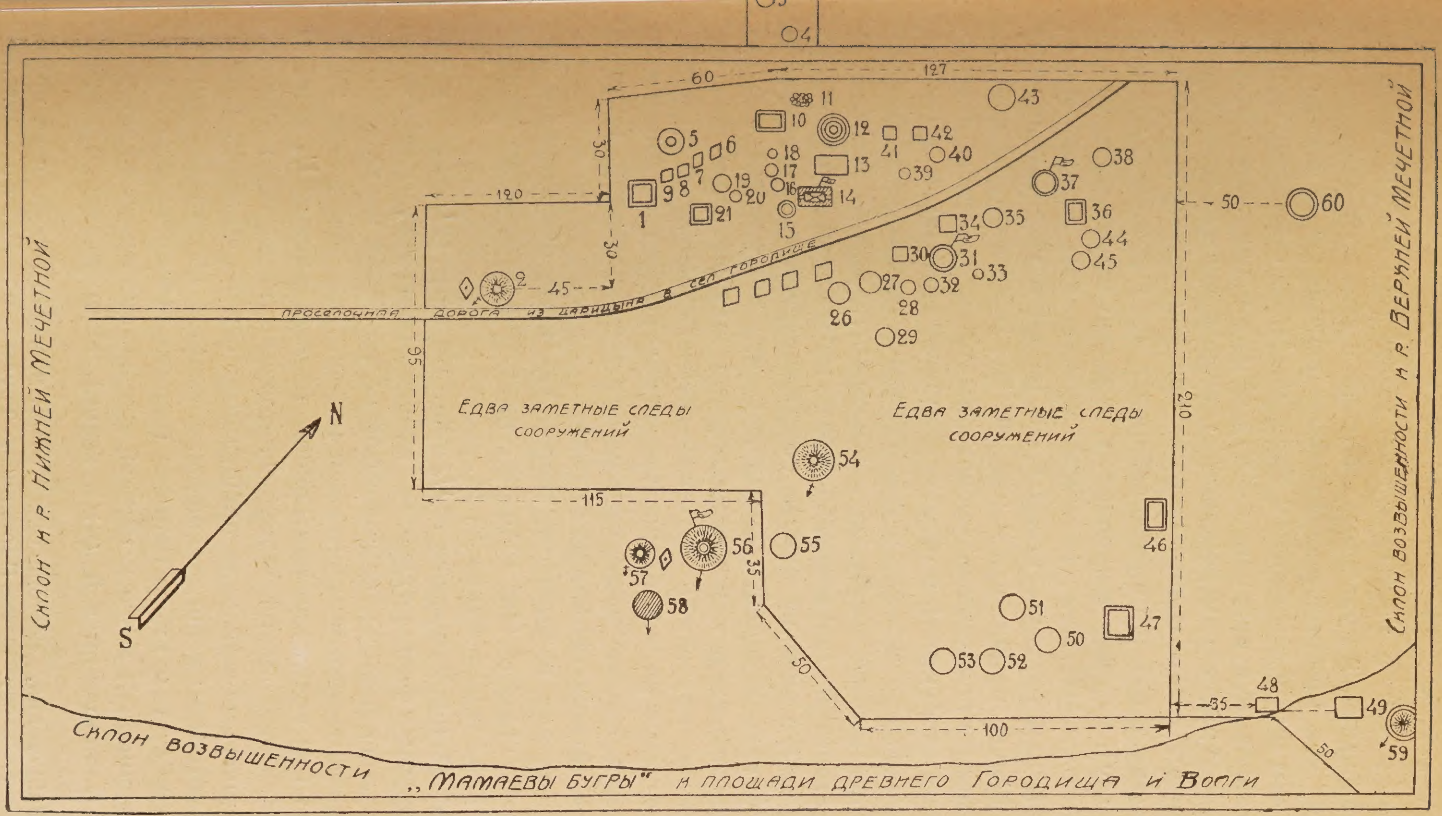


Рис. 3. Схематический план некрополя Мечетного городища Цариц. губ.

1. Контур здания бутовой кладки.
2. Курган доисторического типа.
3. Мало-заметные возвышенности. 80 × 6, 05.
4. Бесформен. остатки кирп. соор. окр. 35.
5.–9. Следы кирпичных сооружений (малозаметные).
10. То же, много ломан. кирпича.
11. Бесформ. скопление дикаря.
12. Чашевидная ямина окр. 35.
13. „ Малая Турба.
14. „ Больш. Тур. (раск. 1920).
15. Ямина за ней.
16.–20. Плохо сохранившиеся бесформ. следы кирпичн. строений.
21. Кирпичное здание окр. 21.
22.–23. Мало заметные остатки развалин кирпичных и каменных сооружений.
24.–29. Мало-заметные остатки развалин кирпичных и каменных сооружений.
30. Небольшой курган окр. 30.
31. Курган раскоп. в 1920 г.
32.–34. Мало-заметн. сооружения.
35. Ямина чашевидной формы.
36. Род Турбы. разведка 1920 г.
37. Курган раскоп. 1920 г.
38. Ямина: окр. 36.
39. Сооруж. неопред. формы.
40. Ямина.
41.–42. Самачные сооруж., вероятно, более позднего времени.
43. Кирпичн. курган.
44.–45. Бутовое камен. здание.
46. Мал постр. из дик. камня 10×16.
47. Тоже 10×12.
48. Тоже 12×15.
49. Курган древнего типа.
50. Малое здание.
51. Небольшой курган.
52. Остатки малых зданий.
53. Тоже.
54. Курган 98×h=1.
55. Курган тат. типа.
56. Курган 1920 г. доист. типа.
57. Курган. доистор типа.
58. Тоже совершенно распахан.
59.—60. Тоже.

всей видимости и на острове Денежном, напротив Мечетного городища и истока Ахтубы.

Перед нами какой-то узел татарской жизни (см. рис. 2), один из центров золотоордынской культуры, и в связи с этим, конечно, не лишено интереса, что местные исследователи связывают Мечетное городище с древним татарским городом Тартанлы [1]). Из собранного ранее материала явствует, что начиная с XVII столетия развалины Мечетного городища служили каменоломнями: отсюда доставлялся строительный материал в Астрахань для сооружения городской стены, церкви и монастыря, или же просто собирался бут и кирпич и распродавался в пользу соседнего помещика. С грустью читаешь все те московские приказы XVII века, которыми предлагалось «Ханскую мечеть и ханский дом сломать, чтобы было на постройке (Астрахани) довольно как белого камня, так и железа» [2]). Поразительны варварство и ненависть, проявленные московским правительством в отношении татарских сооружений в области Нижнего Поволжья, и больно установить, что только теперь, в XX столетии, начинается обследование уцелевших жалких остатков и изучение по-истине высокой и прекрасной татарской «золотоордынской» материальной культуры.

В задачи этой главы не входит собирание данных, касающихся прошлого Мечетного городища; я надеюсь, что мне удастся в будущем (после обследования и других развалин древних татарских городов) дать более подробный историко-географический обзор Нижнего Поволжья и тогда же ближе коснуться истории и Мечетного городища. Теперь считаю необходимым сообщить материал, который удалось добыть при раскопках 1920 года.

Работа экспедици началась на сырту, где нами обследовался некрополь. Были вскрыты три кургана, на плане некрополя обозначенные №№ 31, 37 и 56 и турба № 14.

Курган № 31 (окружностью $39^1/_2$ арш., диаметр. $12^1/_2$ арш. и вышиною 10 верш.) имел в центре довольно значительную ямину и отличался весьма правильною формою, опрокинутой сферической чаши. С севера на юг, от подошвы кургана и включая ямину, была проложена траншея, шириною в 2 арш., которая вскоре, на расстоянии $2^1/_2$ арш. от края кургана и на уровне поля, обнаружила кирпичную кладку. Расширив траншею, обнаружили площадку из самана 40 верш. длины, 16 верш. ширины и 10 верш. толщины; площадка оказалась сложенной из трех кладок саманного кирпича (размеры кирпича 5×5 верш., при 3 верш. толщины); всего в каждой кладке оказалось 16 цельных кирпичей и 8 полукирпичей (5×2 верш.). Направление площадки

---

[1]) Б. В. Зайковский, «Исторический очерк древнего городища на правом берегу Волги, в 17 верст. выше Царицина». Труды Сар. Уч. Арх. Ком., 32 вып., стр. 153 и след..

[2]) Минх, Словарь, стр. 1340.

длинною осью с северо-запада на юго-восток. Под площадкою выявилась саманная заливка (в 12 верш. толщины) с некоторою примесью угля; под заливкою—слой чистого песка в 4 верш. Когда этот слой был снят, показались контуры склепа—могильной ямы, $2^1/_2$ арш. длины, 1 арш. ширины и глубины, с закругленными углами и стенками, обмазанными слоем глины с примесью извести, толщиною в 12 верш. На дне склепа лежал костяк, повидимому, женский, 2 арш. 3 верш. длины. Костяк лежал на спине, головою на северо-запад, руки были вытянуты вдоль туловища, череп на правой щеке. Никаких находок при костяке не оказалось. Под ним были обнаружены следы совершенно сгнивших деревянных досок, и здесь же найдены два железных гвоздя.

Так как откопанное погребение не оказалось под яминой кургана, т.-е. центром насыпи,—по направлению к юго-западу была проложена контрольная траншея, которая вскоре обнаружила второе, мужское погребение. Склеп оказался на той же глубине под курганною насыпью и под яминой, на расстоянии 12 верш. от первого. Его стенки также были обмазаны глиною с известью. Длина склепа 2 арш. 10 верш., ширина 1 арш. 8 верш. Необычайно мощный костяк оказался в северо-западном конце склепа, явно в сидячем положении, с руками вдоль туловища и с согнутыми ногами и прижатыми к груди коленями.

Продленная еще далее к западу и югу траншея более погребений не обнаружила.

Курган № 37 (окружностью 48 арш., диаметр. 16 арш. 6 верш., вышиною 12 верш.), типа № 31, был раскопан путем траншеи 3 арш. 8 верш. ширины, которая была проложена с севера на юг и достигала 8 арш. 10 верш. длины (от подошвы кургана и включая ямину). Подобно, как в первом кургане (№ 31), здесь были обнаружены две могильные ямы, высеченные в твердом глинистом грунте и расположенные осью с северо-запада на юго-восток, на расстоянии 12 верш. одна от другой. Ямы с закругленными углами оказались: первая на расстоянии 4 арш. 12 верш. от северного конца траншеи, 2 арш. длины, 1 арш. 4 верш. ширины и 1 арш. 8 верш. глубины, вторая—на расстоянии 6 арш. 6 верш. от того же конца траншеи и расположенная как раз под яминой кургана, 3 арш. длины, 1 арш. 4 верш. ширины на юго-восточном конце, 1 арш. 10 верш. на северо-западном и 1 арш. 8 верш. глубины. Северо-западный конец этой второй могильной ямы оказался высеченным (как и вся яма) подбоем; над подбойной нишей оставлен слой материка немногим менее 8 верш. Контрольная траншея к юго-западу нового погребения не дала. Над ямами площадок, подобных площадкам кургана № 31, не было, обмазки склепа также не было. Когда был снят насыпной слой кургана (над ямами), контуры могильных ям обнаружились необычайно отчетливо: среди беложелтого глинистого материка, лишь с трудом поддающегося кирке,—

пятна темнобурой земли, с комьями суглинка и песка легко вырываемые лопатой. В первой могиле, на глубине 12 верш., были найдены кости коровы, на глубине 16 верш. — следы деревянных досок, сильно сгнивших. Костяк, повидимому, женский, лежал на доске на дне ямы, на спине, с вытянутыми ногами, с протянутыми вдоль туловища руками и с вертикально опущенной на грудь лицевой стороной черепа. Сохранность костяка, а особенно черепа была прекрасная, зубы блистали ослепительной белизной; размеры черепа небольшие, длина всего костяка 1 арш. 12 верш. Погребение второе оказалось мужским; положение мощного костяка совершенно определенно указывает на погребение в сидячем положении в нише в северо-западном конце могильной ямы; череп был опрокинут затылком к грудной клетке, ручные кости скошены параллельно юго-востоку, позвонки лежали грудой над тазовой костью, ножные кости подогнуты в коленном суставе и лежали под углом на уровне тазовой кости. Весь костяк занимал пространство не более одного квадратного аршина. Находок никаких не оказалось, кроме — в погребении первом—двух железных пластинок, назначение которых определить не удалось; лежали они в северо-западном конце ямы под следами досок, над грудною клеткою.

Курган № 56 более значительный по своей величине (2 арш. вышины и 40 арш. диаметр.) и расположенный на краю сырта, обратил на себя наше внимание своей своеобразной формой с двумя яминами, а также тем обстоятельством, что вблизи него на поверхности пашни нами были найдены две кремневые (молочного цвета) поделки типа скребков, при чем было известно, что кремень подобной породы в данной местности не встречается. Траншея, шириною 1 арш. 5 верш., была проведена строго по компасу с севера на юг через центр кургана, длиною в 28 арш., через более глубокую ямину. Однако вскоре пришлось убедиться, что ямина эта позднейшего происхождения: это землянка недавнего прошлого, так как на территории Мечетного городища и некрополя происходили бои между красными войсками и белыми, а найденные гильзы, обоймы, пищевые остатки и уголь свидетельствовали, что в кургане, весьма удобном наблюдательном пункте, была вырыта землянка,— почти до материка. Древнею оказалась другая, меньшая, ямина. Траншея лишь своею восточною стороною задела обрез подкурганной могилы, как и в первых двух курганах, резко отличающейся цветом темнобурой смешанной и более мягкой земли от беложелтого материка. Траншею пришлось расширить на 3 арш. 2 верш. к востоку и как раз под второю яминою обрисовалась вся могильная яма, лежащая осью с северо-запада на юго-восток,—длиною 3 арш. и шириною на юго-восточном конце 1 арш. 12 верш., на северо-западном 2 арш. 8 верш. В курганной насыпи, а особенно в могильной яме были обнаружены мелкие угли; в могильной

яме, на глубине 4 верш. (ниже уровня поля),—явно долго лежавший в земле человеческий зуб, покрытый белым налетом почвенных солей, куски сильно истлевших человеческих костей, шейный позвонок и несколько серых камней, лежавших вместе; на глубине $8^1/_2$—9 верш.— часть черепной крышки и под нею фаланги 3 пальцев (как бы под щекою) и ножные кости в положении, напоминающем погребение со скорченным костяком; на глубине 12 верш.—несколько истлевших костей (позвонок, ребро, ручная кость и мелкие осколки) и лоб прекрасно сохранившегося черепа. На глубине 17—20 верш. обрисовался лежавший на дне ямы костяк мужчины, похороненного по христианскому обряду, с руками сложенными на груди, и крестиком на шее. Не было левой ноги ниже колена; вблизи тазовой кости лежал кирпич русского образца, очевидно, датируемый одинаково с нательным крестом концом XVIII века или началом XIX. По всей видимости налицо использование в позднейшее время древней могилы. Хотелось бы поставить в связь с потревоженным костяком первоначального владельца могилы кремневые поделки, найденные рядом, тем более, что и положение некоторых его костей как будто позволяет предполагать погребение в скорченном положении. Второе погребение мужчины с ампутированною ногою, возможно, могло бы быть отнесено— в связи с характером, формою и рисунком нательного креста—к 1774 году, когда, в августе, на реке Мокрой Мечетке произошла встреча Пугачева с правительственным отрядом Иловайского, и разбитый Пугачев принужден был отступить. Но, конечно, изложенное является исключительно возможным предположением.

Турба № 14 представляла собою громадный бугор строительного мусора и кирпича до 4 арш. вышины, 31 арш. ширины и 33 арш. длины (длиною осью с севера на юг); к южному концу бугра прилегала глубокая яма; несколько ям на самом бугре как будто обрисовывали контуры четырехугольного сооружения, скрытого под бугром, также отличающимся почти правильными четырехугольными очертаниями. Ввиду необходимости считаться с сильным ветром (когда приступали к раскопкам турбы) две подходные траншеи велись с северо-востока и юго-востока,—от края бугра к его центру. После целого дня весьма затруднительной работы (в связи с мощностью слоя строительного мусора, разбиваемого ломом и киркой)—обе траншеи выявили следы стены из квадратного кирпича, 6×6 верш., в шесть рядов. Соединив обе траншеи по линии этой стены и постепенно расширив новую соединительную траншею по направлению к западу, а потом и к югу, мы постепенно откопали развалины всего здания, 13 арш. 4 верш. длины и 12 арш. 8 верш. ширины (длинною осью расположенного с северо-востока на юго-запад, с незначительным отклонением к северу). Когда контуры здания были выявлены полностью (см. рис. 4), оказалось, что местами сохранилось пять кладок кирпича, местами

лишь одна, а местами кирпич забран весь и сохранилась лишь бутовая кладка фундамента (до $^{3}/_{4}$ арш. глубины), а частью также черная саманная заливка, покрывавшая бут, при чем на этой последней коегде сохранились отпечатки кирпича. Повсюду стены оказались одинаковой толщины, в 6 рядов кирпичей, скрепленных известью. Площадь пола внутри стен (8 арш. 4 верш.×7 арш. 8 верш.) оказалась глинобитной; на полу обрисовывались: около южной стены—очертания большой ямы, заполненной строительным мусором (5 арш. 12 верш. длины и 3 арш. ширины) с выступом к северу, около восточной стены—

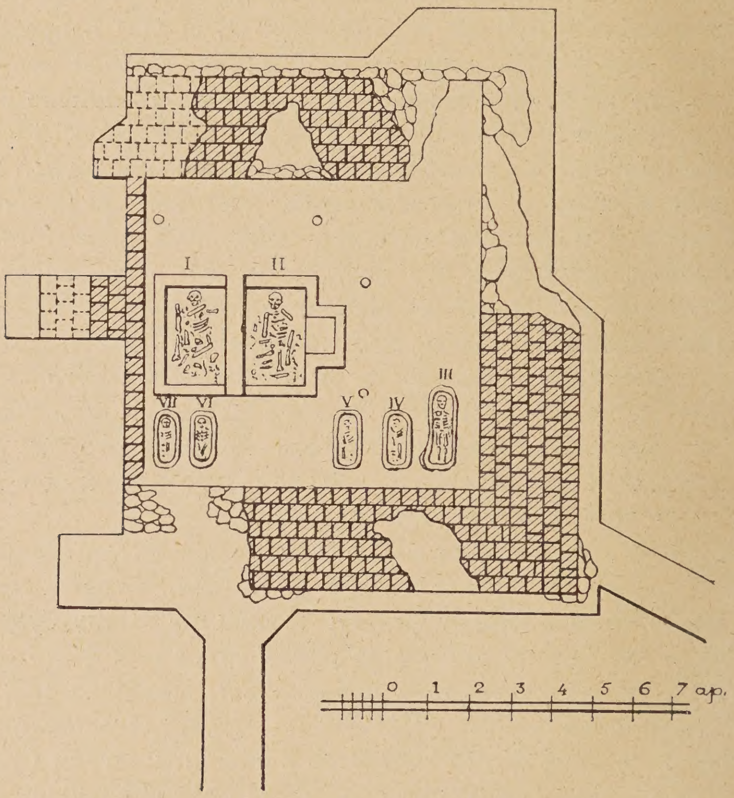


Рис. 4. Мечетное городище. Мавзолей.

очертания пяти меньших ям, заполненных землею и обложенных деревом или обмазанных глиной, а также четыре симметрично расположенных вокруг большой ямы углубления круглой формы. Входные двери, по всей видимости, были устроены в северо-западном углу здания, в западной стене и были 1 арш. 12 верш. ширины. Раскопки обозначившихся ям начались с большой, центральной ямы, которая оказалась окруженной высеченной в материке ступенькой 8 верш. глубины и 8 верш. ширины; выступ к северу состоял из двух ступенек: верхней—4 верш. глубины и 4 верш. ширины и нижней—12 верш.

ширины и 4 верш. глубины. Стенка, высеченная в материке (12 верш. толщины), разделяла яму на два склепа почти одинаковых размеров (36 верш. глубины, 32 верш. ширины и наверху 40 верш. длины). Склеп, занимавший южную половину ямы, был высечен с подбоем, а потому внизу достигал 48 верш. длины. В склепах оказались полуразрушенные дубовые гробовища (см. рис. 5), когда-то, вероятно, с двухскатными крышками с красивыми железными скрепами. В них лежали потревоженные кладоискателями костяки головою на северо-запад и явно лежавшие на спине с руками вдоль туловища. Все цен-

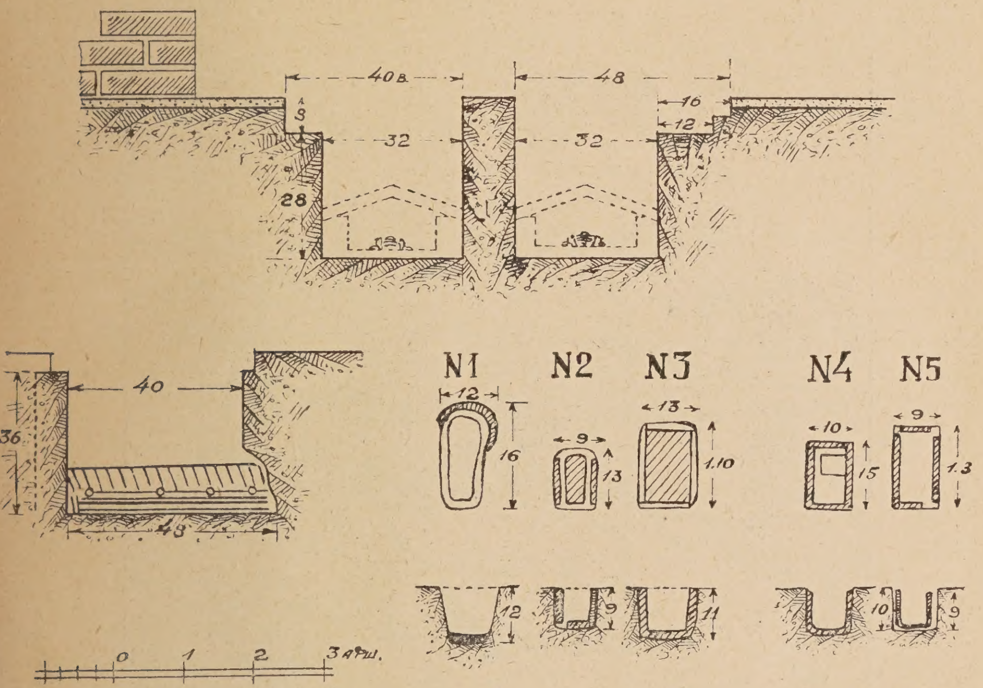


Рис. 5. Мечетное городище. Мавзолей.

ное, очевидно, было взято; остались обрывки тончайшей шелковой парчи, ногтечистка из кости (южное мужское погребение) и следы кожаной обуви. Пять меньших ям были с детскими погребениями: первая с северного конца ряда—с костяком ребенка 10—12 лет, вторая — с костяком, сильно разрушенным грызунами (3 — 4 лет), третья—с костяком ребенка 5—7 лет, четвертая—с костяком 2—3 лет (под черепом кирпич); пятое погребение явно пострадало от рук кладоискателей, так как в яме оказалось лишь несколько костей и полбусины. Костяки все лежали черепами на северо-запад, на спине, с руками вдоль туловища. Размеры ям следующие : первой—2 арш. длины, 12 верш. ширины и 12 верш. глубины (дно обмазано глиной), второй—1 арш. 3 верш. длины, 9 верш. ширины и 9 верш. глубины

(стены и дно обложены досками), третье—1 арш. 10 верш. длины, 13 верш. ширины и 11 верш. глубины (стена и дно обложены досками), четвертой—15 верш. длины, 10 верш. ширины и 10 верш. глубины (стены и дно обмазано глиной), пятой—1 арш. 3 верш. длины, 9 верш. ширины и 9 верш. глубины (стены обмазаны глиной, дно обложено доской).

Таким образом нами откопан явно семейный мавзолей. Не лишено интереса, что в строительном мусоре удалось найти: несколько че-

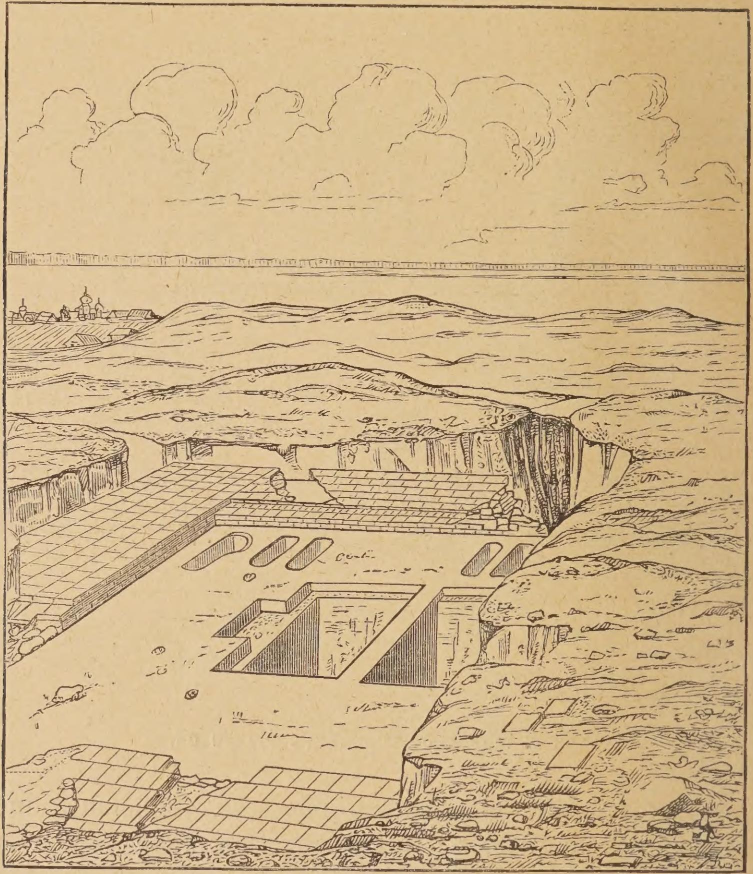


Рис. 6. Мечетное городище. Мавзолей.

репков поливной керамики (см. табл. 2, рис. 4, 5), кирпич, покрытый поливой лиловатого цвета, обломок кирпича с кружковым орнаментом, кирпич с белой алебастровой штукатуркой и кирпич незначительных размеров с огранкой. Кирпичи стен иногда являли своеобразную орнаментацию: а) по три полосы крест-на-крест (из угла в угол), б) рамку из двух полос. Размеры кирпича (как уже говорилось) 6×6 верш., но встречались кирпичи и половинные (6×3 верш.). В могильной яме мужского погребения был обнаружен изразец зеленого цвета с лило-

ватым оттенком, украшенный рельефной каймой—узором (см. табл. 2, рис. 6). В общем казалось, что стены мавзолея снаружи и внутри были оштукатурены снежно-белой алебастровой обмазкой, имели вокруг окон и дверей кирпичное красное обрамление с кружковым орнаментом и, быть может, снаружи—изразцовый лиловый фриз. Служил ли найденный в склепе изразец для облицовки его стен или хотя бы части внутренней стены здания—сказать затруднительно. Над централь-

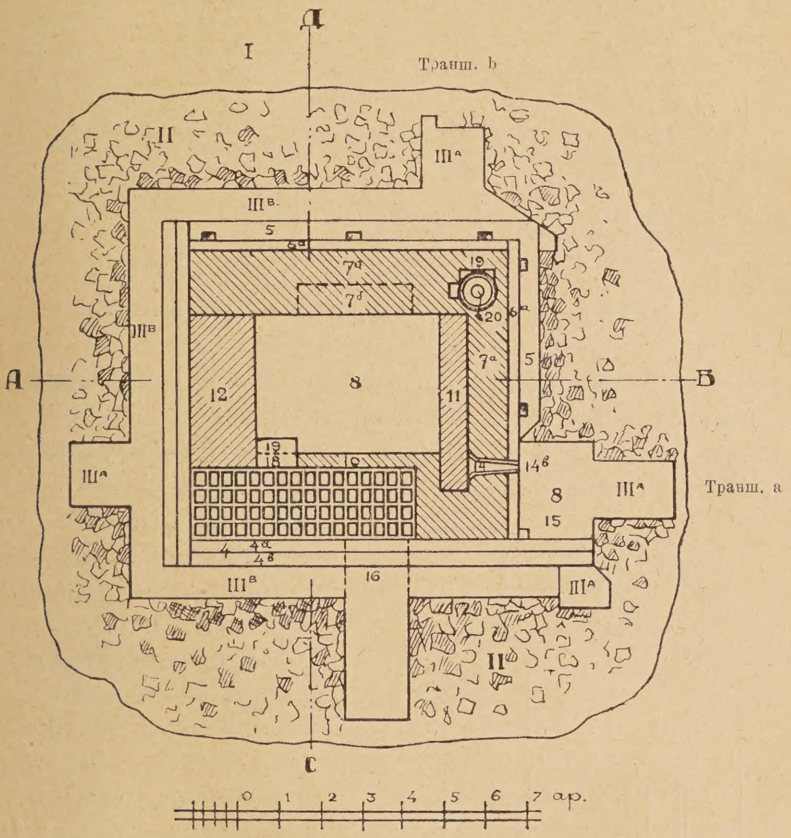


Рис. 7. Дом № 1.

ными погребениями явно была сооружена сень, для подпорок которой служили уже упомянутые круглые углубления в полу. Кирпич с огранкой, быть может, является украшением глиняной ограды (?) вокруг тех же центральных погребений. Найденные черепки как будто свидетельствуют о существовании турбы уже в XIII веке.

Турба, очевидно, была разобрана и кирпич увезен, когда подобная участь постигла и город, и тогда же были разграблены могилы.

В городе решено было устроить разведку, избрав для этой цели квартал, по возможности, незатронутый работами Ширинского-Шихматова. Таковой был найден вблизи «каравансарая» и «мечети» (к

югу от первого и к западу от второй, на берегу балки). Здесь, около «главной улицы» города, к югу от нее, отчетливо обрисовался прямоугольник, непосредственно примыкающий к ней и с востока и запада ограниченный «переулками». Сравнительно высокие бугры земли и

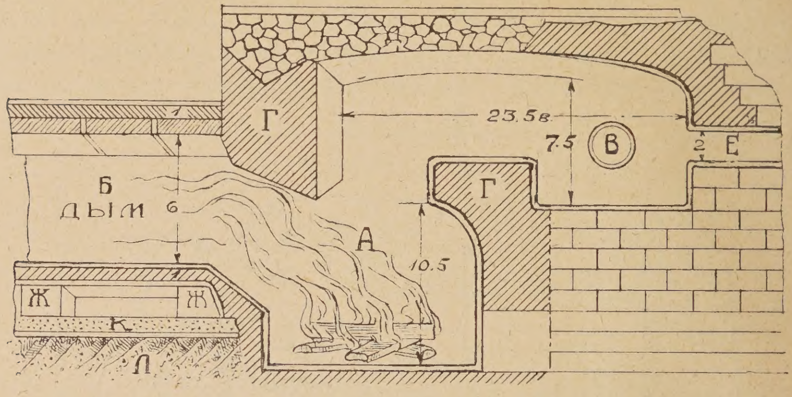


Рис. 8. Резервуар для горячего воздуха комн. 2.

строительного мусора (до 2 арш. вышины) около самой «улицы» позволяли надеяться найти здесь строения; к югу от этих бугров, казалось, выявлялись контуры дворов. Углы квартала (вдоль улицы) явно содержали более сохранившиеся дома; можно было рассчитывать между ними откопать еще одно строение, хотя правильных (или сравнительно правильных) четыреугольных контуров заметить было нельзя. В общем казалось, что перед нами две усадьбы с жилыми домами на углах квартала, с фасадом на главную улицу; между этими домами—службы, а к югу от них—дворы; меньший — около восточного дома и большой, включавший все службы, —около западного дома. На этом втором дворе нам бросилась в глаза кем-то разрытая куча (б. м. Ширинским-Шихматовым), сравнительно небольших размеров (2×2 арш.). Обследовав ее, мы нашли много битого венецианского стекла, алебастра и несколько кирпичей. Однако, если здесь и были стены, т.-е. остатки строения, то искавший чего-то «археолог» так всю кучу разворотил, что невозможно было определить ее происхождение. Все остальное следов раскопок не носило. Вся площадь квартала (40×60 арш.) показалась

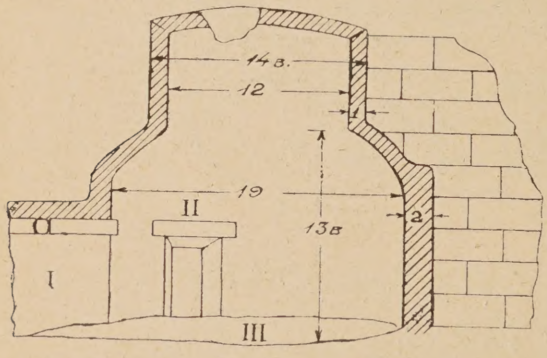


Рис. 9. Мечетное городище. Разрез верт. дымохода.

нам не слишком большою и вполне подходящею для обследования нашими небольшими силами.

Раскопки были начаты с дома № 1 (см. рис. 7), более близкого к мечети (восточного). Размеры этого бугра (см. II на рис. 7) были—$1^1/_2$ арш. вышины, 16 арш. 8 верш. длины (с востока на запад) и 15 арш. 4 верш.

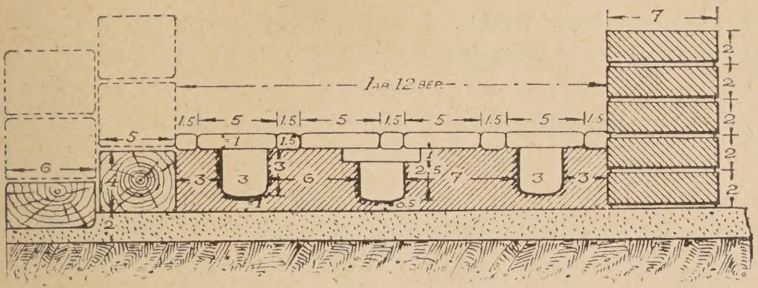


Рис. 10. Мечетное городище. Разрез пола в сенях.

ширины (с севера на юг). С востока на запад (траншея *а*) и с севера на юг (траншея *б*) от подошвы, по направлению к центру бугра были проложены две подходные траншеи под прямым углом одна к другой, каждая 1 арш. 8 верш. ширины. Траншея *а* на расстоянии 2 арш. от своего восточного конца и на глубине 1 арш. выявила глино-земляную заливку. Расширив траншею и продлив ее к западу, мы обнаружили заливную площадку (см. 15) 2 арш. 8 верш. длины (с севера на юг) и 1 арш. 12 верш. ширины (с востока на запад). На этой площадке, с юга огороженной бревном, а с севера сильно сгнившею тонкою доскою, около западного ее края лежала куча костей и перегнивших кухонных отбросов, кости были преимущественно лошади и мелкого рогатого скота (овцы). За этой кучей лежала сосновая доска 3 верш. толщины, которую подпирали вбитые в землю колья (см. 6); за доскою шла саманная стена 1 арш. 1 верш. толщины (см. 7), при чем через нее по направлению к куче отбросов вел лоток из досок, расширяющийся по направлению к помещению за открытою стеною (см. 14). В траншее *б*, на расстоянии 2 арш. 4 верш. от ее северного конца, на глубине 1 арш. 8 верш., обнаружился мусорно-навозный слой 6 верш. ширины и 3 верш. глубины (см. 5), а за ним доска, подпираемая колом (как в траншеи *а*), и саман-

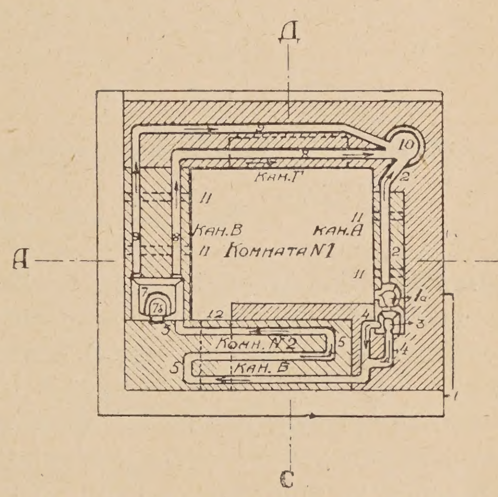


Рис. 11. Система отопления дома № 1.

ная стена 1 арш. 12 верш. толщины (см. $7^{А}$). Таким образом были откопаны две стены строения—северная и восточная. Соединительная траншея от *б* к *а* выявила всю восточную стену и северо-восточный угол дома. Дальнейшие раскопки (см. $III^{А}$), которые были поведены путем расширения соединительной траншеи от *б* к *а* по направлению к западу, постепенно выявили другие стены, а также систему отопления дома (см. рис. 8—11), остатки которого под слоем строительного мусора и песка сберег в достаточной сохранности обследованный нами бугор. Дом, расположенный длинною осью с запада на восток и на юге примыкающий ко двору, занимал площадь 9 арш. длины и 8 арш. 8 верш. ширины. Его северная и восточная стены оказались сложенными из самана (7×7×2 в. или 7×3½×2 в.) и обшитыми снаружи сосновыми досками, подпираемыми кольями (стойками), по три кола около каждой стены, и с завалинкой из навоза. Толщина досок—3 верш., завальни—6 верш., саманной стены—1 арш. 12 верш. В той и другой стенах были устроены

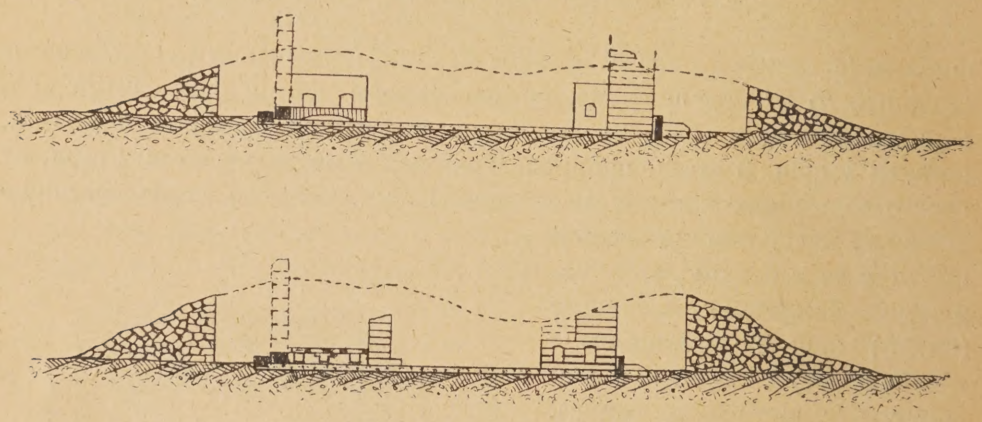


Рис. 12. Мечетное городище. Дом. № 1.

ниши 11 верш. глубины, через которые проведены «каны», горизонтальные дымоходы, приспособленные в виде скамьи (см. $7^{в}$ и 11). Кан восточной стены—4 арш. 4 верш. длины и 15 верш. вышины, кан северной стены — 2 арш. 12 верш. длины и 15 верш. вышины. Над восточным каном, на южном конце, имевшем топку, в стене оказался лоток, о котором уже упоминалось, 14 верш. длины и 8 верш. ширины около кана и 4 верш. на противоположном конце. Южная и западная стены были деревянные, выстроенные в два бревна (см. $4^{а}$ и ^{б}), западная—12 верш. толщины, южная—11 верш.; та и другая имели внутреннее бревно дубовое, наружное—сосновое; стены деревянные, как и стены саманные, лежали на глино-земляной заливке. Однако, ввиду того, что сохранились только два нижних бревна (т.-е. один ряз), возможно, что и здесь, как у саманной стены, наружное сосновое бревно представляет собою как бы обшивку вдоль основания дома. Судя по найденным разбитым косякам из белого алебастра у южной стены снаружи дома, здесь

по средине стены была дверь около 1 арш. 8 верш. ширины (см. 16); входящий через эту дверь попадал в сени—кухню 5 арш. 10 верш. длины (вдоль южной стены) и 1 арш. 12 верш. ширины. Пол сеней кирпичный (4 ряда по 15 кирпичей и одному полукирпичу в каждом, кирпичи—5×5×1 верш.). Саманная внутренняя стена (в один саман 7×7×2 верш.) отделяет эти сени от комнаты (см. 10), занимающей остальную часть площади дома, 3 арш. 5 верш.×4 арш. 7 верш.; пол этой комнаты глино-земляной, заливной, на 7 верш. ниже пола сеней, почему около

Рис. 13. Мечетное городище. Дом № 1.

порога из сеней в комнату устроена ступенька в один саман (см. 18 и 19). Между западною стеною и порогом расположена топка широкой горизонтальной печи (кана—см. 12), 1 арш. 10 верш. ширины и 3 арш. 12 верш. длины, вдоль западной стены. Под этим третьим каном, а также около внутренней стены, в незначительном углублении (1×1 арш.×1—2 верш.), в виде полукруга, были найдены в изобилии кости лошади, овцы и птицы, а также черепки простой и поливной посуды с обычным татарским орнаментом и несколько черепков с арабскою надписью;

несколько черепков были найдены в топке кухонной печи. Стены из самана сохранились до 9 кладок в вышину. При детальном обследовании системы отопления выяснилось, что дом отапливался двумя печами: кухонной и комнатной (рис. 11). Сводчатая кухонная печь, построенная из кирпича, имела два дымохода (см. 8 и 9 на рис. 11), устроенные в кане вдоль западной стены, поворачивающие в северо-западном углу дома под прямым углом на восток, пролегающие далее внутри северной саманной стены и соединяющиеся в северо-восточном углу дома, где в стене же устроен вертикальный дымоход (см. 10 на рис. 11, также рис. 9), обмазанный глиной, внизу более широкой (диаметром 19 верш.), выше суживающийся (до 12 верш. диаметром); глиняная обмазка этого дымохода толщиной в 1 верш. В юго-восточном углу устроена комнатная печь (см. 1, также на рис. 8—А), сводчатая (свод из алебастра), с прекрасно сохранившимся поддувалом, имевшая также горизонтальный дымоход (см. 2, на рис. 8—Б) под нишею в восточной стене дома, выходящий в общий вертикальный дымоход в северо-восточном углу дома. К югу от топки этой печи, под нишей, в кане был обнаружен резервуар (см. 3, также рис. 8) явно для горячего воздуха из топки, соединенный с последнею узким каналом. Из этого резервуара два канала (см. 4, на рис. 8—В и Б), образуя прямоугольник и соединяясь в западном его углу, доставляли горячий воздух в змеевик (см. 5) под кирпичным полом сеней, соединенный через топку кухонной печи с внутренним горизонтальным каналом дымохода этой же кухонной печи и снабженный у выхода в топку кухонной печи вьюшкой. Таким образом было возможно отапливать даже одною комнатною печкою и сени и комнату. Пол сеней являлся своеобразным каном; кроме того, в комнате еще имелись три кана-лежанки (около западной, северной и восточной стен). В таком доме должно было быть тепло даже в сильную зимнюю стужу, особенно если топились обе печи.

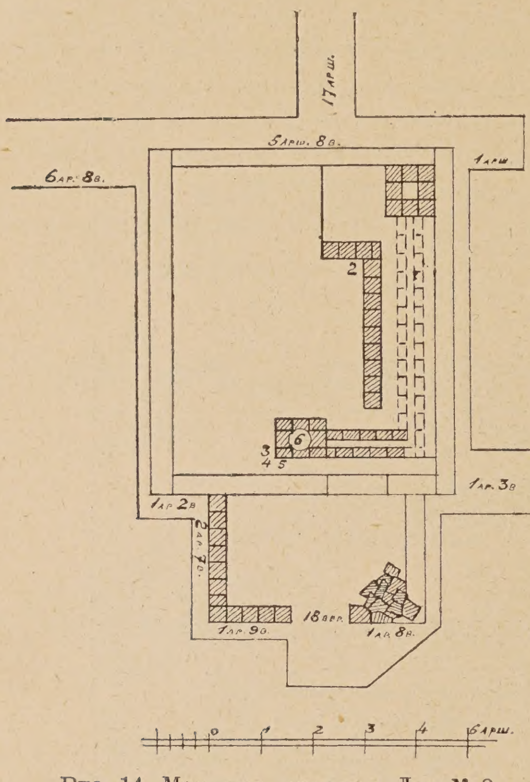


Рис. 14. Мечетное городище. Дом № 2.

Траншея, проложенная поперек двора через центр его, к югу от дома, с востока на запад, длиною 18 арш., шириною 1 арш. 8 верш. и

глубиною до 1 арш., обнаружила полуразрушенную ограду, сложенную из одного ряда самана, глины и дерна (?), расположенную как раз под окружающим площадь двора возвышением, уже своим рельефом напоминавшим ограду. Более углубленная средина двора дала черный культурный слой до 4—5 верш. толщины, содержавший незначительное количество костей и черепков без поливы.

Бугор на северо-западном углу квартала также содержал остатки дома (№ 2), деревянного и явно более богатого (см. рис. 14 и 15). Две подходные траншеи с севера и востока по направлению к средине бугра,

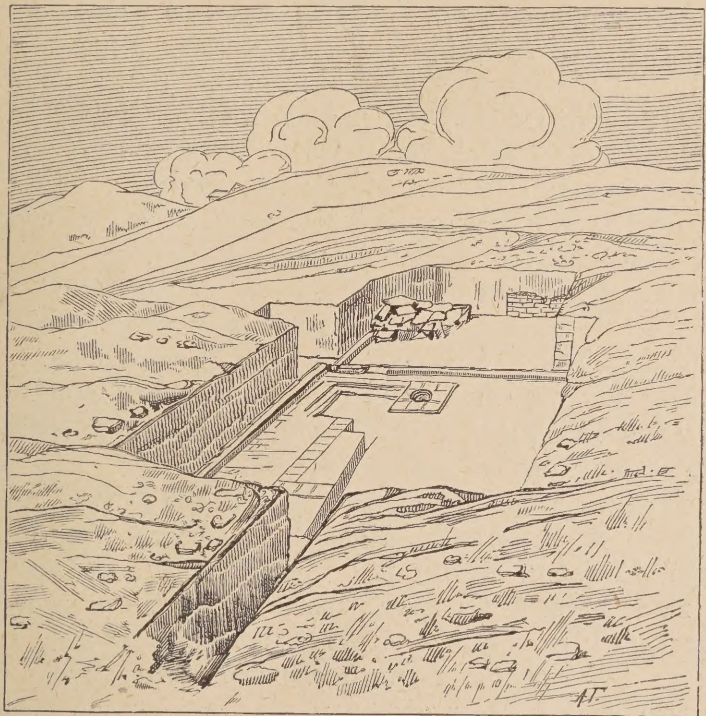


Рис. 15. Мечетное городище. Дом № 2.

под прямым углом, обнаружили северо-восточный угол и восточную стену дома. По снятии всей толщи строительного мусора и песка (до 2 арш. мощностью) выяснились размеры дома, построенного из 8-вершковых дубовых бревен, 5 арш. 8 верш. ×6 арш. 7 верш. На западном конце дома оказалась полукирпичная (сохранилось 9 кладок кирпича), полудеревянная (сохранилось одно нижнее бревно) пристройка—сени (2 арш. 7 верш.×4 арш. 3 верш.) с входными дверьми в 1 арш. 2 верш. ширины. Внутри дома с глиноземляным заливным полом около двери была обнаружена топка (закрытая сравнительно хорошо сохранившеюся круглою вьюшкою) с горизонтальным дымоходом из кирпича, направляющимся к южной стене, а потом пролегающим под широким каном (от $1^1/_2$ до 2 арш.) из глины и кирпича (6 верш. вышины) вдоль

южной стены дома и выходящим в вертикальный кирпичный дымоход в юго-восточном углу дома. Небезынтересно, что совершенно одно-характерное устройство печи откопано В. А. Городцовым в Мажарах (Труды XIV Арх. Съезда в Чернигове, стр. 162 и след.). Кирпичи и полукирпичи этого дома одинаковых размеров с кирпичами предыдущего дома. Кан и топка были украшены мраморными плитками, алебастровыми пальметками (см. табл. 2, рис. 7) и изразцами с синим узором (см. табл. 3). Пол, быть может, частично был выложен мозаикой, так как кое-где сохранились алебастровые ячейки из-под мозаики и несколько небольших синих и голубых изразцовых мозаичных кубиков. В северо-западном углу дома был найден довольно больших размеров полуразбитый поливной сосуд-чаша (см. табл. 7), кое-где были собраны частью поливные, частью простые черепки татарской керамики. Дом явно сгорел, как об этом свидетельствуют частично обуглившиеся бревна западной стены; но, кажется, стены дома пострадали и от рук лиц, собиравших на площади города строительный материал в более позднее после-татарское время.

Соединительная траншея между обоими домами (№ 1 и № 2), до 17 арш. длины, не дала никаких результатов, кроме нескольких татарских черепков. Кроме того, к сожалению, работы пришлось прекратить, так как наступивший в Царицыне хлебный кризис слишком тяжело отзывался и на нас, а особенно на рабочих, не один раз выражавших по этому поводу свое недовольство.

Та же причина заставила бросить и начатую разведку по обследованию «мечети» и «минарета». Удалось провести лишь одну траншею 10 арш. 12 верш. длины и 1 арш. 2 верш. ширины с северо-запада на юго-восток через круг развалин предполагаемого минарета по направлению к центру его. Кругообразное возвышение оказалось состоящим из чрезвычайно твердой слежавшейся земли с значительною примесью глины. Попадались редкие кирпичи с известкой; на глубине 10 верш. были найдены челюсть и ножные кости лошади и отдельные сгнившие куски дерева. На глубине 1 арш. 4 верш. была обнаружена кладка из бута и кирпича (в один кирпич, 6×3×2 верш.), обмазанная глиной, явно сферического очертания; к востоку от этой кладки (внутри круга) оказался пол, сложенный из самана. По всей видимости диаметр этого башнеобразного сооружения равнялся 6 арш. Но, как уже говорилось, по независящим от экспедиции причинам пришлось и эту работу прекратить и возвратиться через Царицын в Саратов.

3. Винновка.

В 20 верстах от Царицына, к северу, на берегу Волги (вблизи деревни и помещичей усадьбы), очевидно, также сохранились следы золото-ордынского поселения, так как б. владельцем Винновки, Лятошинским, на месте фруктового сада усадьбы были обнаружены следы строений

из квадратного кирпича и найдены конический золотоордынский сосуд и в 1870 году медный котел, наполненный серебряными татарскими монетами. В саду же были найдены в довольно значительном количестве и «мордовки», при чем среди них не оказалось ни одного пробитого экземпляра.

Район Пичуги беден археологическими памятниками, около Ерзовки в 1892 году были выпаханы железная сабля и кольчуга.

4. Дубовка.

Район Дубовки, обследованный экспедицией 1921 года дважды, по пути на север и на обратном пути в Царицын, представляет совершенно исключительный интерес и для археолога, и для историка искусства.

В самом посаде сохранились такие перлы зодчества, как Успенский собор, дом атамана Персидского и старые торговые ряды.

В 1734 году [1]) основывается современная Дубовка атаманом Макаром Никитичем Персидским, на месте, где и «прежде бывала Дубовка»; здесь поселяются донские казаки, чтобы охранять берега Волги. В 1762 году этот М. Н. Персидский начинает строить Успенский собор. Повидимому, собор был деревянный и сгорел в 1770 году, после чего был выстроен нынешний собор уже сыном Макара Персидского, Андреем Персидским, и закончен отделкой и освящен в 1796 году. Девятиглавый собор Успения Божией Матери, очевидно, строился продолжительное время; снаружи отличаясь яркими барочными чертами, он внутри своими деревянными позолоченными колоннами коринфского стиля и вообще резьбою иконостаса уже отражает новые художественные стремления Екатерининского времени. В соборе имеется несколько интересных икон и хранятся два серебряных позолоченных ковша времени Елизаветы. Колокольня собора построена позднее, между 1828—1833 годами [2]).

Собор построен в значительной степени из татарского кирпича и внутри был украшен татарскими изразцами, которые позднее были заштукатурены.

По преданию, подземный ход соединяет собор с домом Персидского, выстроенным из дикого серого камня, глыбы которого достигают до 3 аршин длины. На одной из железных связей, скрепляющих глыбы, будто имеется год сооружения дома—1795 [3]). Сводчатые кирпичные потолки, ниши, разные кольца и крюки, торчащие из стен, тяжелые ворота, своеобразные круглые углубления в стенах 2 этажа (с внутр.

---

[1]) Минх, стр. 248.

[2]) Там же, стр. 269—271.

[3]) По другим сведениям на одной из глыб около ворот в 1898 году была обнаружена цифра 1614. Мы не могли найти ни той, ни другой цифры.

стороны), все это придает дому какой-то особый мрачный характер. Полуколонны и оконные наличники и фронтоны выявляют все типичные признаки русского барокко, но безусловно повторяют декоративные мотивы храма, так что невольно является мысль, что храм

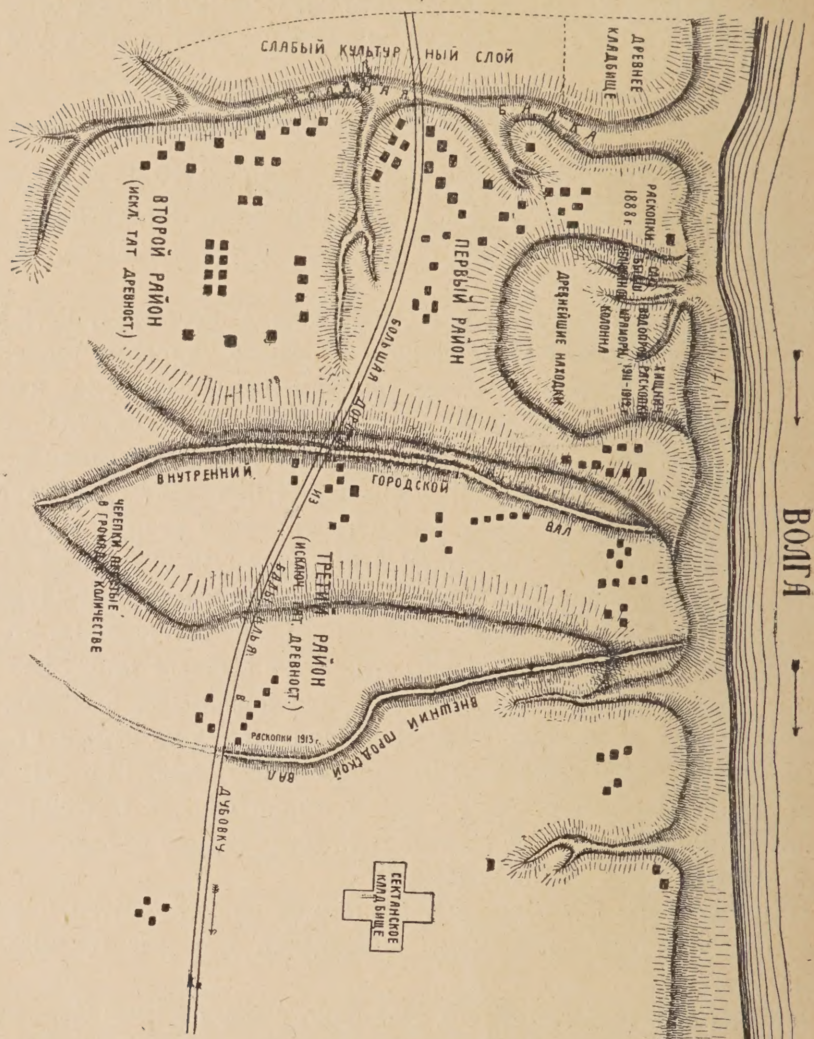


Рис. 16. План Водянского городища.

и дом построены одним архитектором. Восхитительны изразцовые печи в доме, образец провинциального прикладного искусства XVIII века.

В трех верстах выше Дубовки, на берегу Волги расположено древнее «Водянское городище» (см. рис. 16), которое уже не один раз превлекало к себе внимание исследователей, в том числе проф. А. А.

Спицына [1]). Оно довольно подробно описано Н. С. Соколовым в 1888 году [2]), о нем говорят Минх [3]) и Зайковский [4]). В 1912 году здесь были произведены раскопки Зайковским, в 1914 году—саратовским губернатором А. А. Ширинским-Шихматовым [5]). Полагают, что Водянское городище—древний татарский Бельджамен, встречающийся на картах XIV и XV века; лежит оно на приволжском конце древней торговой сухопутной дороги, Дубовка—Качалинская станица, соединяющей Волгу с Доном, через возвышенный водораздел между этими реками, до 60 верст в ширину.

В 1913 году здесь происходили хищнические раскопки, т. к. содержателем постоялого двора в Дубовке, Артемьевым, на широких началах была организована добыча костей для костемольного завода и кирпича из развалин древнего города для построек в посаде. В течение одного месяца с городища было вывезено до 16.000 пудов костей, 92 воза кирпича, а также 100 пудов медного лома, 150 пудов железа, 11 пудов свинца. То же ранее, в 1911 и 1912 годах, было сделано крестьянами. В общем добыча достигала столь значительных размеров, что заметки о ней появились даже в столичных газетах [6]); в Дубовку приезжали скупщики древностей, впрочем, и ранее навещавшие посади покупавшие у детей например, «серебряную статуэтку за две конфетки с махорками» [7]); У крестьянки Прасковьи Игнатенко «евреем из Самары» были куплены «две золотые монеты». Артемьевым были найдены «глиняные статуэтки», много глиняной посуды «с рисунками всадников, мужчин и женщин», которые «охотно покупались по 60 копеек штука». К счастью, Б. В. Зайковскому удалось у крестьян собрать несколько торговых свинцовых пломб V века до Р. Хр. (по определению академика Латышева), а также ольвийские и пантикапейские монеты, позволяющие предполагать, что расписная глиняная посуда были античные вазы, глиняные статуэтки — античные терракоты. Найденные им же византийские монеты Юстиниана и Константина Великого свидетельствуют о торговых сношениях населения Водянского городища в более поздние времена.

Раскопки 1888 года, произведенные членами Сар. Уч. Арх. Ком., дали несколько зданий из квадратного золотоордынского кирпича (5×5×1,1 верш.), кирпичные полы и печи, водопровод и в одном здании мозаичный пол. Была найдена мраморная колонна. Площадь городища была определена в 500.000 кв. с.

---

1) Отчет И. А. К. за 1903 г.

2) Археологическая экскурсия, Труды Сар. Уч. Арх. Ком. т. I, стр. 253.

3) Словарь, стр. 273, 769, 1345.

4) Городище Бельджамен, Труды, вып. XXIV стр. 33.

5) Труды, вып. XXXII, стр. 145, статья С. А. Щеглова.

6) «Русское Слово». 1913, № 170.

7) Труды, вып. XXIV, стр. 35.

Зайковским было раскопано только одно здание, в котором обнаружены голубые изразцы и мозаика.

Раскопки А. А. Ширинского-Шихматова дали несколько зданий: а) со стенкой,—«состоящей из остатков известковой массы с полосою художественной работы с позолотой и медными пластинками мозаики», и с полом из «квадратных кирпичей, отделявшихся друг от друга прокладками в 1 в. шириною из изразцовых полосок синего и голубого цвета» и с «изразцовою звездою посредине, составленною из ромбовидных кусочков белого, голубого и синего цветов», которая имела в средине сквозное отверстие в $1/2$ вершка шириною (см. табл. 5, рис. 1); б) с «кухонными очагами» до 1 арш. вышиной и «обломком ручного жернова»; ѣ) с «полом из плашмя положенного кирпича, в центре украшенным квадратною плитою из дикого камня, с высеченною на нем вглубь звездою» с «сквозным отверстием (см. табл. 5, рис. 3), диаметром $1/2$ вершка»; были вскрыты и погребения. Статья о раскопках не написана самим А. А Ширинским-Шихматовым, а С. А. Щегловым, которым составлена и «опись вещам, добытым раскопками». К статье приложены два рисунка, свидетельствующие о значительном интересе и повидимому сравнительной сохранности развалин домов; тем не менее А. А. Ширинский Шихматов не нашел нужным снять планы с откопанных строений (см. также слова Щеглова, что это было «затруднительно», стр. 148).

Не лишены интереса и сведения у Минха [1]), что «жилища на фундаментах из дикого камня построены были из кирпича отличной доброты» или из дерева, что имелся «источник с пресною водою, при котором был бассейн, вероятно, для запаса воды». «Курганы» (явно холмы строительного мусора), говорит Минх,—«еще ныне (1865 г.) перерываются для добычи из них уже не вещей, как было прежде, но дикого камня и кирпича. Один из находящихся в укреплении особенно замечателен: развалины его доселе огромны, из коих добыто весьма много дикого камня. Вероятно, это был дворец хана, как можно заключить из раскопки материалов и черепков разной посуды... В фундаменте через все строение проведены глиняные трубы, в сверле—2 вершка... Внутренность дворца была оштукатурена; карнизы убраны мозаикой и разноцветными фигурами. В этом кургане найдена была колонна из белого мрамора, длиною 7 четвертей, толщиною в диаметре $3^1/_2$ вершка, шлифованная и обработана правильно в размере с желобками с верхнего конца до нижнего; в верхнем конце оной, в средине, просверлена дыра круглая, шириною в 1 вершок, которая и была залита свинцом»...

Минх называет холмы строительного мусора, покрывающие развалины строений древнего города,—курганами [2]); кроме того, он приво-

---

[1]) Словарь, стр. 1345 и сл.

[2]) Стр. 134.

дит цитату из рукописи Леопольдова, согласно которой, «кроме описанного городка, по всей земельной даче, принадлежащей обществу посада Дубовки, много курганов, не заслуживающих внимания по их мелкости; вероятно тут были хутора или зимовья» и—«от Дубовки по дороге на Илавлу, на расстоянии 75 верст, виднеются высокие курганы, насыпанные из земли».

Действительно, в окрестностях Дубовки виднеется более 10 курганов, но также в черте городища найдены человеческие кости [1]) и откопаны погребения [2]), притом внутри второго «внутреннего вала», т.-е. в более древней части города. Даже больше, близ сада Челюкановых, т.-е. близ самой древней части городища приставом Ивановым (ранее 1913 года) было откопано погребение в лодке: «доски лодки совершенно истлели, сохранились лишь скобы, все одного типа, их было более 100 штук; о положении костяка судить было трудно, но руки были протянуты вдоль туловища; около него лежал совершенно проржавленный меч, железное огниво и железная пряжка». Одна из скреп из этого погребения была доставлена в Сар. Археолог. Музей С. А. Щегловым в 1913 году; подобные скрепы или скобы были найдены и на Терновском городище, осмотрены А. А. Спицыным и определены как сшивки для лодок.

В настоящее время площадь городища почти вся покрыта пашней, сохранились незапаханными лишь Челюкановский сад и участок рядом с ним, изрытый Артемьевым. Пашня усеяна черепками, кирпичом и изразцами. Попадаются татарские монеты, обломки зеркал и татарских замочков-лошадок. Нами были собраны: более 200 черепков и обломков изразцов, обломки металлического зеркала, замочек, глиняный амулет и 13 монет. Монеты относятся: 1) медная — ко времени Узбека, дата стерта (1335 — 1338 г. ?), на обороте лев, идущий направо, из-за его спины видно восходящее солнце; 2) серебряная — ко времени Джанибека, чеканена в Сарае Новом, 1344—1345 г.; 3) серебряная—ко времени Джанибека, чеканена в Сарае Новом, 1348 г.; 4) серебряная—то же, 1346 г., Сарай Новый; 5) медная—то же, 1353—1354 г. Сарай Новый, на обороте цветок; 6) медная — то же; 7) медная — то же, чеканена в городе Тарджине, 8) медная — анонимная, предыдущего типа (с цветком), чеканена 1362—1363 г.; 9) медная—ко времени Хызр-Хана, чеканена в Сарае Новом; 10) медная—ко времени Кильди-бек-хана, чеканена в Сарае в 1364 — 1365 г.; 11) медная — ко времени хана Мюрида, 1365 г., чеканена в Гюлистане; 12 и 13) медные—ко времени Узбека.

Даты вполне совпадают с датами монет «Водянского клада», горшка, в котором оказалось 200 штук, 198 серебряных и 2 медные

---

[1]) Труды Сар. Уч. Арх. Ком., вып. XXIV, стр. 35.
[2]) Вып. XXXII, стр. 146, на плане, стр. 147, № 1.

монеты, относящиеся ко времени 1318—1363 г.г. и указывающие имена ханов Узбека, Джанибека, Бардибека, Кульна, Навруза, Хызра, Кильдибека, Мюрида и Абдуллаха [1]). На амулете, найденном нами, на одной стороне: «Нет бога, кроме бога», а на другой—«Мухамед—посланник бога».

Изразцы обычного золотоордынского типа—белые, голубые и синие; лишь один экземпляр—пестрый: узор его составляют пятна и зигзаги перечисленных выше цветов. Черепки в подавляющем болшинстве из красной глины (табл. 6, рис. 1, 2), с обычным резным линейным орнаментом, в виде параллельных прямых или волнистых линий. Довольно много было найдено черепков из красной же глины, но поливных среднеазиатского типа с лентообразным рельефным или кистевым узором, иногда зеленого цвета, чаще всего белого цвета, при зеленом или желтовато-оранжевом фоне, иногда с безфигурными лиловыми пятнами по такому же фону при лентообразном ободке зеленого и белого цвета вдоль закрайки (табл. 6, рис. 4, 5; табл. 7, рис. 1—5). Многим меньше встречается черепков из так называемого золотоордынского фаянса, поливных, окрашенных в белый с цветным (черным, голубым или зеленым) узором (рельефным или кистевым) или в синий цвет (табл. 7, рис. 6). Черепки простые отличаются необычайно тонко исполненным узором, какого не было найдено ни на одном другом татарском городище или селище. Любопытны соотношения количества найденных здесь черепков перечисленных выше групп; они—иные, чем на Увеке, ближе к Мечетинским. Распределив 218 собранных черепков по группам, я получил: 80% черепков без поливы, 15% черепков из красной глины поливных и 5% третьей группы; черепков из целадона нами совершенно найдено не было. На Увеке, при 75%—80% черепков 1 группы, только — 4% второй, 1%—черепков из целадона и 15% третьей группы; резной линейный орнамент на Увеке несравненно грубее, чем на Водянском городище. Но, конечно, наши находки, может быть, дают более или менее случайные соотношения черепков; естественно, лишь раскопки в широком масштабе дадут более верную картину. Особо должны быть выделены 2 черепка из найденных нами: татарский черепок из красной глины с рельефным выступом и резным сетчатым орнаментом (табл. 6, рис. 2) и обломок сосуда из серого камня с геометрическим орнаментом в виде рельфных зубцов (табл. 6, рис. 3).

Сведения бывш. Имп. Археологической Комиссии [2]) о Дубовском городище не дают правильной картины; в «Отчете» Комиссии говорится: «Культурный слой незначителен и беден, остатков зданий незаметно, хотя за чертою городища и попадаются кучки выбранного из земли битого кирпича. Площадь городища сравнительно невелика; в нее

---

[1]) Кротков. «Клад серебряных джудчидских монет с Водянского городища». Труды, вып. XXX, стр. 180.

[2]) Сравн. Отчет за 1893 год, стр. 26.

входит небольшое отдельное городище, расположенное на берегу Волги, быть может, более древнее». И такое неточное описание городища тем более поражает, что оно не совсем соответствует сообщению А. А. Спицына [1]). А. А. Спицын правильно отмечает, что «культурный слой вообще незначителен, но местами... он очень массивен», что «весь город огражден длинным валом... и в одном месте видны остатки какого-то крепостного сооружения..., на площади городища в разных местах виднеются следы раскопок... кирпичные постройки выходили за городскую черту..., на мысу... расположено самостоятельное небольшое городище, обнесенное своим собственным невысоким валом, быть может, что-нибудь вроде кремля»...

Площадь городища до 2 верст длины вдоль Волги и на столько же вглубь степи от Волги. К Водяной балке, которая, повидимому, является северной границей города, — площадь эта постепенно спадает. За Водяной балкой заметны лишь слабые следы культурного слоя с черепками исключительно красной золотоордынской керамики, следов строений незаметно; полоса вдоль оврага (к северу от него) напоминает татарские селища, вроде Терновского у устья реки, на ее левом берегу. Здесь могло быть предместье, заселенное городскою беднотою. Вблизи Волги эта полоса обрывается, уступая место древнему кладбищу. На правом берегу Водяной балки, т.-е. к югу от нее, расположена часть города (район первый на плане) (см. рис. 16), с запада граничащая с Горелым буераком, с юга обнесенная валом до 14 арш. ширины и $1^3/_4$—2 арш. вышины. На высоком мысу у Водяной балки, в этом районе, сохранились развалины крупного сооружения из камня (башни?) и стен; от остальной площади района, несравненно более низкой, эту часть отделяет овраг. Повидимому, здесь находился «кремль» (какое предположение высказывает А. А. Спицын); во всяком случае, сохранились развалины сооружения крепостного типа. За оврагом (наиболее низкая часть первого района) расположен «сад Челюканова», две десятины, где культурный слой достигает мощности до 2—3 аршин с вкрапленными костями, углем, черепками и кирпичами; здесь были найдены греческие торговые пломбы, монеты Ольвии и Пантикапея и, повидимому, еще другие античные древности, как говорилось выше. Раскопки 1888 года именно здесь дали водопроводные трубы (см. выше) и здесь же была найдена «мраморная колонна». Площадь сада прорезают два оврага, за крайним из которых, к югу, поныне зияющие ямы являются следами хищнических раскопок 1911—1912 годов (на площади также двух прибл. десятин). Эту явно древнейшую часть 1 района (сад Челюканова и место раскопок 1911 и 1912 года) с юга и запада окружает постепенно повышающаяся часть района (ныне частью бахчи, частью пашня), где сохрани-

[1]) На стр. 91 того же отчета.

лись достаточно заметные следы значительного количества прямоугольных сооружений из типичного золотоордынского кирпича ($6 \times 6 \times 1^1/_4$ верш.), почти всегда являющего на своих квадратных плоскостях желобчатые параллельные полосы. Иногда обрисовываются дворы; ямы свидетельствуют о подвалах, потолки которых обрушились. Здесь нами найдены черепки поливной керамики, изразцы и большая часть монет, а также обломки сосуда из серого камня. Следы зданий иногда образуют прямые линии, как бы свидетельствуя о прямых улицах; иногда достаточно отчетливо вырисовываются зигзаги и кажется, что переулки этого татарского города свидетельствуют о менее строгой распланировке города, чем это наблюдалось на Мечетном городище в 1920 году. Повидимому, это более богатая часть города, его центр; множество изразцов и кусочки мозаики, выпаханные плугом и собранные нами в количестве десяти хороших экземпляров, свидетельствуют о богатой отделке домов этого района (величиною в одну квадратную версту). II район, к западу от Горелой балки, окруженный с юга продолжением вала, о котором говорилось, а с севера Водяною балкой,—беднее изразцами и черепками поливной керамики. Но вообще здесь следов зданий сохранилось не меньше. Площадь этого района почти равна предыдущей. Все остальные монеты, хронологически совпадающие с монетами I района, были найдены нами здесь. К югу от упомянутого вала лежит III район (см. на плане), бо́льший, вдоль вала до 2 верст в длину и от 1 до $1^1/_2$ версты в ширину. К югу его окружает второй вал, еще более мощный, чем первый, до 4 арш. вышины, на западном конце образующий сильно изогнутую дугу и обрывающийся (расплывшийся?) вблизи оврага, с запада окружающего город и выходящего в Водяную балку. В этом районе следы строений попадались лишь гнездами, преимущественно в приволжской части, около внутреннего вала и в крайней юго-зап. части района, где в 1913 г. были произведены раскопки. Строения кирпичные и бутовые; изразцов не найдено вовсе. Керамика исключительно из красной глины, типично золотоордынская, лежит на поверхности пашни; чрезвычайно много собрано вблизи зап. оврага. Повидимому, в этой части города, как и за Водяною балкою, обитала преимущественно городская беднота. Культурный слой этого района, как и района второго и более высокой юго-западной части первого района, незначительной толщины, повидимому, исключительно золотоордынский. К югу от второго, внешнего, вала следов жилья нами не обнаружено, черепков не видно; отдельные редкие группы кирпичных строений, встречающиеся здесь, напоминают местами турбы Мечетного некрополя, местами как бы разрушенные хутора; на самом берегу Волги, повидимому, сохранились следы древнего кладбища. В общем впечатление от изучения площади городища таково: первоначально существовало древнейшее поселение в районе Челюкановского сада, на месте

которого и вблизи которого (районы I и II) в XIII столетии был выстроен татарский город, окруженный первым валом (внутренним), потом разроссшийся (район III), что заставило соорудить второй вал, ныне внешний. Перед нами — город-крепость с возможною цитаделью на мысу у Водяной балки, и вместе с тем хочется верить, что здесь процветали и торговля и промышленность, во всяком случае получило значительное развитие изготовление керамики, которая достигает особого совершенства и по составу, и по обжигу, и орнаменту. Факт существования лучших строений отдельными гнездами в III районе невольно навязывает сопоставление с особыми участками, которые Ибн-Батута наблюдал в Сарае [1].

Водянское городище представляет совершенно исключительный интерес и заслуживает особенно внимательного изучения и обследования путем раскопок. Раскопки пока еще вполне возможны, так как пашня — если и значительно сравняла площадь городища — все же не разрушила еще окончательно прямоугольные бугры развалин городских строений, сохранившихся в количестве многих десятков.

К северу от Водяной балки, на сырту, вдоль Волги, виднеются более десяти курганов: ближе к балке—полушарные правильной формы с яминой, далее—расплывчатые, бо̀льшей окружности, но невысокие.

5. Песковатка—Водяное.

Вблизи села Песковатки в 3 верстах от Водянского городища, заметны следы селища площадью до 2 десятин; следов зданий или валов не сохранилось. Судя по находимым на поверхности почвы черепкам, селище—золотоордынское. Культурный слой очень незначителен.

В 8 верстах к северу от Песковатки вливается в Волгу речка Оленья (на правом берегу село Оленье). По рассказам крестьян во время весенних разливов, когда с окрестных гор в речку вливаются бурные потоки вод, в глинах береговых круч Оленьей вымываются лбища и целые остовы оленей, почему и речка и село получили свое название. Согласно справке учителя, опрошенного в 1910 году Б. В. Зайковским, найденные кости были определены: в большом числе лбищами и костями оленя (cervus elaphus), а также лбищем быка (bos primigenius), зубом пещерного медведя (ursus spelaeus) и черепом носорога (rhinoceros tichorchinus) и бивнями мамонта (elephas primigenius). Кости оленя были в значительной степени окаменелые. Нам обнаружить костей не удалось.

---

[1]) Тизенгаузен, Материалы, стр. 306.

В Саратовском Археологическом Музее хранятся два глиняных горшка (культуры катакомбных погребений) из семи, откопанных в 1894 году в кургане на берегу Тюриной балки, выходящей выше села в речку Оленью (см. табл. 1, рис. 5). Предание сообщает о большем числе археологических находок в районе села Оленья; обследовать следы будто бы золотоордынского селения (по Минху, стр. 803, сохранились следы построек из кирпича) в 12 верстах к западу от с. Оленья, у деревни Прямая Балка, нам, за недостатком средств, к сожалению, не удалось.

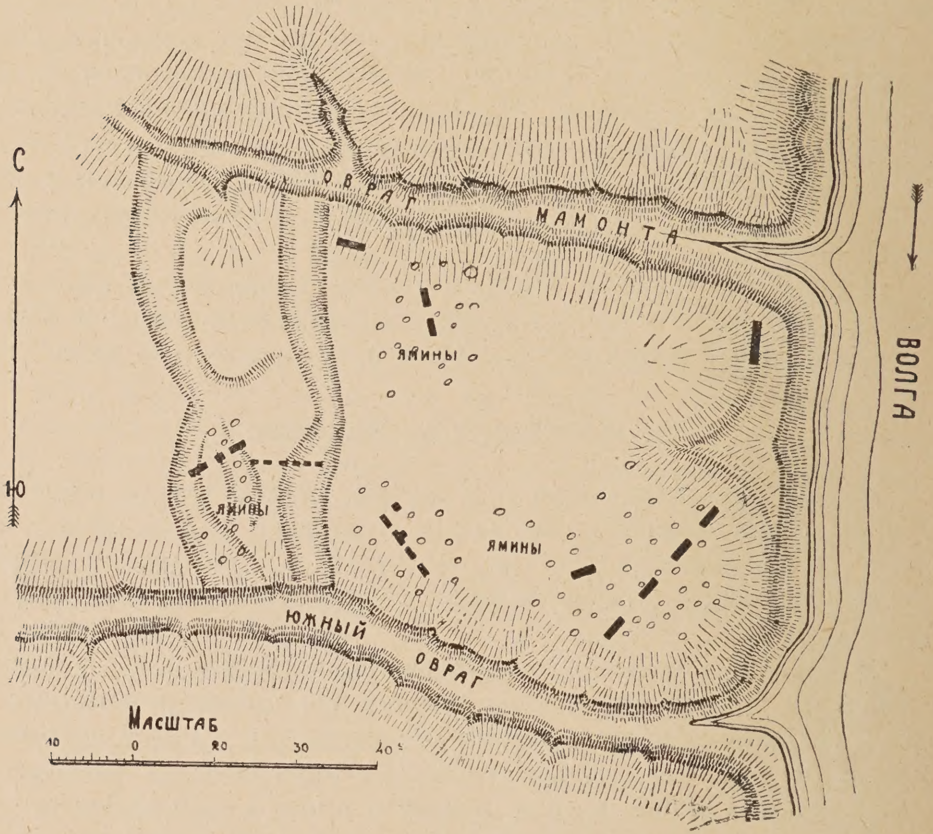


Рис. 17. План Терновского городища.

В 18 верстах от Песковатки, вверх по Волге, лежит село Водяное. Курганов в окрестностях села нами не обнаружено; указанный крестьянами «курган» оказался довольно высоким холмом приволжского сырта верстах в 10 от села. Здесь оказались каменоломни для добычи серого песчаника, из которого построен ряд строений села; рассказы крестьян об этом «кургане» заставляли предполагать каменный мар типа пролейских, и наше разочарование после долгого пути пешком под палящими лучами солнца было тем большее.

В 3 верстах от села к западу, на берегу балки, обнаруживается значительный культурный слой; крестьянами были здесь собраны черепки древней керамики. В 2 верстах от Волги, на берегу речки Водянки, протекающей через село и вливающейся в Волгу около пристани, при распашке огорода была найдена половинка диоритового шлифованного молота с сверлиной.

Около деревни Стрельной, в 8 верстах от Водяного, к северу,— «между балками Стрельной и Гужевой», по рассказам крестьян,— «заметны следы городка, окружностью около версты, с валом и землянками». Обследовать городок нам не удалось. В Саратовском Археологическом Музее хранятся бронзовые наконечники стрел, найденные в районе д. Стрельной; окрестности деревень Водяной, Широкой и Стрельной особо богаты преданиями о Степане Разине и его подвигах.

6. Пролейка—Балыклей.

В 13 верстах от Стрельной на берегу Волги при впадении в нее речки Пролейки лежит большое село Пролейка, известное «царскими могильницами», громадными курганами, «марами», сложенными из дикого камня белой известковой породы (см. табл. 8, рис. 2).

Само село, повидимому, возникло (в средине XVIII в.) на месте древнего татарского селения, так как здесь, вблизи речки, были найдены золотоордынские древности: черепки обычного типа из красной глины и медная лошадка-замочек. Село для своих построек в значительной мере пользуется—об этом говорят и крестьяне—камнем с упомянутых каменных маров, которые называют «Мамаевыми могилами».

Мары эти, или правильнее развалины трех, несмотря на значительные разрушения, еще ныне возвышаются среди безлесной степи и два из них, более высоких, издали белеют на солнце. Два кургана (ближний к селу и один из дальних), повидимому, разрыты кладоискателями, о чем свидетельствуют глубокие ямины почти до уровня степи и чему соответствуют данные Леопольдова [1]) и Минха [2]). Леопольдов и Минх, кроме того, сообщают сведения о курганах в те времена, когда разрушения их еще не достигали столь значительных размеров, как ныне.

Леопольдов видел три кургана; из них два «были обнесены стенами; камни в стенах некрупные и уже обросли мохом... Курганы эти народ зовет царскими могильницами; говорят, будто бы в них похоронен татарский князь с княгиней... один из них занимает пространство 28, другой 22 саж., оба круглые; народ говорит, что 80 лет назад Персидские разрывали их. В них находили: короны, воин-

---

[1]) Рукопись которого имеется у Сар. О-ва Ист., Арх. и Этногр.

[2]) Словарь, стр. 800 и 1343.

ские доспехи, украшения седел, чашки, статуйки разных животных и все—золотое. Третий курган в 400 саженях от этих двух... тут был двор, обнесенный каменной оградой, круглый, окружностью всего до 50 саж. с 4 бастионами».

По Минху, который также рассказывает о разрытии курганов, «к югу от них идет вал на расстоянии более 3 верст», «саженях в 200 к востоку заметны следы каменного двора (городка) и тут же 10 маленьких курганов, уже рытых крестьянами...; в 1850 годах в царских могильницах, при раскопках крестьянами, нашли много разной серебряной и медной посуды, также серебряной и медной монеты».

Ныне «городок» и «вал к югу» исчезли. Мар, ближний к селу, почти вовсе снесен; осталась куча более мелкого камня до $1^1/_2$ арш. вышины и 7 арш. диаметром. Два дальних кургана, несмотря на все разрушения, еще очень внушительной величины.

Более северный мар менее пострадавший, 3,54 саж. вышины, имеет окружность в 64 саж., диаметр с севера на юг 25 саж., с востока на запад 17,5 саж. На вершине две ямины: одна 2 саж. глубины, другая 2,5 саж. В 16 саж. от мара сохранились следы кольцеобразной ограды (окр. 99 саж.), окружающей его. Южный мар в 24 саж. от северного значительно более пострадал. В западной половине его ямина до материка, свидетельствующая о попытке разрыть курган. Диаметр его с севера на юг 29 саж., с востока на запад 23 саж. (окружность 80 саж.), высота в восточной половине 5,44 саж. Также этот мар был окружен кольцеобразной оградой (180 саж. окр.), в 16 саж. от мара.

В 50,3 саженях к юго-востоку от этих двух маров сохранилась группа курганов, значительно расплывшихся. Повидимому, группа была симметрического построения. Два больших кургана, овальные, расположены осью с востока на запад; западный—$1^1/_2$ арш. высоты, 54 арш. окруж., 19 арш. диаметром; восточный, расположенный в 82 арш. от первого,—$^3/_4$ арш. высоты, 95 арш. окр., 29 арш. диам. К северу от них видны следы небольшого кургана (до 13 арш. (?) окр.), сравненного пашней; такие же почти следы как будто заметны и к югу. В одной версте к сев.-вост. от маров сохранилась группа из 10 курганов; 2 больших кургана возвышаются осью с в. на з. посредине, между двумя цепями из меньших курганов, по 4 в цепи. Западный из срединных курганов 3 арш. выс., 40 саж. окружн., 18 саж. диам. с в. на з., 12 саж. диам. с сев. на юг; восточный—выс. $1^1/_2$ арш., окр. 35 саж., диам.—10 саж., расположен в 8 саж. от первого. 8 курганов двух боковых цепей—сильно расплывшиеся; лучше сохранились крайние курганы с запада; они до 9 верш. выс., 35 саж. окр., 10 саж. диаметром. Чем дальше к в., тем курганы этих двух цепей меньше. Расположены эти цепи в 5 саж. от цепи центральной.

В 18 верстах к северу от Пролейки, вблизи ст. Александровской (в 2 верстах от станицы и в 1 прибл. версте от Волги), сохранилась группа курганов (выс. от 2 до 3 арш., окр. 30 саж.); курганы эти были покрыты как бы броней из камня, ныне взятого казаками станицы для построек. Около берега Волги жители ст. Александровской часто находили медные «бишляки», т.-е. татарские монеты; в 10 верстах к западу от станицы был найден медный топор. Были найдены вблизи станицы также железные стрелы и стремена.

О Балыклее (в 7 в. от ст. Александровской) Минх [1]) говорит, что здесь на Шихане «до настоящего времени (1898 г.) заметны следы фундамента, около 40 кв. саж., от какого-то строения... на фундаменте... был дворец какого-то татарского хана». Несмотря на тщательные поиски мы, к сожалению, этих следов на Шихане, горе к югу от Балыклея, не обнаружили. Не знает о них ничего и население. Около Кармоярской балки, в 10 верстах южнее Балыклея, сохранилась группа курганов, значительных размеров, полушарных с яминой и окруженных рвом; осмотреть и обмерить эти курганы в связи с неблагоприятными условиями работы в районе Балыклея нам также не удалось. В окрестностях Балыклея найдены железные, медные и каменные наконечники стрел.

7. Караваинка—Камышин.

В 2 верстах от Караваинки, согласно собранным сведениям, сохранилось городище, еще не обследованное никем. От Караваинки до границы Камышинского уезда сохранились цепи курганов. Антиповские дюны богаты находками: черепками, бронзовыми и каменными стрелами, а также медными поделками; здесь найдены: двускатный медный кованный наконечник копья, четырехгранное шило и кованный медный нож. Было найдено также «серебряное зеркало с изображением человека, стреляющего в оленя».

Между Антиповкой и Сестренками возвышается Шишкин бугор; здесь находят поделки золотоордынского времени, в том числе монеты.

Вблизи Камышина, у Ловецкого оврага обнаружена богатая дюнная стоянка, в изобилии образцы керамики и каменные поделки, в том числе диоритовые молоты; у Пугачевского оврага найдены железные стрелы и стремена; у Питомника—клад золотых вещей: бляшки, сосуд, цепь, рукоятка меча; у Балберочного оврага—дюны с каменными и бронзовыми поделками и керамикой.

Около Камышинских Ушей, в 2 верстах к северу, виден у дороги громадный круг из дикого камня до 120 саж. диаметром—это остатки

[1]) Словарь, стр. 55.

бывшего здесь до постройки Тамбово-Камышинской железной дороги каменного мара, разобранного для дороги. По словам камышан, курган имел до 15 саж. высоты и был виден из-за Волги на 25 верст. На вершину кургана вела «винтообразная тропинка, оканчивавшаяся площадкой». При разборке кургана будто были встречены «дубовые бревна в 2 обхвата толщины». Вблизи мара, на дюнах у Медвежьей дубравы, были найдены бронзовые и железные наконечники стрел.

8. Терновка.

Деревня Терновка лежит в 15 верстах к северу от Камышина по течению речки Терновки, вдоль которой она вытянулась версты на 3 с востока на запад. Местность сравнительно высокая: поднимаясь на 15—25 саж. и более над уровнем реки Волги, она образует плато, местами высокое и ровное, местами (около реки) образующее котловины, местами сырты; все это плато изрезано оврагами, расположенными частью параллельно речке Терновке, частью перпендикулярно к ней. В 2 верстах от деревни, на берегу Волги, у самого устья речки Терновки, к югу от нее, на поверхности почвы было собрано некоторое количество черепков, явно свидетельствующих о заселении этого места в дотатарский и татарский периоды: о более раннем, дотатарском, но все же тюркском времени [1]) свидетельствует черепок толстостенного сосуда из грубой глины, без всякого орнамента; остальные черепки—типично татарские из красноватой глины, сходные с откопанными на Увеке, с орнаментом в виде параллельных врезанных линий, блестящих отполированных полос (явно на плечах сосудов) и глубоких, немного наклонных продолговатых точек между двумя параллельными линиями на шейке сосуда. Вдоль берега Волги площадь этого селища тянется на 80 саженей (судя по находимым черепкам и устанавливаемому культурному слою), вглубь плато, вдоль Терновки, на 50 саженей. Мощность культурного слоя, как выяснила проложенная разведочная траншейка, начинающегося непосредственно с поверхности почвы, не превышает $^{2}/_{3}$ аршина. Следов сооружений не обнаружено.

На левом берегу устья Терновки, между речкой и ближайшим большим оврагом (см. рис. 18), было обнаружено второе селище, несравненно бо̀льших размеров, саженей 150 шириною (вдоль Волги) и на столько же вглубь плато (вдоль Терновки). Количество найден-

---

[1]) Я имею в виду время гуннов-печенегов средней поры железных орудий, которое условно называю средне-кочевническим, в отличие от времени ранних кочевников арийского племени ранней поры железных орудий и времени кочевников поздней поры железных орудий, которых В. А. Городцов («Бытовая Археология», стр. 426) называет поздними кочевниками,—в связи с работами XII и XIII археологических съ‘ездов.

ных здесь черепков несравненно больше; они относится к тому же средне-кочевническому, а также к поздне-кочевническому, именно татарскому времени; черепки татарского времени (см. табл. 9, 10) в изобилии были находимы на поверхности почвы, остальные—на глубине $^1/_2$ арш. и более, и лишь на самом берегу оврага, где почва смывается весенними водами и дождем, эти последние попадались почти на поверхности. Черепки татарские—обычного красноватого цвета и почти все орнаментированы; встречаются орнаменты: точечный в виде вертикальных параллельных полос, пунктиром около закрайки, из наклонных параллельных линий пунктиром разной величины и глубины между двумя или несколькими горизонтальными на шейке, точечный же в виде зигзага пунктиром с удлиненною правою наклонною над горизонтальными линиями на шейке и точечный елочкою; далее—орнамент в виде параллельных горизонтальных линий разного количества и разной глубины и толщины на шейке и плечах сосудов; орнамент линейный в виде повторяющихся полос из 5 и более линий, сравнительно более мелких; орнамент линейный из пяти параллельных линий на шейке и с нисходящими к днищу вертикальными тонкими отполированными полосами; орнамент в виде горизонтальных отполированных полос, более или менее тонких; орнамент в виде зигзага вдоль закрайки; орнамент в виде волнистой линии или нескольких повторяющихся параллельных волнистых линий с острыми или тупыми гребнями, между горизонтальными на шейке; в большом числе волнистый орнамент с тупыми и острыми гребнями между горизонтальными линиями на плечах сосуда. Наконец, найден был один черепок из беловато-серой глины с орнаментом в виде рельефной полоски посредине вдавленного углубления, с листообразными выступами (см. табл. 10, рис. 6). Монеты, которые удалось собрать на

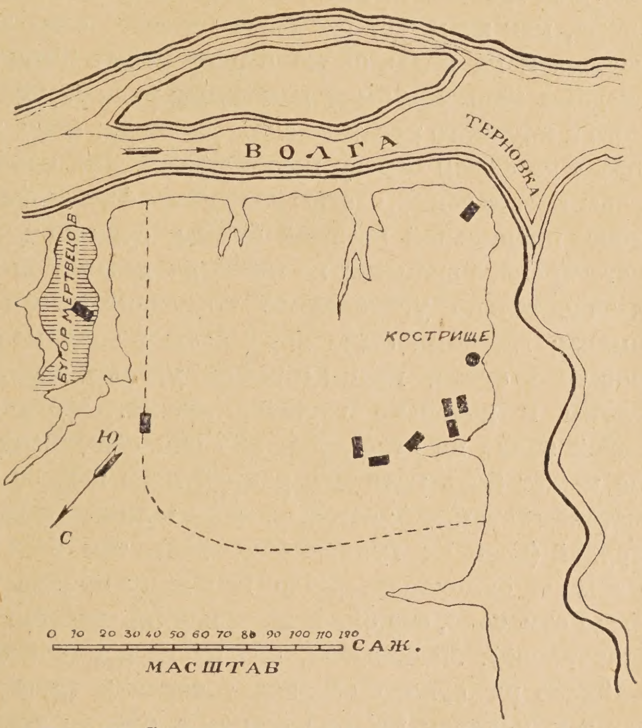


Рис. 18. Селище на левом берегу р. Терновки и могильни к северу от него.

поверхности селища, относятся к XIV столетию, это — медная монета Узбека с изображением двуглавого орла на avers, найденная на краю селища, на свободном от черепков месте, серебряная монета Джанибека, выбитая в 1354 году, и русская монета удельного периода, найденная вместе с черепками, с надписью «пуло тверское» на avers и летящей птицей на обороте.

Проведенные на селище восемь разведочных траншей (см. на плане прямоугольники) 1 арш. ширины и от 3 до 5 арш. длины выяснили мощность культурного слоя до 1 арш.; каких-либо остатков сооружений или кострищ траншеи не дали; культурный слой повсюду одинакового характера, как на мысу, где была прорыта одна траншея, так и в центре селища и на краю, около берега речки Терновки; в темной земле со следами перегноя были находимы: редкий уголь, черепки и кости мелкого и крупного рогатого скота, лошади, птиц, рыб и осетровые щитки. Лишь на самом берегу долины Терновки, частью в обрыве, частью на поверхности земли, частью на глубине 4 верш. было обнаружено кострище почти правильной круглой формы, судя по черепкам из грубой глины, дотатарского времени; на площади диаметром в 2 арш. было выявлено незначительно углубленное посредине и заполненное золою днище ямины; гнездами были вкраплены в золу кости мелкого и крупного рогатого скота, птицы и рыбы, уголь и десяток черепков из грубой глины и довольно грубой отделки. Черепки безусловно к бронзовой эпохе не относятся, ибо они совершенно отличного характера; не может быть речи и о ранней поре железных орудий (о скифо-сарматском времени); остается лишь приписать их средней поре железных орудий (времени гуннов-печенегов), тем более, что уже ранее были попытки однохарактерную керамику приписать именно печенегам, и было отмечено, что она решительно отличается от поздне-кочевнической (татарской). Любопытно, что на всей площади селища нигде не было найдено ни одного образца татарской глазированной керамики. Из других поделок должно отметить бусину татарского типа, три пряслицы и точилку,—все это нашли на обрыве берега Терновки. Частью на поверхности селища, частью в почве, но не глубже $^1/_4$ аршина были собраны 11 грузил для рыболовных сетей.

К северу от селища экспедиция обнаружила могильник: это невысокий бугор, сплошь усеянный погребениями, залегающими столь неглубоко, что человеческие кости, на-ряду с черепками татарского времени, попадаются даже на поверхности земли. С востока и запада бугор окаймлен оврагами; он достигает до 60 саж. длины, а в средине до 20 саж. ширины; к Волге он суживается до 10 саж., а в противоположном конце—до 6 саж.; проложенная почти в центре бугра с в. на з. траншейка в 4 арш. длины выявила на глубине всего лишь 3 вершков 4 костяка. Костяки все лежали на спине, головами на север, я руками, вытянутыми вдоль туловища; один был завернут в бересту.

Поделок при костяках никаких найдено не было. Найденные на бугре черепки, как уже говорилось, татарские, а именно: черепок от большего толстостенного сосуда с орнаментом в виде параллельных линий, большое количество черепков (взято 20) сосудов тонкостенных меньшего размера с орнаментом в виде параллельных линий и отполированных полос на плечах сосуда и явно также на боках, и в виде параллельных волнистых линий или одной более тонкой волнистой линией на шейке, между 2 и 4 горизонтальными параллельными линиями. На правом склоне оврага, между селищем и «бугром мертвецов», Б. В. Зайковским было обнаружено зольное гнездо и при обследовании его найдено в нем—4 черепка из крайне грубой глины.

В трех верстах от селища, вверх по течению Волги находится Терновское городище, открытие которого всецело принадлежит Б. В. Зайковскому. В средине 1909 года Б. В. Зайковский узнал от терновского крестьянина Тихова о «городке» на берегу Волги близ Терновки и 29 июня того же года впервые посетил городище. В сообщении, сделанном в 1911 году в Саратовской Ученой Архивной Комиссии, он так описывает свои впечатления от осмотра городища: «Верстах в 17 к северу от Камышина», пишет он,—«расположено древнее городище, которое занимает мыс, ограниченный двумя оврагами и восточная сторона которого примыкает к реке, а западная, со стороны степи, защищена двумя валами. Валы и глубокие рвы этого древнего укрепления прекрасно сохранились. Площадь городища, занимающая около 4000 кв. саж., усеяна неглубокими круглыми яминами, имеющими форму блюдца и, очевидно, представляющими следы жилищ. Я был поражен обилием находок на городище; в течение 2—3 часов я лично собрал: 3 наконечника стрел, из них 2 из кремня и один из обсидиана, несколько бус, несколько монет мордовок, несколько архаических черепков, грузила, много татарских черепков и золотоордынскую монету, выбитую в г. Сарае в 1280 году при хане Менгу».

Терновская учительница, С. М. Никольская, по просьбе Б. В. Зайковского собиравшая при участии своих учеников древности на городище, через год представила в Саратов «целый узелок» поделок, перечень наиболее интересных из которых я даю; это: «нож двускатный медный, плоский медный топор, медный нож изогнутой формы, бронзовый наконечник копья скифского типа, архаические черепки, бронзовый детский перстень, рукоятка из оленьего рога для орудия, кремневые наконечники стрел, обломки каменных шлифованных молотов, топор бронзовый с вислым обухом, медный энколпион, медные тельные крестики, перламутровая резная икона, около 150 разнообразных бус и подвесок и монеты: мордовские, татарские и русские (от Бориса Годунова до Михаила Федоровича)».

Б. В. Зайковский передал всю эту коллекцию в музей Саратовской Архивной Комиссии, а наиболее интересные поделки потом

временно были предоставлены в распоряжение А. А. Спицына для изучения и опубликования.

Прибыв на городище в 1920 году, мы подобных богатств уже не нашли; на поверхности городища, покрытой мелкой выжженной солнцем травой, удалось собрать лишь весьма незначительное количество татарских черепков и несколько монет; при осмотре валов было обнаружено небольшое количество мелких черепков архаической керамики, однородной с черепками дюнных стоянок, и кусок кварцита в виде скребка со следами желобчатых параллельных сколов. Найденные нами монеты относятся: медная монета Узбека — к 1336—1337 году, серебряный диргем Тохтогу-хана, выбитый в Сарае, —к 1310 году. Терновская учительница М. В. Калашникова передала экспедиции найденные ею здесь же, на городище, две более интересных и древних монеты: медную босфорскую II—I в. до Р. Х. и серебряную парфянскую драхму того же времени. Единственною христианскою древностью, найденною в этом году на городище, является древний медный крестообразный складень с изображением на одной половине, в центре, богородицы, на другой—спасителя (см. табл. 12, рис.4); то и другое изображение, окаймленные круглыми рамками, окружены 4 медальонами со святыми (на концах креста).

Произвести обмер городища было поручено технику Лимаренко, работа которого приложена (см. рис. 17). Вот представленные Лимаренко данные: поверхность городища, расположенного осью с востока на запад с некоторым отклонением к югу, имеет вид четырехугольника 52 саж. длины, 45,5 саж. ширины. С востока городище омывает Волга, с юга и севера расположены овраги, на западе за двойным рядом валов раскинулась степь. Поверхность городища, наклоненная к Волге и посредине значительно смытая весенними водами и дождями, вся усеяна яминами, которых насчитано 74. Защищающие городище с запада валы занимают площадь в 50 саж. с севера на юг, с востока на запад в 26,6 саж. ширины (в южной половине) и в 33,5 саж. (в северной половине). Валы, достигая 5 саж. вышины (считая от уровня дна рвов, расположенных к западу от каждого вала), сохранились сравнительно хорошо и еще ныне производят мощное впечатление. Между обоими валами, в южной половине образованного ими укрепления, также видны ямины, числом 17. Овраги, склоны которых поросли травой и частью кустарником, явно древнейшего происхождения и уже существовали в дни жизни на городище. На дне северного оврага и на северном склоне его, где промыта новая балка с устьем в овраг, в изобилии были обнаружены истлевшие кости. Над Волгою городище поднимается на востоке на 13—15 саж., на западе, не считая вала,— на 25.

Для выяснения мощности и характера культурного слоя, значения ямин и конструкции валов на городище экспедицией были про-

ложены 24 траншеи (см. на плане прямоугольники). Траншея I, длиною 8 арш., шириною 1 арш. и глубиною от 1 до $1^1/_2$ арш., расположенная на смытом восточном конце городища, выявила лишь следы разрушительной силы воды, уносившей с собою с поверхности городища все, что попадалось на пути; весенние воды оставили здесь наплыв, в котором были найдены на разной глубине: татарские черепки с орнаментом в виде параллельных горизонтальных линий и без орнамента; на глубине двух лопат—закрайка среднекочевнического сосуда из грубой глины, две таких же закрайки на глубине 1 арш.; на глубине одной лопаты закрайка сосуда бронзовой эпохи с шнурковым орнаментом, днище архаического сосуда и еще закрайка с точечным орнаментом елочкой. Находимые кости принадлежали крупному и мелкому рогатому скоту и рыбе.

Траншея II, 9 арш. 5 верш. длины и 2 арш. ширины, на другом, западном конце городища, вблизи вала, наоборот, выявила совершенно нетронутые культурные слои трех разных эпох. Прорытая через ямину и достигающая 4 арш. глубины, траншея эта дала следующие любопытные данные: ямина оказалась древнего происхождения, а именно, местом, по всей видимости, последовательно сменивших друг друга древних жилищ. По снятию культурного слоя мы обнаружили пятно более темной земли, диаметром в 2 арш., среди остального менее темного культурного слоя городища. Толщиною всего лишь в $2^1/_2$—3 вершка пятно это содержало три татарских черепка и кости лошади и рогатого скота. Незначительная прослойка более светлого цвета, напоминающая песчаный нанос, отделяла это пятно от более темного и большого. Расширив траншею до 4 арш., мы выявили пятно неправильной формы, 9 арш. длины и 4 арш. ширины, состоящее из черной земли с редким углем и гнездами золы. Пятно оказалось толщиной от $9^1/_2$ до 14 верш., в центре 12 вершк., содержащим чрезвычайно много костей крупного и мелкого рогатого скота, рыб и птиц и в изобилии осетровых щитков. На западном краю пятна, на глубине 13 верш. от поверхности городища, среди мелкого угля и большого числа крупных костей (коровы) лежал разбитый довольно большой сосуд из грубой глины, предположительно среднекочевнический; на месте оказались — обломок днища, обломки стенок и почти вся закрайка (см. табл. 12, рис. 2). Там же рядом была найдена закрайка еще другого сосуда из такой же глины, но меньшего размера. Слой чистого желтоватого песка, толщиною от 7 до 8 верш., отделял это пятно от третьего ($1^1/_2$—2 верш. толщины, диаметром в 4 арш.); в нем оказалось много костей рыб и рогатого скота и закрайка с шнурковым орнаментом елочкой, типа керамики бронзовой эпохи (см. табл. 12, рис. 1), и другая с шнурковым орнаментом параллельными полосами. Кости во втором и третьем пятне носили следы раздробления с целью извлечения мозга.

Траншеи XIII и XIV, в дополнение к I и II, должны были содействовать выявлению характера северной половины городища. Траншея XIII в 6 саж. 2 арш. к востоку от траншеи II была вырыта в 2 саж. 3 верш. длины, 1 арш. 12 верш. ширины и 1 арш. $13^1/_2$ верш. глубины. Она дала культурный слой 1 арш. 9 верш. глубины, лежащий на песке. На глубине 8 верш. стали попадаться кости в сравнительно большом количестве, там же лежал гвоздь татарского типа. На глубине 1 арш. был найден черепок из грубой глины среднекочевнического типа с дырой ниже закрайки. На глубине 1 арш. 6 верш. вновь в изобилии стали появляться кости, а вместе с ними три черепка «даниловского типа» (со штриховкой) и 5 других архаических (бронзовой эпохи) черепков (см. табл. 11, рис. 4), в том числе один с шнурковым орнаментом елочкой. Каких-либо особых пятен, золы или угля найдено не было.

Траншея XIV в 3 саж. 5 верш. от траншеи 13, к юго-востоку от нее, проложенная через ямину, была вырыта в 2 саж. 2 верш. длины, 1 арш. 13 верш. ширины и 1 арш. 12 верш. глубины. Она обнаружила кострище и более темный культурный слой в виде пятна до 1 арш. $10^1/_2$ верш. диаметром среди более светлого культурного слоя, над песком. В пятне были найдены в большом числе кости крупного рогатого скота и лошади, многие с продольными расколами, медвежий клык и два татарских черепка; на дне ямины зола и уголь. Следов более древних культур, чем татарская, найдено не было.

Траншеи IV, V, VI и VII должны были выявить характер южной половины восточного конца городища.

Траншея IV, расположенная в 8 саж. 1 арш. от промоины, посредине восточного конца городища, достигала 5 арш. 15 верш. длины и 1 арш. 10 верш. ширины. Траншея выявила культурный слой на северо-восточном конце лишь 6 верш. глубины, на юго-западном—в 1 арш.; в нем оказалось лишь несколько костей. Под культурным слоем залегала нетронутая глина и камни. Траншея V, в 7 арш. 7 верш. от IV, на юго-запад от нее, 7 арш. 15 верш. длины и 1 арш. 6 верш. ширины, дала культурный слой на северо-восточном конце $2^1/_2$ верш., в средине—1 арш. 3 верш., на юго-западном—8 вершков; под культурным слоем оказались камни и глина. На дне заполненной культурным слоем ямины, которая была заметна и на поверхности городища, было найдено несколько костей. Траншея VI, в 5 арш. 15 верш. от V, 3 арш. 7 верш. длины и 1 арш. 11 верш. ширины, дала заполненную культурным слоем, заметную на поверхности (до 9 верш. глубины) ямину со следами костра; дно ямины (на глубине 1 арш. 2 верш.) заполняли на 2 верш. зола, уголь и большое количество костей рогатого скота и осетровых щитков; там же лежал архаический черепок даниловского типа; расширив траншею в центре до 2 арш., удалось выявить следы костра диаметром в 2 арш. Над костром, на 5 верш. выше его, мы нашли черепок среднекочевнического типа, а

еще выше—черепок татарского времени, но раннего типа. Траншея VII, в 15 арш. от VI, 4 арш. 15 верш. длины и 1 арш. 6 верш. ширины, также была проложена через ямину и выявила залегание культурного слоя в центре ямины до 1 арш. 2 верш. глубины, на краях—7 верш. Под культурным слоем были обнаружены нетронутые глина и камни. Углей и золы найдено не было, но на дне ямины лежали 4 архаических черепка, в том числе две закрайки с шнурковым орнаментом в виде зигзага (времени бронзовой эпохи см. табл. 11, рис. 1, 5). Немногим выше, на глубине 12 верш., было найдено несколько костей; еще выше, на глубине 9 верш.—гвоздь и кусок чугунного котла.

Траншея VIII, проложенная в центре южной половины городища, 7 арш. длины и 1 арш. 7 верш. ширины, дала культурный слой толщиной в 1 арш. 2 верш.; кроме одного архаического черепка (бронзовой эпохи) на дне траншеи и нескольких костей траншея ничего не дала.

Траншеями IX, X, XI и XII, соответствующими II, XIII и XIV, было предположено обследовать западный конец южной половины городища. С юго-востока на северо-запад они пролегали через группу ямин в этой части городища. Траншея XII, 1 арш. 11 верш. длины и 1 арш. 11 верш. ширины, дала культурный слой толщиною в 1 арш. с чрезвычайно большим количеством костей рогатого скота, птиц и рыб. Угля, золы и каких-либо поделок не было.

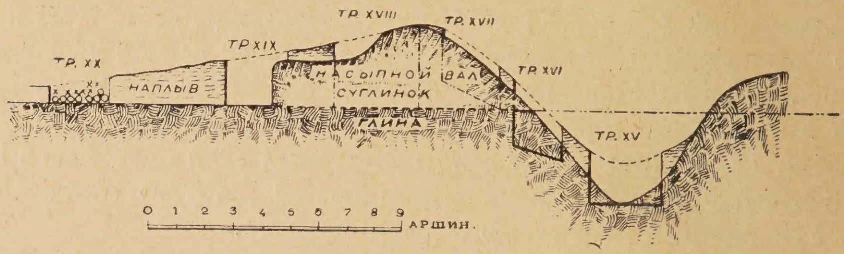
В 3 арш. 1 верш. от траншеи XII, через ямину была проложена Т-образная траншея XI, с с.-з. на ю-в. 4 арш. 6 верш. длины и 13 верш. ширины, с выступом на с.-в. в 3 арш. 8 верш. длины и 2 арш. 6 верш. ширины. Открытая здесь ямина, все признаки которой были видны и на поверхности городища, была заполнена частью культурным слоем более темным, на дне, частью наплывом из песка и камня. На дне ямины (2 арш. в диаметре), находящемся на глубине 1 арш. 6 верш. от поверхности городища, были найдены кости, редкий уголь и 5 черепков архаической керамики, из них два без орнамента, а из трех остальных—один с точечным орнаментом вдоль закрайки, другой—с веревочным, третий—с полосою вертикальных черточек. На глубине 13 верш., под наплывом земли и камня, был найден сосуд из красновато-оранжевой глины с орнаментом в виде вдавленных по плечу ямок (см. табл. 11, рис. 6). Еще выше, на глубине 5 верш., были найдены 2 средне-кочевнических сосуда; на том же уровне, но на некотором удалении от них,—гвоздь, и на глубине 2 верш.—другой гвоздь татарского типа. Между черепком из красно-оранжевой глины и среднекочевническим был заметен слабый наплыв.

Траншея X, в 13 арш. 2 верш. от XI, 3 арш. 3 верш. длины и 1 арш. 8 верш. ширины дала культурный слой лишь 10 верш. глубины, притом содержащий большое количество камней, лежащих на слое суглинка в 1 арш. 2 верш. толщиной; под суглинком был обнаружен песок.

Непосредственно над суглинком в с.-з. конце траншеи был обнаружен уголь и маленький костяк в расчлененном состоянии; на некотором отдалении от костяка, на суглинке же были найдены два архаических черепка. Поодаль, на другом конце траншеи и выше, на глубине лишь 3 верш. были найдены еще два черепка из грубой глины, типа средне-кочевнических. На такой же глубине, но под костяком, был найден черепок с прямою закрайкой, украшенной рядом глубоких параллельных линий (см. табл 11, рис. 3).

Траншея IX, в 4 арш. 1 верш. от X, 6 арш. 2 верш. длины и 1 арш. ширины, на глубине $15^1/_2$ верш. дала следы костра, 1 арш. в диаметре, в ямине, в которой были найдены два архаических черепка даниловского типа, один с наружной, другой с внутренней штриховкой. Под культурным слоем, заполнявшим ямину, обнаружен суглинок и камни.

Траншеи XV, XVI, XVII, XVIII, XIX и XX (см. рис. 19) выявили



Рпс. 19. Разрез вала (внутреннего) Терновского городища.

конструкцию вала; траншея XV (2 арш. 7 верш. длины, 1 арш. 1 верш. ширины и 1 арш. $6^1/_2$ верш. глубины) выявила характер рва, заполненного черною землею, его закругленные контуры; траншея XVI (в 1 арш. 1 верш. от XV, 2 арш. $3^1/_2$ верш. длины, 1 арш. $6^1/_2$ верш. ширины, от 1 арш. 4 верш. до 2 арш. глубины) дала старый контур вала (на западном конце траншеи в 10 верш. от поверхности, на восточном — в 6 верш.); вал оказался насыпным из гравия и песка над поверхностью плато; траншея XVII (в 1 арш. от XVI, 2 арш. 8 верш. длины, 1 арш. 7 верш. ширины, 1 арш. 2 верш. глубины) дала контур вала на западном конце в 5 верш. от нынешней поверхности, на восточном—в 2 верш.; основание вала в 15 верш. от поверхности. Траншея XVIII (в 25 верш. от XVII, 3 арш. 7 верш. длины, 1 арш. 7 верш. ширины и от 2 до 3 арш. глубины) дала наружный контур вала, на западном конце совпадающий с нынешним контуром, на восточном— в 6 верш. под поверхностью; траншея XIX (1 арш. 9 верш. от XVIII, 2 арш. 2 верш. длины, 2 арш. ширины и 1 арш. 6 верш. глубины) дала внешний контур вала на западном конце в 2 верш. от поверхности, потом в 8 вершках от западного же конца вертикальный обрез вниз и, наконец, на восточном конце—поверхность древнего городища в 1 арш. 6 верш. от теперешней поверхности.

Проложенная в 4 арш. от XIX траншея XX, 3 арш. длины, 1 арш. ширины, 1 арш. глубины, дала на западном конце прежнюю поверхность городища в 1 арш. от нынешней, на восточном—в 6 верш. В ней оказалось много костей рогатого скота и рыбы, осетровые щитки, 8 черепков архаической керамики времени бронзовой эпохи и несколько т. н. «даниловского» типа (один с внешней и внутренней штриховкой).

Траншеи III, XXI, XXII и XXIII (см. рис. 20) должны были выявить конструкцию второго мощного, наружного вала. Проложенные через вал в его южной половине с ю.-з. на с.-в., траншеи дали нижеследующие данные: траншея III, крайняя к ю.-з., 3 арш. длины, 1 арш. 2 верш. ширины и 1 арш. 2 верш. глубины насыпь из камня и песка; в покрывающем ее культурном слое—уголь и кости; XXI, в 1 арш. 3 верш. от III, 2 арш. 6 верш. длины, 1 арш. 2 верш. ширины и 1 арш. 8 верш. глубины — культурный слой, заполняющий яму; XXII, в 5 арш. 6 верш. от XXI, 2 арш. 7 верш. длины, 1 арш. 6 верш. ширины и 1 арш. 1 верш. глубины,—культурный слой, покрывающий, как в

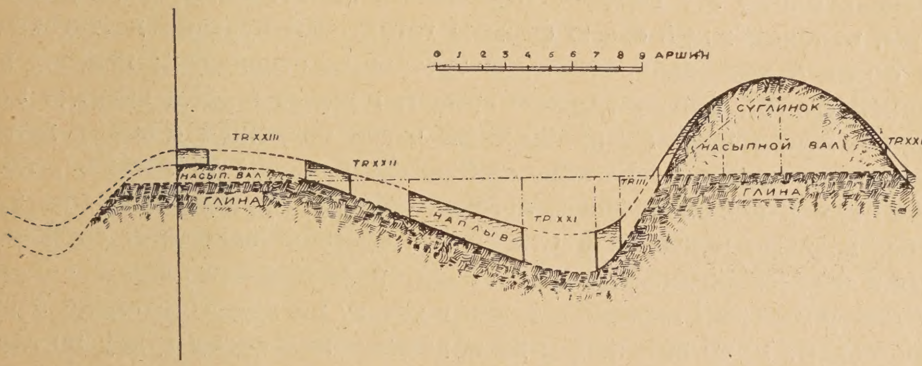


Рис. 20. Разрез наружного вала Терновского городища.

XXI, глину окружающего яму повышения из глины же; траншея XXIII, в 2 арш. 3 верш. от XXII, 4 арш. 2 верш. длины, 1 арш. 7 верш. ширины и от 12 верш. до 1 арш. глубины,—культурный слой над повышением из суглинка. В общем все четыре траншеи дают возможность обрисовать следующую конструкцию вала: высокий наружный вал с внутренней стороны имел яму, где укрывались защитники и которая с востока была окружена кольцеобразным повышением из глины.

Таким образом, войдя с запада через ворота, следы которых сохранились, на городище, приходилось сперва пройти мимо бастионообразных укреплений наружного вала; миновав затем внутренний вал более простой конструкции, можно было видеть площадь городища, всю усеянную жилищами населения, вероятно, шалашами, сооруженными над вырытыми в земле яминами. Население городища, занимавшееся скотоводством, охотой и рыбною ловлей, вело в течение

веков один и тот же образ жизни, хотя и менялся его племенной состав. Заселенное сперва представителями бронзовой эпохи, быть может, даже неолитической эпохи каменного периода, городище давало потом приют скифам и сарматам, вероятно, гуннам, аварам и печенегам и, наконец, было завоевано торками, половцами и татарами. Население бронзовой эпохи, далее представители ранней поры железных орудий, средние кочевники (гунны-печенеги) и татары оставили здесь, на городище, следы своего пребывания в виде черепков брошенных сосудов (см. табл. 11 и 12, рис. 1 и 2). Но городище, несмотря на свое выгодное положение и богатство, знало и годы, когда не раздавалась на нем иранская речь скифов и сарматов и тюркская речь других перечисленных народностей: бывали времена, как об этом ярко свидетельствует траншея II, когда весенние воды и сильные летние и осенние дожди, смывая валы и унося с собою песок, покрывали площадь городища наплывом, погребавшим под собою следы костров и брошенных жилищ.

В 12 верстах от Терновки, вверх по течению Волги поднимается громадный массив «Ураковой» горы; извилистая долина речки Ураковки отделяет эту гору от терновского плато. Подножие Ураковой горы, напоминающей своею формою гигантский курган и достигающей 70 саженей вышины, состоит из третичных отложений; пещеры вычурной формы, фантастические арки и мощные столбы впереди этих арок и пещер придают прибрежной части подножия особый, дикий, сказочный характер. Вполне становятся понятны те легенды, которыми народ окружил своего любимца—«гору Урака». Здесь, на этой горе, впервые подвизался Степан Тимофеевич, защитник обездоленных и притесненных. «Стенька Разин, рассказывает легенда,—придя на Волгу молодым парнем, вступил в ватагу волжского атамана Урака кашеваром. Урак был жаден до наживы и ни одному судну не давал прохода. Однажды он приказал Степану остановить крестьянскую посуду с лаптями. Тот отказался, сказав, что не следует и грешно атаману грабить крестьянский люд. Урак заспорил, дело дошло до оружия, и выстрел атамана должен был покончить с непокорным казаком. Но заговоренный от пули Степан вернул ее атаману. Урак стал безумно хохотать, а от хохота разорвалось его грозное сердце и он упал замертво. Степан был об'явлен атаманом. И ныне, в бурную погоду, часто слышен хохот на вершине горы: это ненашедший покоя Урак, возвратившись в прежние владения, хохочет и кричит проходящим мимо пароходам: «поворачивай».

Необыкновенно красив общий вид окрестной местности с Ураковой горы; на десятки верст как на ладони видна Волга, напротив горы вливается Еруслан. Долины немецкой и русской Ураковок, Дубовки, Терновки, Липовки, даже Ельшанки и Камышинки отчетливо обрисовываются перед глазами зрителя. Необ'ятно широко расстилается заволжская степь; желтыми пятнами обозначаются дюнные пески,

которые тянутся вдоль всего левого берега гигантской реки. На западе глаз невольно ищет переволок, который собирались перерезать каналом султан Селим и Петр I. Здесь местность более гористая, а отдельные рощи и леса заставляют сопоставить сохранившиеся дубравы с названием только что перечисленных речек: названия эти невольно воскрешают перед нашими глазами дремучие леса, где водились медведи и другие звери. Ибо также и о них сохранили память местные названия, напр. река «Медведица» и село «Медвежья дубрава».

На самой вершине горы сохранились следы большого кургана, к сожалению разрушенного: громадный четырехугольный колодец свидетельствует об усердной работе кладоискателей. Вообще вся вершина горы изрыта ими; исчезла трава и кустарник; обнаженная галька и большое число ямин служат мрачными памятниками человеческой жадности. И не напрасна такая жадность к легкой наживе на Ураковой горе: согласно терновской и липовской легендам—«совсем недавно, на пасху, немцы из Добринки приехали с фурой к подножию Урака и вырыли там двуручный котел, наполненный золотыми монетами овальной формы».

Обе стороны устья речки «Русской Ураковки» (к югу от горы) носят явные следы стоянок. Произведенное обследование левого берега обнаружило под наносным слоем песка мощный культурный слой в 2 арш., а на глубине 2 арш. 12 верш. под поверхностью берега—слой угля и золы. На правом берегу, более пологом, на некотором отдалении от русла валяются в изобилии черепки, типичные архаические с орнаментом «елочкой», черепки так называемого «даниловского» типа со штриховкой и, наконец, татарские. Поздний час и усталость от путешествия пешком на Уракову гору и осмотра окрестностей, а особенно большое число гадюк и комары заставили нас отказаться от прокладки здесь разведочной траншеи. Пришлось довольствоваться собранными на поверхности черепками.

На правом берегу речки Терновки, ниже Терновского городища, частью вблизи берега реки, частью в отдалении, на сырту, нами были обнаружены 13 курганов: 8 сравнительно незначительных размеров и с расплывчатыми контурами и 5 больших, из которых два нами были раскопаны.

Два кургана вблизи берега реки, открытые мною лично, оказались особенно хорошо сохранившимися. Расположенные в незначительной ложбине среди небольшой рощи, они поразили нас правильностью своей формы—опрокинутой сферической чашки с яминой на вершине и с ясно осязаемой канавкой вокруг. По типу своему они напоминают поздне-кочевнические курганы Приволжья. Высота первого из них (северного)—2 арш. 4 верш., окружность—56 арш., диаметр—19 арш.; высота второго (южного)—2 арш. $6^1/_2$ верш., окружность—63 арш., диаметр—20 арш. 8 верш. На незначительном отда-

лении от них расположен третий курган; он значительно ниже—вышиной в 1 арш. 14 верш., окружностью в 64 арш. и диаметром в 21 арш. В первом из перечисленных трех курганов оказалась совершенно свежая, глубокая кладоискательская шахта; по всей видимости, разрыт кладоискателями и третий курган.

Курганы на сырту, кроме одного (№ 1), все значительно пострадали от времени и, вероятно, кладоискателей. Более расплывчатые по своим контурам, они все более или менее неправильной формы, в

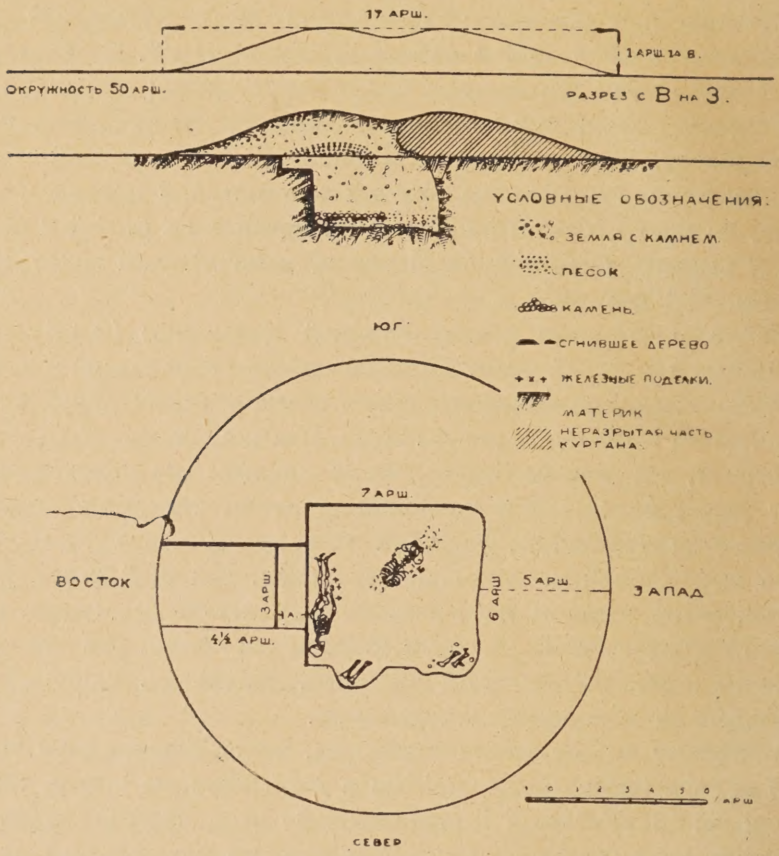


Рис. 21. Терновка, Курган № 1.

разрезе—с одною более отвесною стороною, другою—более наклонною. В первую минуту нам казалось, что мы имеем дело с курганами времени бронзовой эпохи.

Курган № 1 (см. рис. 21), 1 арш. 14 верш. вышины, 50 арш. в окружности и 17 арш. диаметром, с яминой, 3 верш. глубины, был нами раскопан. Была проложена с подножия кургана, с востока на запад, траншея, 3 арш. ширины и 12 арш. длины (захватывая ямину). По снятии курганной насыпи, состоявшей из суглинка и гальки, на рас-

стоянии 1 арш. 8 верш. от края кургана и на глубине 8 верш., на дне траншеи и уровне горизонта был найден кусок сгнившего дерева 8 арш длины; обрубок лежал поперек оси кургана. На расстоянии $4^1/_2$ арш. от восточного конца траншеи стал обнаруживаться пласт светло-желтого песку от 1 до $8^1/_2$ верш. толщины. Расширив траншею до 6 арш., удалось выявить весь этот пласт, доходящий почти до оси кургана и имеющий форму полумесяца, с рогами на запад и внутренним краем, загнутым вглубь могилы. По снятии этого пласта, обрисовался контур могильной ямы, 7 арш. длины (с востока на запад) и 6 арш. ширины (с юга на север), со ступенькой (к востоку от ямы) 8 верш. глубины, 1 арш. ширины и 3 арш. длины. Восточная, южная и северная стены ямы оказались незначительно наклонными, яма суживалась книзу; западная стена, вырытая с подбоем, нависала над западным концом могильной ямы, немного более глубоким, чем восточный. Под песчаным пластом яма была заполнена вновь галькой и суглинком; но на глубине 1 арш. 8 верш. ниже уровня поля, слой камня в могиле настолько усилился, что необходимо предположить умышленное закидывание камнем. Под слоем этого камня, толщиною в 12 верш., т.-е. на глубине 2 арш. 4 верш., были обнаружены части совершенно сгнившего дерева (досок) в очень незначительном количестве. Под ними, на глубине 2 арш. 5 верш., в юго-западной части могилы, лежали бесформенные куски железа и береста, а под ними, на глубине 2 арш. 6 верш.—костяк лошади без ног и головы. На костяке, над хребтом и сбоку его оказались куски железа (явно остатки стремян), кусочки дерева (от седла), береста, завернутая плоскою трубкою (колчан), несколько совершенно сгнивших деревянных палочек внутри ее (стрелы) и кусочек костяного украшения седла (см. табл. 12, рис. 3).

Головы лошади в могиле не оказалось вовсе, ножные кости лежали отдельно около северной стены могилы. Костяк лежал ребрами на восток, ногами на запад. Около восточной стены, на глубине 2 арш. 6 верш. лежал с севера на юг костяк человека чрезвычайно мощного сложения (2 арш. 13 верш. длины), на спине, с вытянутыми конечностями и черепом на правой щеке. На черепе были обнаружены едва приметные куски ткани и обрывки кожи; куски кожи оказались также под кистью правой руки и более сохранившиеся (от сапог)—на левой ноге. Куски железа вблизи кисти правой руки, до некоторой степени напоминающие удила, позволяют высказать предположение, что правая рука держала узду. Здесь же лежали поржавевшие куски от копья.

Курган № 2, 2 арш. вышины и 58 арш. в окружности, выделялся неправильною продолговатою формою основания; длинною осью (20 арш.) он был расположен с севера на юг, диаметр его с востока на запад—17 арш. Насыпь оказалась однохарактерною с насыпью кургана № 1, могильная яма, 3 арш. длины, $1^1/_2$ арш. ширины и $2^1/_2$ арш.

глубины, была расположена длинною осью с севера на юг; в ней были найдены—на дне несколько ножных костей, позвонки и ребра, кусочки бересты и следы железа. Железное кольцо было найдено в насыпи. Курган оказался разграбленным.

Так как остальные курганы, открытые нами, своим внешним видом весьма напоминали курган № 2, обследование их и дальнейшие раскопки были приостановлены.

При осмотре сырта на полпути между курганами №№ 1 и 2 была обнаружена каменная стрела, таковая же была найдена на дюнах к юго-западу от курганов, вблизи дороги в Липовку, у родника (см. табл. 13, рис. 1 и 2).

К юго-востоку от курганов, на берегу Волги и вблизи речки Липовки и села Нижней Липовки, рядом с «песчаною шишкою», нами была открыта стоянка. На 6 саж. выше уровня Волги, у подножия Липовского массива расположены здесь дюны, известные у местного населения под названием «Вишневой долины». Это довольно пологий скат к Волге, частью засаженный для укрепления песков шелюгой. Дюны прорезаны оврагом и с оврагами же граничат на севере и юге; площадь их равна 250×250 саж. Были найдены довольно значительными гнездами архаические черепки, однако неоднородные по составу и обжигу, частью со штриховкой, частью (прибл. 20%) с орнаментом елочным и точечным; кроме того,—осколок несвойственного местности агатового кремня, мелкие осколки кремня, кремневый ножик трехскатного сечения и медное четырехгранное шило (см. табл. 11 и 13, рис. 3—7).

По собранным в селе Липовке сведениям, здесь же, на дюнах «Вишневой долины», ранее довольно часто были находимы каменные и медные наконечники стрел, а вообще в окрестностях села—«каменные и бронзовые наконечники стрел, каменный молот, медный топор и монеты с изображением человека».

9. Даниловка.

Даниловское городище, более известное под названием «Бугра Степана Разина», уже описано в местной печати, дважды в «Трудах Саратовской Ученой Архивной Комиссии»[1]), а кроме того, в Историко-географическом словаре Саратовской губернии А. Н. Минха[2]). Впервые сравнительно более детально городище было обследовано Б. В. Зайковским в 1907 году; тогда же ему удалось установить необычайное богатство окрестностей городища археологическими находками, в том числе каменными орудиями грубой отделки и часто грубой формы и значительной величины. Б. В. Зайковским были доставлены в музей Саратовской Архивной Комиссии: 1) рог ископаемого оленя, отре-

[1]) Вып. 24, 1908 г., стр. 44 и след., и вып. 30, 1912 г., стр. 215 и след.

[2]) Стр. 92.

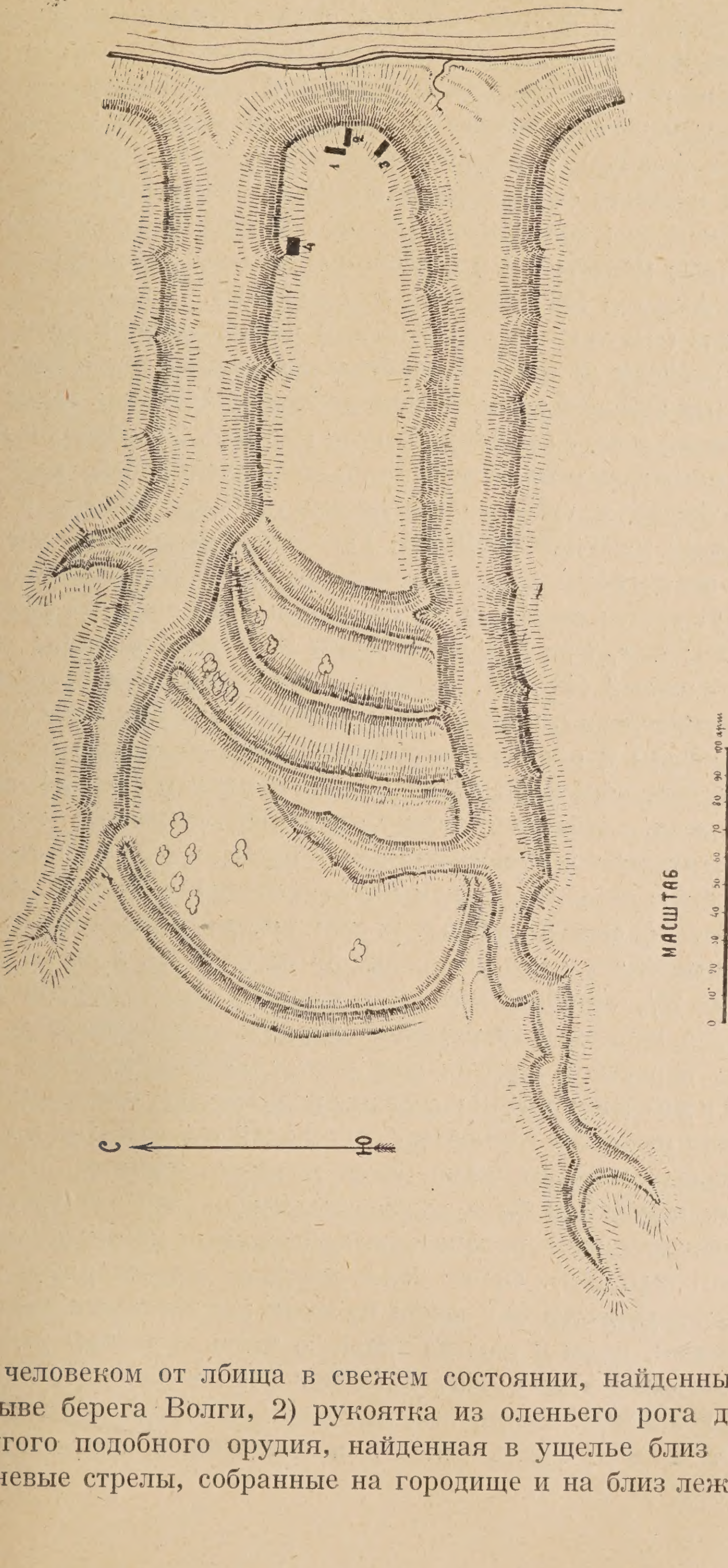


Рис. 22. План Даниловского городища и бугра Степана Разина.

занный человеком от лбища в свежем состоянии, найденный на крутом обрыве берега Волги, 2) рукоятка из оленьего рога для топора или другого подобного орудия, найденная в ущелье близ городища, 3) кремневые стрелы, собранные на городище и на близ лежащих воз-

вышенностях, 4) 26 каменных орудий (несверленных и нешлифованных) из песчаника и других местных пород, собранных в окрестностях Даниловки, Романовки, Лаптя и по Чертихину оврагу, 5) образцы грубой керамики с внутренней и наружной штриховкой, преимущественно с Дурман-горы вблизи городища, 6) плоский медный цельт (найден. на городище), 7) скифо-сарматская медная рукоятка кинжала с железным клинком (найденная там же), 8) наконечник ножен с типичным норманским орнаментом IX—X столетий (с городища), 9) татарские медные монеты и 10) серебряные монеты царей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича (с городища).

Городище («Бугор Степана Разина») расположено в трех верстах к северу от слободы Даниловки, на берегу Волги, и представляет собою продолговатый высокий холм, поднимающийся на 55 арш. выше уровня реки и лежащий осью с запада на восток (см. рис. 22). Западный конец городища примыкает непосредственно к степи, восточный—высится над Волгой; с севера и юга его окружают глубокие овраги с чрезвычайно крутыми меловыми стенами. Городище рвами разделено на три части. Основная и бóльшая часть городища (восточная, на берегу Волги) достигает 171 арш. длины и от 50 (на восточном конце) до 57 арш. (на западном) ширины. Ров 3 арш. глубины и 75 арш. ширины отделяет эту часть от второй (43 арш. ширины с востока на запад), от первого передового укрепления, в плане напоминающего форму косы (с острым концом к северу) и окруженного (кроме южного конца) валом, значительно расплывшимся (от $^1/_2$ до 1 арш. вышины). Ров, 24 арш. ширины и $3^1/_2$ арш. глубины, отделяет это первое передовое укрепление от второго, внешнего, непосредственно примыкающего к степи; это последнее также окружено валом (кроме северной стороны), достигает 130 арш. длины (с севера на юг) и 92 арш. ширины (с востока на запад); ров, отделяющий эту часть городища от степи лишь 2 арш. глубины; валы от 1 до $2^1/_2$ арш. вышины. Вся главная часть городища, частью также первое передовое укрепление изрыты грабительскими ямами. На втором передовом укреплении растет редкий кустарник: здесь Б. В. З а й к о в с к и м в 1910 году были произведены пробные раскопки, при чем было откопано несколько погребений с костяками в корзинах из тальниковых прутьев явно более позднего времени, почему без достаточных оснований была высказана мысль, что эта третья часть городища является пригородищенским «старинным могильником» (Труды, 30 вып., стр. 218). Овраг более позднего происхождения прорезает это второе укрепление с севера на юг на две неравных части. Через все укрепления, валы и рвы на главную часть городища ведет отчетливо наблюдаемая дорога; она проходит через «ворота», явно древнего происхождения. Вдоль северного склона бугра поднимается на городище тропинка; вдоль южного в позднейшее время проложена дорога к берегу Волги.

На восточном конце городища (см. план) нами были проложены три траншеи, 5 арш. длины и 1 арш. ширины каждая: № 1 в 7 арш. от края холма по направлению с севера на юг; № 2 под прямым углом к № 1, с востока на запад, от края холма и по оси его; № 3 на юго-восточном конце городища с юго-востока на северо-запад. Выяснилось, что во всех трех траншеях культурный слой залегает до 2—$2^1/_2$ арш. глубины и содержит, кроме черепков грубой (штрихованной), среднекочевнической и татарской керамики, в большом количестве кости рыбы (осетровые щитки), птиц, свиньи, крупного и мелкого рогатого скота. Было найдено также несколько кусков от чугунной посуды. В траншее № 1, на глубине от $^1/_2$—1 арш., были найдены татарские черепки с обычным орнаментом в виде параллельных прямых и волнистых линий, один голубой глазированный черепок и такая же бусина; выше этого «татарского» слоя—2 куска чугунного котла; ниже его, на глубине $1^1/_2$ арш.—среднекочевнический черепок из грубой глины с орнаментом в виде двух зигзагообразных линий, проведенных симметрично. В траншее № 2 была обнаружена сильно перемешанная земля: здесь явно были ранее произведены раскопки. В № 3, на глубине 2 арш., были найдены черепки керамики с наружной, а частью и внутренней штриховкой (т. н. «даниловского» типа). Выше, на глубине 1 арш. и менее, найдены татарские черепки обычного типа.

Траншея № 4, вырытая в 2 арш. от северного края холма в 39 арш. от восточного его конца (3 арш. длины, 3 арш. ширины и 2 арш. глубины), расширенная к северо-западу в виде выступа (2 арш. длины, $1^1/_4$ арш. ширины и 2 арш. глубины), выявила, под культурным слоем в 1 арш., вырытую в глине холма овальной формы яму, 3 арш. длины и $1^1/_2$ арш. ширины, осью с северо-запада на юго-восток и со ступенчатым выходом на север. К северо-востоку от ямы, на расстоянии одного аршина от нее, в северо-восточном углу траншеи были обнаружены частью сгнившие, частью обгоревшие бревна (числом 3) до $1^1/_2$ арш. длины; такие же 3 бревна нависали над юго-западным концом ямы. Глина около восточного края ямы была покрыта слоем угля и золы. Здесь же лежало несколько костей крупного рогатого скота и разбитый горшок поздней эпохи (XVI—XVII столетия), с призматическим украшением на шейке из черно-серой глины. Найденная около сосуда пряслица (просверленный кружок) оказалась вырезанной из стенки старого татарского сосуда Общее впечатление от откопанного памятника, что это—поздняя землянка, кровля которой из бревен и досок сгорела.

На поверхности городища в разных местах удалось собрать некоторое количество черепков татарской керамики.

К западу от слободы Даниловки, между нею и хутором Романовским, в овраге речки Даниловки при содействии Г. С. Васильченко, усердно помогавшего экспедиции, было собрано несколько грубых

каменных орудий, в том числе молот и две терки. Но из осмотра оврагов выяснилось, что они представляют по преимуществу интерес не для археолога, а для палеонтолога: обилие окаменелых костей ископаемых животных, напр., позвонков ящура, чрезвычайно значительно.

На правом берегу Даниловки, около устья реки, была обнаружена архаическая стоянка, к сожалению, сильно пострадавшая от запашки. Размеры площади стоянки выяснить не удалось (благодаря засеянному полю); собранная керамика трех типов: а) керамика тонкостенная, архаическая (см. табл. 15, рис. 1) с орнаментом шнурковым, елочкой или в виде горизонтальных прямых вдоль закрайки, образующих как бы обод, выше этого последнего — ряд параллельных вертикальных прямых, перпендикулярных к ободу; б) керамика «даниловского» типа, грубая, толстостенная, с внутренней и внешней штриховкой; в) татарская, обычного типа.

Также на левом берегу устья Даниловки, очевидно, когда-то возможно было видеть следы стоянки или селище, хотя более позднего времени, о чем свидетельствуют еще находимые редкие татарские черепки. Однако усадьба лодочника, выстроенная здесь, значительно уничтожила этот памятник древности. Не в лучшем состоянии стоянки, открытые к западу от городища, на склоне горы, на Мижегорском бугре и на возвышенности «Комаровка» (над ущельем «Тюрьма», к юго-западу от городища); здесь были найдены черепки со штриховкой («даниловский» тип), но пашня, а отчасти и кустарник, растущий здесь, не благоприятствуют изучению.

На оползне Дурман-горы, к югу от городища, на полпути между ним и слободою, где еще в 1910 году было произведено обследование Б. В. Зайковским (сравн. Труды, 30 выпуск, стр. 217), сдвиг восточного склона горы весною этого года выявил необычайно красивую и величественную картину разреза архаической стоянки. На расстоянии 10 саженей, благодаря оползню, отделилась часть горы; в образовавшихся трещинах, глубоко внизу, был слышен шум бурлящей воды, вся почва стала рыхлой и, кажется, вот-вот уйдет из-под ног. А устоявшая часть берега выявляла слой 10 арш. длины и около 2 арш. толщины, сплошь состоящий из костей, угля и бесчисленного множества черепков. Работать приходилось осторожно, ибо каждую минуту казалось, что нас с Б. В. Зайковским поглотит ожившая почва; но все же при помощи осторожных пробных разрезов почвы удалось выяснить диаметр всей стоянки—от 10 до 11 арш.—при почти одинаковой мощности культурного слоя во всех частях площадки. Черепки, судя по составу глины с значительною примесью песка, характеру и толщины стенок, все одного и того же времени (см. табл. 15, рис. 2—6, табл. 16, рис. 1—4); черновато-серой или красновато-черной окраски, а также сравнительно плохой выработки, они в большем числе с «даниловской» штриховкой, внешней и внутренней, одинарной, и наискось слева направо и справа

налево или двойной крест-накрест, весьма тонкой и даже изящной. Порой отчетливо наблюдается, как мастер накладывал что-то вроде гребня, проводил линии, и как ослабевало движение руки, когда необходимо было отделить от стенки инструмент, отличающийся то более толстыми зубьями (и более мягкими), то более тонкими (и жесткими); порой кажется, что в распоряжении мастера имелся лишь пучок травы. Многие черепки покрыты вдоль закрайки орнаментом или в виде зигзагообразной штриховки, или чеканным, точечным, лунчатым и ногтевым, или зигзагом, заполненным белою краскою (см. табл. 15, рис.). Орнаментированных черепков оказалось чрезвычайно много, а общее количество собранных черепков доходит до 200. Судя по собранному материалу, форма сосудов следующая: днище прямое и вместе со стенкою образует тупой угол, выгнутость стенки сравнительно незначительная; кверху сосуд суживается, закрайка почти прямая; размеры сосудов явно до 4—6 вершков вышины. Кости оказались птичьими, рыбьими (в том числе весьма много осетровых щитков), а также крупного и мелкого рогатого скота и свиньи (преимущественно ребра и ножные кости, частью с продольным расколом, несколько черепных коробок, разбитых пополам, и челюстей).

В 6 верстах от слободы Даниловки, к юго-западу от нее, на берегу громадной «Крестовой балки» поднимается курган весьма значительных размеров—«Крестовый мар», сложенный из некрупного дикого камня. Высота кургана до 10 арш., окружность—248 арш. Форма его в настоящее время неправильная, так как увезено много камня, и в центре его выбрана большая ямина, почти доходящая до уровня прилегающего поля. Вокруг кургана заметны слабые следы вала. В одной версте к северу от него, на дюнных песках нами были найдены черепки грубой керамики, однохарактерной с дурманской, частью со штриховкой, частью без нее. Гнезд черепков обнаружить не удалось.

На расстоянии 10 верст от слободы Даниловки, к северу-западу от нее, высится еще другой однохарактерный курган—«Белый мар» или «Ванька Каин» почти одинаковых размеров с предыдущим (вышина—10 арш., окружность—249 арш.); а к западу от этого последнего, вблизи него, меньший, значительно разрушенный (вышина—4 арш., окружность—128 арш.). Камень с этих двух курганов, по собранным сведениям, увезен в село Водяное в качестве строительного материала. В 5 верстах к северу-западу от «Белого мара» виднеется «Каменный мар (или «Гришка Расстрижка»), лучше сохранившийся и более грандиозный.

Левая восточная прибрежная полоса Волги от Ровного до Николаевска сплошь покрыта дюнными стоянками. Часть этой полосы, вблизи села Красный Яр, была обследована нами более детально. Без всякого труда и долгих поисков на поверхности дюнами были собраны: довольно значительное количество архаических черепков

из грубой глины (дурманского типа со штриховкой, но без орнамента), татарские черепки, скребок (малый) из халцедона, кремневые наконечники стрел, трехскатный нож из кварцита, два трехскатных ножичка из кремня, медный наконечник копья (см. табл. 16, рис. 5—9) и медная серьга. К северу от села, на дюнах, были обнаружены Г. С. Васильченко костяки человека и лошади и здесь же железные наконечники копьяи стрелы. В этом районе были собраны 4 разного типа железных наконечника стрел, два наконечника копья и один наконечник рогатки (см. рис. 23). Наконечники стрел — трехтрехгранные и листовидные плоские, с ребром или без него; все с

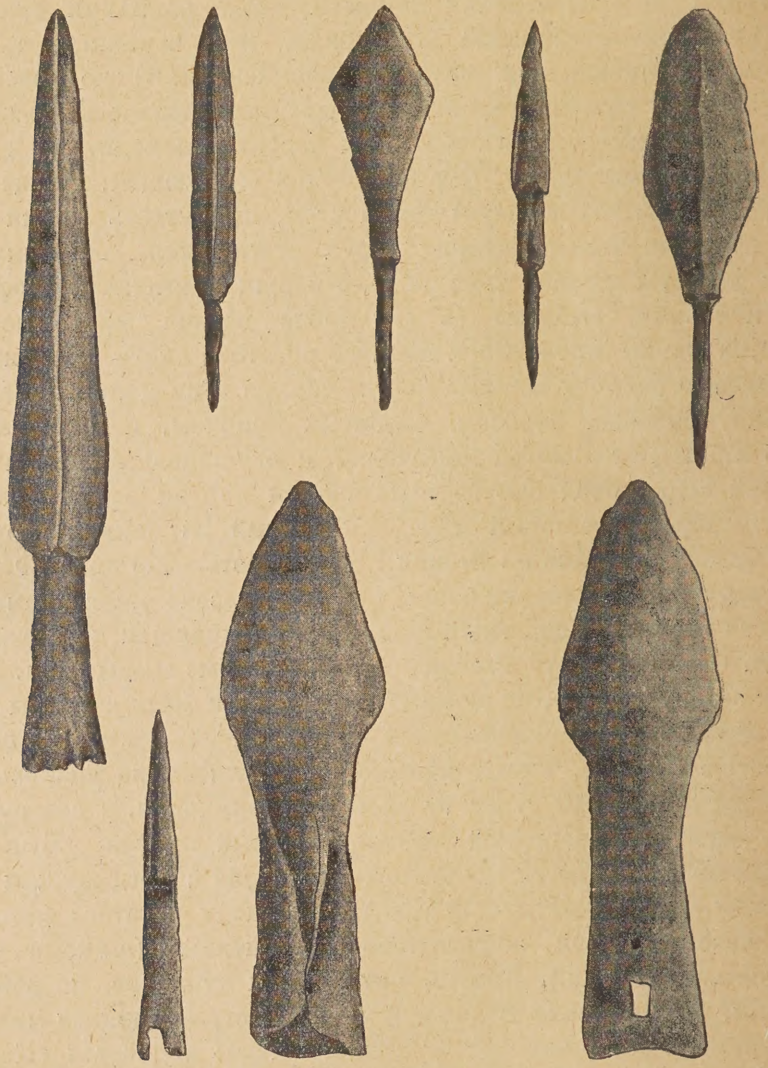


Рис. 23. Наконечники копий и стрел, собранные возле с. Красного яра.

шипом, вбиваемым в древок. Наконечники копий—плоские, длинные, продолговатые, с ребром или без ребра, все с втулкой.

В трех верстах от села, к востоку, находятся «кирпичные мары»—следы до 20 сооружений из обожженного кирпича; здесь в пашне встречают черепки татарской поливной посуды. Дальше в степи—«Семь маров», курганы, которых обследовать не удалось.

В связи с изучением Терновского и Даниловского городищ и ближних к ним районов, невольно напрашивается мысль, которую хотелось бы сообщить уже здесь, а именно, что городища на западном берегу Волги в области Нижнего Поволжья все уже существовали или были сооружены в бронзовую эпоху, ибо медные поделки найдены на всех из них. Городища эти служили опорными пунктами на западном берегу и соответствуют стоянкам на восточном берегу. Городища как бы играют роль фортов, преграждающих пути с востока на запад,—пути, которые пролегали вдоль течения рек. На самом деле—устью Иргиза (на левом берегу) соответствует Вольский городок (на правом), устью Карамана — Березняковское городище, устью Саратовки—Алексеевское городище, устью Еруслана—Терновское городище. Или—что не менее любопытно—путь от Волги по Латрыку и Медведице к Дону охраняют от вторжений с востока городища — Мордово и Обольяниновка, путь от Волги по Грязнухе и Иловле к Дону — Даниловское, путь от Волги по Терновке или Ураковке и Иловле к Дону — Терновское.

10. Увек.

В статьях Пономарева [1]), Минха [2]), Саблукова [3]), тщательно собран материал, касающийся Увека. Его дополняют статья Кроткова «Раскопки на Увеке в 1913 году» [4]). «Список золотоордынских монет из г. Увека, приобретенных летом 1879 года Пономаревым от крестьян деревни Бережного Увека—близ города Саратова», составленный Савельевым [5]), и описание раскопок французского археолога барона де Бай, обследовавшего при содействии Сар. У. Архивн. Ком. развалины одного из татарских домов на Увеке и увезшего весь добытый

---

[1]) «В Древней и Новой России» за 1879 г., стр. 321 и сл.: «На развалинах города Увека, близ Саратова».

[2]) В «Сарат. Сборнике» за 1881 г., стр., 211 и сл.: «Набережный Увек».

[3]) В «Изв. Общ. археол., истор. и этногр. при Каз. Унив., т. III, 1884 г. стр. 298 и след.: в статье «Остатки древности в с. Усть-Набережном Увеке Сарат. губ. и уезда», написанной еще в 1846 г.

[4]) В «Трудах С. У. Арх. К., вып. 32, 1915 г., стр. III след.

[5]) В «Изв. Общ. Арх., ист. и этногр. при Каз. Ун., т. II, Казань 1880, стр. 171 и след.

материал в Париж. Материал, изданный Красно-Дубровским и кн. Голицыным, не представляет интереса.

Нас пока удовлетворят данные арабского географа XIV века Абульфеды, что «Итиль (Волга) течет от города Булгара к городу Укеку, стоящему на берегу ее, и далее течет к селению Бельджемену», и что «город Укек стоит на западном берегу Итиля, между Булгаром и Сараем, на половине пути между ними, в расстоянии от того и другого почти на 15 дней пути». Преимущественно эти сведения Абульфеды в свое время дали Саблукову возможность, привлекая еще некоторые другие данные, отождествить современный Увек с древним татарским Укеком [1]). Доводы Саблукова достаточно убедительны, поэтому останавливаться на них не буду и это тем более, что отождествление Укека с Увеком ныне можно считать общепринятым.

Весьма интересны извлеченные Саблуковым из Абульфеды данные, согласно которым в XIV столетии Укек «носит тип города в полном смысле монгольского»; по мнению Саблукова, Абульфеда «назвав Увек пограничным городом царя татарского», указывает и на положение этого города среди племен, покоренных ханами Золотой Орды и на монгольский тип его, и на племенной состав его населения» [2]). «Увецкая керамика и бусы», говорит Саблуков,—«подтверждают такой вывод, ибо техникой и рисунком в точности воспроизводят Царевские, т.-е. столичные Золотой Орды» [3]).

Дополняя далее выводы Саблукова данными Рубрука, путешествовавшего «в восточные страны» в 1253 году, мы можем установить, что около этого времени Укек еще был «новым поселком» [4]), что здесь происходила переправа через Волгу и что поэтому, весьма возможно, в Укеке была сосредоточена торговля солью, которая, согласно Рубруку [5]), доставляла большие доходы; «со всей России ездят туда за солью и со всякой погруженной повозки дают два куска хлопчатой бумаги», говорит Рубрук.

Если, наконец, принять во внимание, что на Увеке найдено громадное количество татарских монет (по словам Пономарева, стр. 330, одна коллекция архиепископа Афанасия была оценена—в XIX столетии—в 100.000 рублей) и среди них много увецкой чеканки [6]), то пред нашими глазами вырастает богатый город в XIV веке, явно являвшийся областным центром.

«Монеты попадаются здесь и отдельными экземплярами и целыми кладами от 100 и более штук», пишет Минх [7]); бывшим владельцем

---

1) Стр. 313.
2) Стр. 316.
3) Стр. 318.
4) Перев. Мамина, стр. 96.
5) Стр. 68 и 69.
6) Саблуков, стр. 317 и 318, Кротков, стр. 130, Минх, стр. 228.
7) Стр. 228.

Увека Мауриным была найдена чеканная машинка [1]), переданная в Московский университет; Кесслером и Гриммом приобретен на Увеке «кусок меди в 8 фунтов» [2]), а иногда крестьянам «попадались куски золота в несколько золотников весом». Саблуков называет Увек первостепенным городом Орды, вмещавшим в себе одно из улусных управлений»,—«имевшим свой монетный двор» и выдававшимся среди татарских поселений «и своими политическим значением, и численностью населения, и количеством домов, и качеством их постройки» [3]). Этому, конечно, не противоречат слова Ибн-Батуты, что в 1334 году Укек был городом средней величины, ибо тот же Ибн-Батута [4]) говорит о «красивых постройках Укека» и обильных благах города.

Укек уже в XIII столетии по преимуществу—город магометанский, ибо Рубрук восклицает: «И я удивляюсь, какой диавол занес сюда закон Магомета...» [5]),—но параллельно отдельные слои населения продолжают почитать идолов. Минх [6]) рассказывает о найденных трех идолах, из которых один серебряный, переданный в Московский университет, имел вид «бабы, сидящей в кресле, с большими грудями, сложенными на животе руками, а над головою—что-то вроде короны».

О богатстве по преимуществу магометанского золотоордынского Укека свидетельствует турба, откопанная в 1913 году [7]); стены этой турбы, кстати сказать, были облицованы «белыми, синими и голубыми», а также орнаментированными изразцами.

Наше обследование Увека, а именно прибрежной полосы, некрополя и одного здания на Мамаевом бугре,—обнаружило, кроме указанных черт, факт существования здесь, в Укеке, развитого гончарного производства.

Напечатанная в 1880 г. в «Саратовском сборнике» статья А. Н. Минха «Набережный Увек» и рассказы местных старожилов сводятся к вполне определенному указанию на то, что значительная часть древнего городища смыта Волгою, которая в течение XIX ст. особенно сильно подмывает свой правый берег в районе Увекского мыса.

Та часть площади развалин (см. рис. 24), которая уцелела от оползней и размыва Волги, с проведением в 1892 году железной дороги—застроена полотном и сооружениями, а затем—возникшим здесь поселением с его дворами и огородами, ныне вплотную подошедшими к подножью горы Каланчи.

---

[1]) Минх, стр. 228, Пономарев стр. 330.

[2]) Пономарев, стр. 330.

[3]) Саблуков, стр. 318.

[4]) Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I, СПБ. 1884, стр. 302.

[5]) Малеин, стр. 96.

[6]) Стр. 222.

[7]) Кротков, стр. 131.

Еще в первые годы после проведения береговой ветви жел. дор.— на полосе между полотном ее и рекою, можно было наблюдать картину размывания остатков города: повсюду валялись обломки глиняной простой и поливной посуды, цельные и разбитые кирпичи; местами выступала наружу кирпичная и бутовая кладка стен.

Так, около ледорезов, в 1893—1894 г.г. можно было проследить фундамент из камня и часть кирпичной стены, длиною около 4-х сажен.

Шагов на 200—300 ниже по реке ясно выступали очертания нескольких зданий из квадратного кирпича, а еще ниже, уже приблизительно на уровне склада Нобель—остатки гончарного завода. Несколько выше ледорезов находились следы каменной кладки с заложенными в

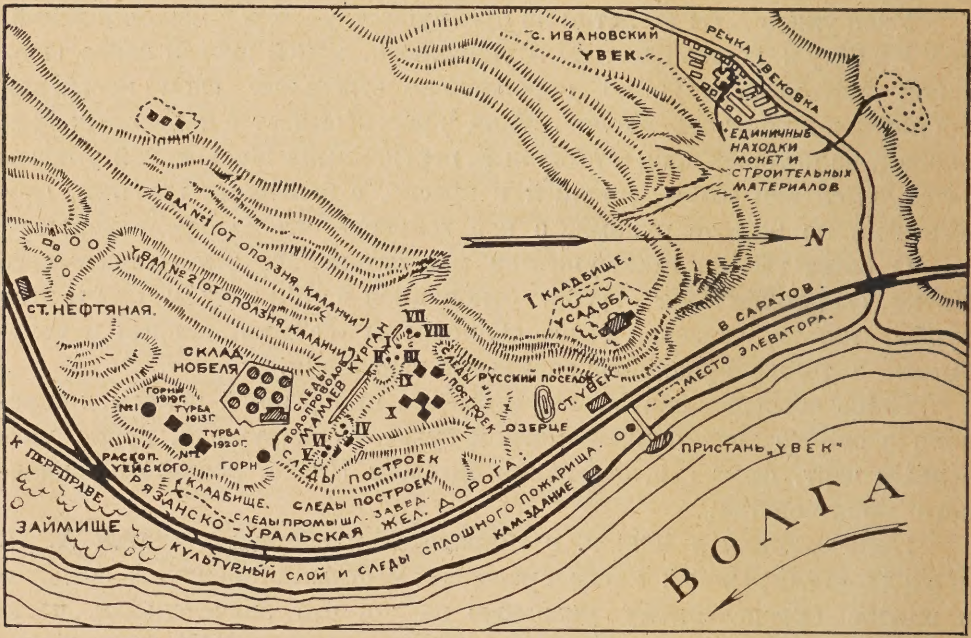


Рис. 24. **Увек.**

ней водопроводными трубами, одна из которых ныне хранится в Саратовском Археологическом Музее; здесь были найдены: голубые, одноцветные и орнаментированные изразцы, частью с позолотой, монеты довольно ранние (Туда—Менгу и Токтогу), часть металлического зеркала и др. Вообще (как и во времена И. Лепехина) после спада вешних вод берег Волги давал массу монет и различных находок.

В настоящее время—картина здесь изменилась до неузнаваемости: железная дорога, в течение 25 лет ежегодно подсыпая баласт на размываемое весенними разливами полотно, покрыла уровень древнего берега аршинной толщей песку.

Однако на всем протяжении берега почти от устья р. Увековки и до места стоянки Переправы, на протяжении около 2-х верст, вол-

нами прибоя образованы два уступа, высотою до 2-х аршин каждый: уступы эти лежат один от другого по направлении от Волги к горе Каланче на расстоянии до 100 саж. В них, в особенности в нижнем, очень ясно видна толща культурного слоя: она начинается на 4—6 вершков от поверхности, имеет мощность местами в 20—23 вершков до линии подстилающего ее подножья песчаного наноса, местами уходит вглубь его еще на неопределенную глубину.

В этих обнажениях наблюдаются два ярко выраженных явления: 1) изломы и сбросы, как указатель на процессы оползания, 2) почти сплошной след пожарища: угли, зола, обожженные кости, обгорелое дерево. Содержание пластов: черепки посуды (редко поливной), пищевые отбросы, иногда кирпич. Получается впечатление, что здесь уже шла часть города, густо населенная небогатыми людьми. При этом нетрудно заметить, что остатки каменных зданий и более богатые находки усиливаются в двух направлениях: к центру города, если за таковой принять «Мамаев Курган», и к Волге, в районе вокзала.

Во время раскопок 1919 года нам было сообщено, что против дебаркадера № 10 (почти напротив вокзала)—вымыло Волгою ряд скелетов. Обследовав эту местность, мы пришли к выводу, что здесь скелеты лежали не случайно: это были погребения в гробах, расположенные по прямой с севера на юг на расстоянии 10 шагов одно от другого: костяки лежали головами на запад; руки вытянуты вдоль туловища. В сохранном сравнительно положении оказалось лишь одно погребение, другие были сильно размыты. При покойниках вещей никаких не было найдено, но вблизи их подобраны: половина крупной бусы из синего стекла с белым витым украшением, глиняная пряслица и монета медная Хызр-хана, битая в Гюлистане в 1364 году.

Обследуя берег далее к северу, на участке между вокзалом и устьем р. Увековки, мы нашли ясные признаки густо населенной местности, именно ближе к устью Увековки: здесь очень много черепков от гончарных изделий и сравнительно большая примесь поливных, а также, хотя и в измельченном виде, но встречается изразец, что указывает на возможность найти здесь следы каменных строений.

К югу от Переправы берег окончательно засорен балластом и наносным песком; находимые здесь черепки едва ли имеют местное значение. Вернее, они снесены быстрым здесь течением Волги.

Таким образом по берегу Волги город начинался, вероятно, от впадения в Волгу Увековки и тянулся по Волге на протяжении более 2-х верст, до места наших раскопок. Бугор между холмом, на котором нами были открыты горны, и береговой линией жел. дор., на ст. Нефтяная,—носит следы жилья: его поверхность усеяна черепками, костями; здесь встречаются монеты. Такой же культурный слой покрывает и соседние бахчи по обе стороны бугра раскопок 1913 и 1919 г.г., на кото-

ром обнаруживается некрополь. Нами было вскрыто несколько погребений, здание рядом, а также два горна вблизи турбы, обследованной в 1913 году; об этих работах трактует дальнейшее изложение.

П. Н. Шишкин, которому, как уже говорилось, было поручено обследование предполагавшегося строения на площадке и материалом которого и записями студентов я пользуюсь в этом описании, в первую очередь, обнаружил углы с.-з. и ю.-з. означенного строения, сложенные из

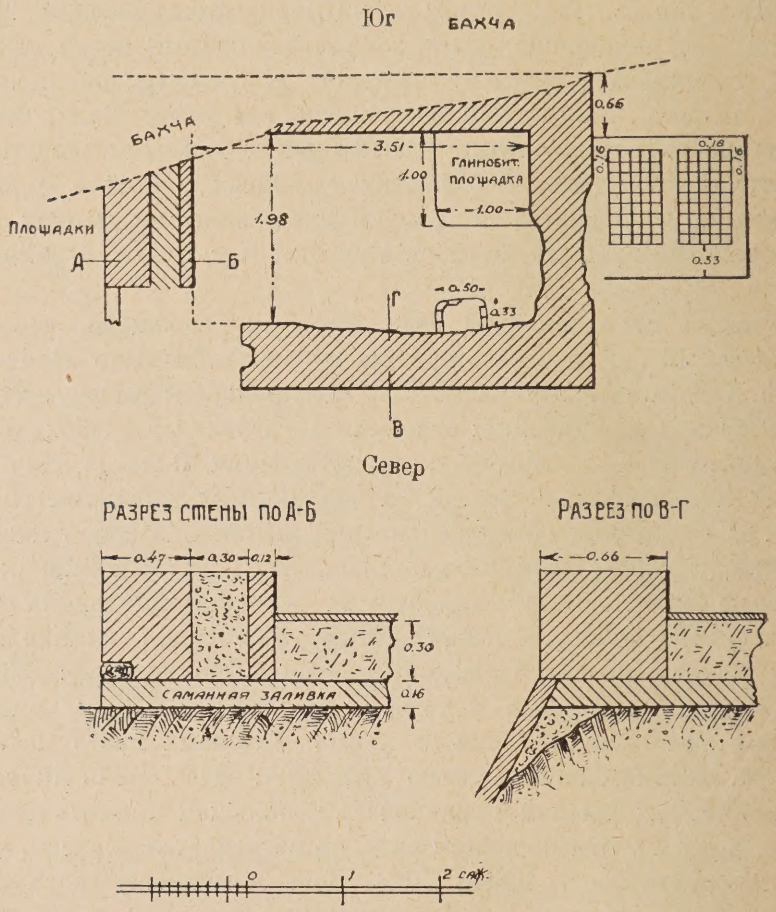


Рис. 25. Увек. „Здание". Экспедиция 1919 г.

самана. С.-в. угол оказался разрушенным; ю.-в. откопать было нельзя, так как пришлось бы засыпать землею несколько рядов огурцов прилежащей бахчи. Внутренние контуры стен были обнаружены почти полностью, за исключением части западной. Восточную стену удалось выявить и снаружи. Длина строения (внутри), расположенного длинною осью с запада на восток,—3,51 саж., ширина—1,98 саж. (см. рис. 25).

В северо-западном углу строения были откопаны остатки сильно разрушенного очага в виде глиняной продолговатой четырехугольной

($1 \times 1\frac{1}{2}$ арш.) площадки (с закругленными углами), примыкающей к северной стене; контуры площадки выявляли сохранившиеся обломки кирпичей. Весьма немного угольков и золы заставляли усматривать в этой площадке очаг. Рядом с очагом в самом с.-з. углу (около стены) были найдены среди щебня (в весьма небольшом количестве) и золы художественной работы меловые плитки с белым рельефным растительным орнаментом на красном фоне (см. табл. 17, рис. 1, 2) и втулка сильно попорченного ржавчиной железного с медью (инкрустацией) топорика, установить форму которого полностью было невозможно. На пластинках следов огня не обнаружено.

Все производило впечатление, что разрушение строения, явно имевшее место, было весьма основательным.

Около южной стены, в ю.-з. углу строения, была обнаружена довольно большая (3×3 арш) четырехугольная глинобитная площадка (на глинобитном полу). Около ю. стены строения были найдены два зеленовато-голубых изразца в виде пятигранных брусков (см. табл. 17, рис. 3), костяная пластинка неизвестного назначения (сделанная из ребра и пробуравленная на одном конце) и черепок голубой глиняной посуды с черным орнаментом в виде стилизованных птиц (см. табл. 18, рис. 3).

Из стен наиболее точно удалось выяснить характер восточной (см. рис. 25), состоявшей из трех частей—а) внутренней саманной, в 0,12 с., б) внешней саманной, в 0,47 саж., и в) глинобитной средины, в 0, 30 саж. Снаружи внешней части стены шло дубовое бревно, обтесанное сверху и снизу (в разрезе $0{,}15 \times 0{,}09$ саж.). При обследовании северной стены выяснилось, что весь северный склон холма в целях сооружения террасы, площадки для строения, представляет наклонную стену из самана. Пробив траншею через глинобитный пол строения, удалось выяснить, что бугор, на котором было потом воздвигнуто строение, для этой цели сперва был приспособлен весьма сложною предварительною работою. Снесенная верхушка бугра послужила для заполнения пространства между очерчивающими контуры террасы саманными стенами и ядром террасы, т.-е. глиняным натуральным бугром. Поверхность обрисовавшейся террасы была залита слоем жидкого самана (толщиной в 0,16 саж.); над этим слоем была насыпана перемешанная глиною земля (толщ. в 0,30 саж.), над которою уже был утрамбован глиняный пол (см. рис. 25, разрез по В—2).

К востоку и западу от строения были расположены площадки, детальное изучение которых, однако, пришлось отложить; на изучение бо́льшей (восточной) не хватало сил (здесь, быть может, возвышалось второе строение); западная, меньшая, как удалось выяснить, служила для 2 погребений: здесь были откопаны Б. В. Зайковским и мною погребения № 1 и П. Н. Шишкиным погребение № 2.

При обследовании погребения № 1 на глубине 42 см. (считая от поверхности площадки) обнаружился кирпичный прямоугольник, рас-

положенный длинною осью с юга на север. Прямоугольник образовала кладка в два кирпича при 9 кирпичах в ряду с юга на север и 5 кирпичах с востока на запад; нижний ряд кирпича лежал на самане. На глубине 90 см. под этим прямоугольником был обнаружен свод кирпичного склепа; склеп оказался обычного золотоордынского типа, $3^1/_2$ арш. длины и 1 арш. 2 в. ширины, без пола; стены его были сложены из 9 рядов кирпича; по 7 рядов кирпичей над западной и восточной стенами путем постепенного напуска образовали свод, замыкаемый рядом кирпичей, поставленных на угол (см. рис. на стр. 109).

Склеп весь был заполнен землею, в которой вскоре обнаружили полуистлевший дубовый гроб (2 арш. 7 верш. длины и $11^1/_2$ в. шир.), в разрезе прямоугольный, с плоскою крышкою, сколоченный большими (до 7 см.) железными гвоздями с круглой плоской шляпкой. Днище и боковые стенки (3 см. толщ.) сохранились полностью; крышка над головною частью костяка была разрушена и сохранилась полностью лишь от 4-го позвонка (считая от тазовой кости), а именно длиною в 1 арш. 7 в.

Под сохранившейся частью крышки, в гробу, также совершенно заполненном землею, сохранился мужской костяк, неповрежденный до четвертого позвонка. Позвонки выше четвертого, ребра, ключицы, локтевая и лучевая кости были найдены выше гроба. Плечевая кость правой и левой руки лежали на месте. Череп был перевернут лицом вниз, как бы брошен, рядом с ним лежала нижняя челюсть, зубы которой попадались выше плоскости крышки. Труп, очевидно, был положен на спину с сложенными на груди руками; весьма возможно, что часть разрушений должно приписать грызунам, косточки которых (напр. хорошо сохранившийся череп) были найдены как в гробе, так и над крышкой его (рядом с костями травоядных животных и мелкой птицы), но весьма возможно, что могилу вскрыли грабители, хотя грабительского хода обнаружить не удалось. Труп лежал головою на север. В земле над гробом и склепом попадались отдельные угольки.

Над тазовою костью лежали медное кольцо и пряжка с остатками матерчатого пояса; немногим ниже надколенной чашки левой ноги была найдена кожаная оторочка голенища сапога, около ступней — части тонкой кожаной подошвы и кожаной же подстилки.

Погребение № 2 было вскрыто П. Н. Шишкиным, к сожалению, в моем отсутствии; склеп, однохарактерный с описанным, оказался расположен рядом, между ним (т.-е. погребением № 1) и западною стеною уже описанного строения. Согласно материалу, представленному П. Н. Шишкиным, погребение оказалось разграбленным (на что, по его мнению, прежде всего указывали кирпичи, разбросанные в беспорядке выше склепа). Тем не менее П. Н. Шишкиным был обнаружен ряд интересных поделок, в беспорядке лежавших в склепе, в заполнявшей его земле: части золотой обивки ремешка, золотой амулет в виде монеты с надписью, металлическая бляшка, золотая (в виде вопросит. знака) серьга с

жемчужиной, сердоликовая шестигранная плоская бусина, золотой медальон сканной работы, три голубые, продолговатые и шестигранные бусины, кусочки тонкой бронзовой цепочки, железное колечко, кусочки дерева—явно от деревянного сосуда, куски совершенно поржавевших ножниц, кусок бронзового зеркала и кусочки парчи с стилизованным изображением животного и шелковой ткани (см. табл. 19). На полу склепа была найдена золотая бусина, в с.-з. углу кусочки бересты и полуразрушенной бокки. Костяк оказался разрушенным, кости лежали в беспорядке и лишь тазовая кость не была сдвинута с места; судя по положению тазовой кости и по месту нахождения бокки, труп—женский—лежал головою на север. В ногах П. Н. Шишкин нашел кусок дубового гроба с большим железным гвоздем (до 7 см. длины). Несколько таких же гвоздей были найдены и отдельно.

На «холме Уейского» Б. В. Зайковским, в моем и П. Н. Шишкина присутствии, было вскрыто погребение № 3, детское. Под площадкою из 21 кирпича в три ряда (т.-е. по 7 в ряду), расположенною длинною осью с ю.-з. на с.-в., в 40 см. ниже ее был обнаружен склеп, 154 см. длины и 54 см. ширины. Свод склепа образовали по 2 кладки кирпича, увенчанные третьей; в нем оказался довольно хорошо сохранившийся детский костяк, лежавший головою на с.-в., лишь нижняя челюсть лежала не на месте, а около левого плеча. В склепе были найдены кости грызунов. Руки лежали сложенными над тазовою костью; около колена левой ноги было найдено немного бересты.

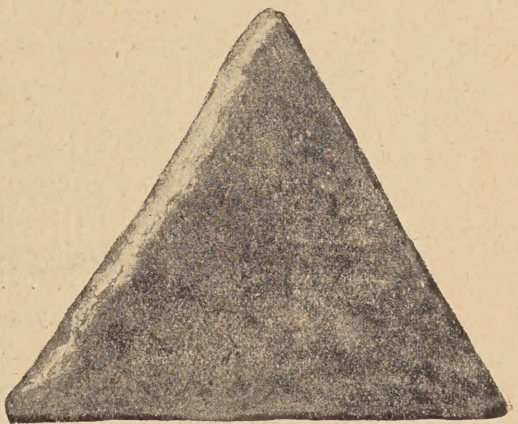


Рис. 26. Увек. Горн № 1.

На расстоянии 12,50 саж. к юго-западу от раскопок 1913 года, среди поля с картофелем (к з. и с.) и огурцами (к в.) был откопан горн № 1 (см. таб. 20, рис. 1), явно служивший для обжигания изразцов, которые и были найдены в большом количестве и среди щебня, заполнявшего горн, и на дне горна, и вне горна, вблизи него. Поле, к сожалению, не давало возможности полностью закончить вскрытие сооружения из самана, окружавшего горн; судя по откопанной части, горн (см. рис. 27) был построен среди квадратной саманной площадки (со сторонами в 3,10 саж.). Над площадкою, кольцеобразно окружая горн, возвышался саманный круг 0,93 саж. шир.; к с.-в.-в., куда ведет топочное отверстие, в саманной кладке устроена камера, занимающая площадь 0,64×0,80 саж. Горн, пол которого обмазан глиной, представляет собою круглую яму—колодец (с диаметром в 1,10 саж.)

со стенами в нижней части (0,48 саж.) из сильно обгоревшей глины, в верхней (0,26 саж.) из 9 кладок кирпича, оштукатуренного глиной, перемешанною с соломой, 6 кирпичных столбов, наклоненных наверху во внутрь, шир. в 0,18 и глуб. в 0,23 саж., примыкают к глиняной (нижней) части стены горна и, судя по характеру наклона и своему контуру, подпирали свод, упавший потом и заполнивший щебнем дно горна. На стенках этих столбов сохранились следы сильного огня; красный кирпич снаружи совершенно посерел, получил зеленовато-серую окраску. Топочное отверстие в с.-в.-в. стене имело

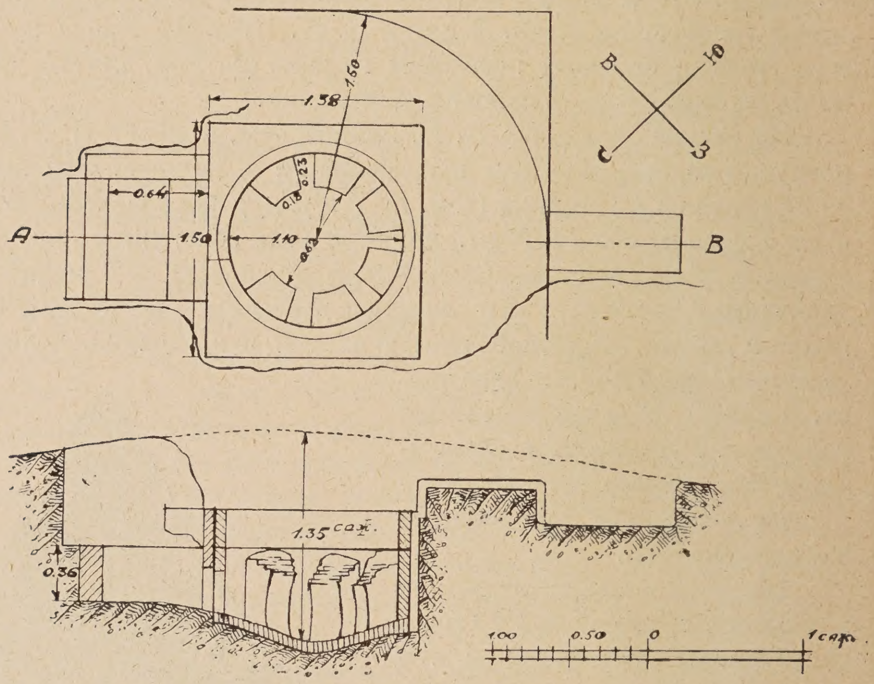


Рис. 27. Увек. Горн № 1.

арку из кирпича, и окружающая отверстие стена снаружи подпиралась второю, саманною стеною, с саманною же стрельчатою аркою вокруг закругленной арки кирпичной. На дне горна было много золы и лежали 6 совершенно новых изразцов трехугольной формы (см. рис. 26), а также два разбитых—вероятно, упавшим сводом — кувшина, светлых и не бывших в употреблении. Внутри горна около топочного отверстия и в промежутках между столбами были найдены глиняные обгоревшие плитки и около 20 глиняных труб (см. табл. 20, рис. 2) и цилиндров, на одном конце обгоревших и нередко закапанных зеленою глазурью, а на другом сохранивших нормальную окраску, как бы потому, что сидели в стене или своде сооружения. В камере около топочного отверстия, стены которой по-

чернели от дыма, была найдена разбитая глиняная плита с арабскою надписью (см. табл. 23, рис. 1). В горне, на дне его и в щебне, а также вокруг горна было найдено большое число черепков простой и поливной керамики (см. табл. 24, 25 и 18, рис. 1 и 2). Дно горна (в средине) лежит на 1,35 саж. ниже поверхности расположенного рядом поля. Как уже говорилось, весь горн был заполнен щебнем; этим объясняется, что работы по раскопке горна продолжались 10 дней.

Горн № 2 (см. рис. 28), откопанный к северо-востоку от мавзолея, рядом с ним, представлял собою круглую яму (диаметром в 1,28 саж.) с толстою, сильно обгоревшею, глиняною обмазкою в 0,10 саж. (обго-

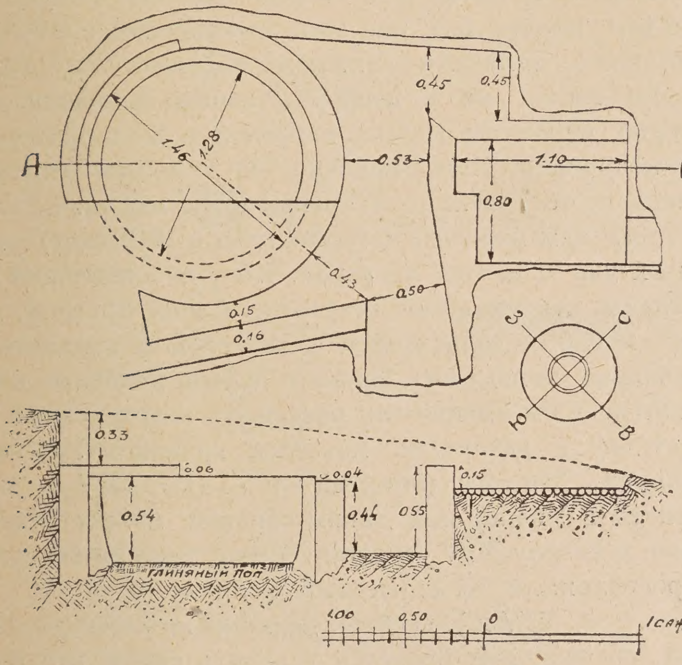


Рис. 28. Увек. Горн № 2.

ревший саман) и с глинобитным полом, на котором были найдены следы золы. Горн наверху окружало саманное кольцо (0,22 саж. толщины и 0,17 ширины). Глубина горна 0,54 саж. Топочное отверстие обнаружено не было. Наверху по краям горна, как будто, были обнаружены следы сводообразного сооружения из глины и кирпича; но когда горн был брошен и засыпан, свод, вероятно, рухнул, и от него остались лишь весьма жалкие следы в виде ряда кирпичей и толстого слоя глины. Среди щебня, заполнявшего горн, было найдено несколько изразцов. Вблизи горна были откопаны две саманные стены, вероятно, образовавшие ограду вокруг горна, и к с.-в. от горна, за восточною из упомянутых 2 стен,—площадка из булыжника, под которою, при обследовании, ничего обнаружить не удалось.

Горны № 1 и № 2 безусловно служили для обжигания изразцов, притом в эпоху Золотой Орды; тому свидетели: во-первых, кирпич, из которого горн № 1 сооружен, во-вторых, большое количество найденных в горне или около него изразцов (см. табл. 20, 22, 24, 21, рис. 1—4), в том числе на дне горна некоторое количество совершенно новых (т.-е. неиспользованных для облицовки стены или пола), в-третьих, несколько неготовых изразцов с насечками, лишь приготовленных для глазуровки (см. табл. 23, рис. 2), в-четвертых, изразец, упавший до обжига и поэтому обвалявшийся в земле, в-шестых, глиняная плита с арабской надписью, явно помещавшаяся на стене горна. О золотоордынском происхождении 2-го горна свидетельствуют изразцы, найденные в нем, притом как раз типа откопанных в 1913 году (см. табл. 26) и, далее, типичная кожаная подошва татарской обуви, найденная вне горна, но в непосредственной близости к нему. И если оба горна откопаны вблизи мавзолея и на территории золотоордынского некрополя, где, конечно, не подобало строить заводские сооружения, то невольно напрашивается мысль: не служили ли оба горна строителям мавзолея (откопанного в 1913 году) для обжигания потребных для мавзолея изразцов. Ибо, по окончании строительных работ, горны, конечно, были закопаны. А впоследствии, разросшееся кладбище могло пододвинуться к мавзолею и занимать те места, где первоначально находились горны и другие подобные сооружения. Мне лично хотелось бы именно так разрешить поставленный вопрос, и, следуя Кроткову в датировке мавзолея временем Узбека или его предшественника Токтогу (который в 1306, 1307 и 1311 годах чеканил монеты в Укеке), мы, таким образом, можем отнести сооружение горнов к началу XIV столетия. Более древняя часть некрополя явно была расположена на окрестных холмах.

Время это (т.-е. XIV в.), вообще, должно-быть, было временем расцвета Укека, об этом нам придется говорить еще в дальнейшем; это вполне согласуется со взглядами, которых придерживался Саблуков [1], а в частности небезынтересно, что орнамент, обычный для монет Токтогу-хана, встречается на изразцах, найденных в горне № 1; он же имеется на амулете, найденном в погребении № 2.

Откопанные нами изразцы—одноцветные (серые, перламутровые, зеленые, голубые и синие) или узорчатые (белый геометрический узор на голубом фоне; коричневый рисунок в виде розеток на белом фоне; красновато-коричневый растительный орнамент на зеленом фоне; рельефные узоры, украшенные синими линиями, и цветы с черными контурами на зеленом фоне; зеленые, местами позолоченные изразцы с богатым рельефным растительным орнаментом, порой напоминающим листья аканфа; окруженный сердцевидной рамой трилистник; арабские пись-

---

[1]) Стр. 307.

мена, составляющие орнамент голубого изразца). Изразцы, в большинстве случаев,—плитки из серой массы, покрытые глазурью; реже представляют такую же массу, но с примесью глины; найдены также обыкновенные узорчатые кирпичи, иногда—лишь обожженные и без всякой окраски и глазури, иногда—поливные (см. табл. 26).

На Мамаевом бугре, центре древнего Укека, были частично раскопаны остатки здания, 6×6 саж. (см. рис. 29). Были заложены 6 траншей: с юга, сев. и вост.—все подходом с материка к центру, где виднелась глубиною в 1 арш. 5 верш. ямина от раскопки или добычи кирпича.

Северо - восточная подходная траншея привела к следам заливки материка ватерпасным слоем, толщиною в 1,5 вершка на глубине $13^1/_2$ вершков от поверхности земли. Продолжая траншею с сев.-вост. на юго-зап., мы дошли до стены здания, сложенной из сырцового кирпича светло-зеленого, фисташкового цвета на землистой связи, при ложковой кладке. Ширина кирпича была от $4^1/_2$ до $5^1/_2$ вершка, длина от 8 до $10^1/_2$ вершка, а толщина совершенно различная, но в среднем в 2—3 вершка.

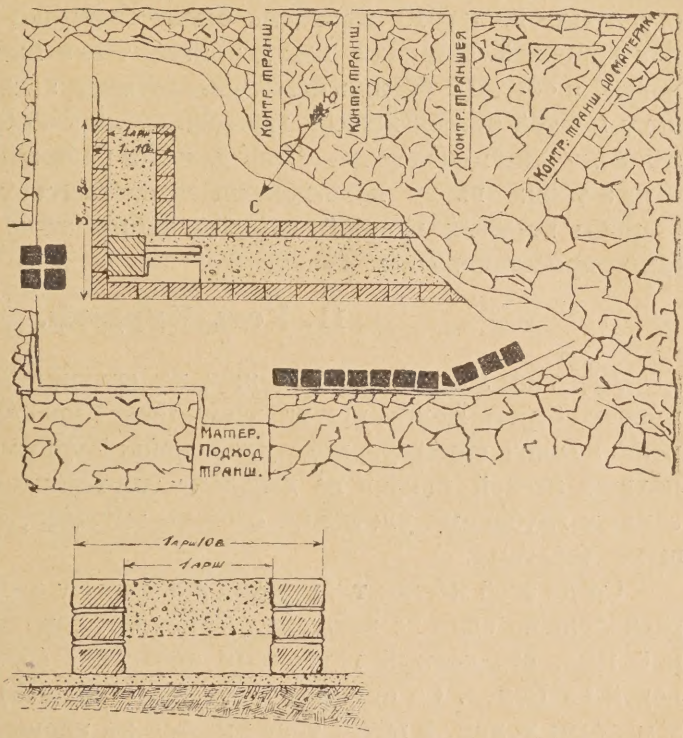


Рис. 29. Увек. Здание у „Мамаева Бугра“.

Подвигаясь по линии стены траншеей в 2 аршина, мы достигли восточного угла стены и повернули за угол; пройдя 3 арш. 8 вершков, наткнулись на брешь в стене, в глубину до ватерпасного слоя. Очевидно, она была пробита для извлечения из внутренности здания обрушенных внутрь кирпичей, потому что именно внутри здания—их не оказалось. По направлению от с.-в. к ю.-з. стену возможно было проследить и дальше: кладку—частично на 7 арш. 4 вершка, далее оказалась или опять брешь или совершенно разрушенный угол здания, покрытый сплошной грудой мусора из битого кирпича и извести.

Кладка уцелевших стен шла с уровня ватерпасного слоя двумя параллельными стенами в один кирпич каждая (наружная и внутренняя), расстояние между ними определилось ровно в 1 аршин. Нижний слой между стен был засыпан песком с примесью глины; верхний слой засыпан землею (черноземом), очевидно, сеянной. В северном углу лежали между параллельных стен 2 кирпича (сырцовых) и было положено дерево: дубовые полубрус и доска, поставленная на ребро. Было обнаружено также несколько крупных гвоздей. Параллельно северной стене шла дорожка в один кирпич; кроме того, против с.-в. угла, отступя на в. на 10 вершков, была сложенна приступка из четырех кирпичей. Кирпичи, как дорожки, так и площадки, были не сырцовые, а обычные обожженные, квадратные, золотоордынского типа. В виду полной безнадежности выявить сколько-нибудь ценный материал, для более или менее точного определения характера и конструкции здания, а также ввиду последовавшего соответствующего пожелания со стороны военных властей, дальнейшие раскопки и обследование здесь были приостановлены.

11. Усть-Курдюм.

Деревня Усть-Курдюм лежит на сравнительно невысокой части правого берега Волги, при впадении реки Курдюма. Выше и ниже устья реки, к Волге вплотную подступает кряж Курдюмских гор, еще сохранивших лесной покров на довольно значительной площади и прорезанных глубокими ущельями с очень крутыми, обрывистыми и заросшими берегами.

Среди этой местности, верстах в 3-х к югу от деревни, на «стрелке», расположено одно из волжских береговых городищ. Оно занимает узкий мыс, отделенный глубокими оврагами, весною наполняющимися водой из Волги. Со стороны материка (с запада) городище укреплено земляным валом, и кроме того имеется на площади его земляное укрепление в форме эллипсиса. При разведочных раскопках членами Саратовской Ученой Архивной Комиссии были обнаружены следы сгоревшего тына [1]).

На уровне «городка», к западу, тянется высокая гряда, перпендикулярная к Волге; она господствует с севера над равниной вплоть до Саратова. На вершине этой гряды, хорошо видимой из Саратова, высятся два очень больших кургана, по внешнему виду кажущихся очень древними. Другие два кургана, но меньших размеров, виднеются на склоне горы, но несколько восточнее первых. Гора носит местное название «Голая Шишка».

На околице деревни Усть-Курдюм, в 20 саж. от нее, на невысокой горке раскинулась группа 22—25 мелких курганов, частью рас-

[1]) См.: Труды Сарат. Учен. Арх. Ком. 1910 год, вып. 26-ой, стр. 91 и сл.

плывшихся, частью же отлично сохранившихся и имеющих в центре характерные яминки. Размеры их колеблются: высота их от 0,5 до 1,5 арш.; окружность от 20 до 48 шагов. Курганы расположены неравномерно: некоторые сливаются основаниями, другие стоят как бы в стороне. В общем группа представляет картину небольшого кладбища.

Саженях в 10 к северо-востоку от этой первой группы, на соседнем пригорке видна другая, меньшая, быть может, уже частью уничтоженная соседними гумнами—вторая группа.

К северо-западу от первой группы, на расстоянии около $^1/_2$ версты, видна третья группа; насыпи, лежащие ближе к восточному склону возвышенности, имеют форму неправильных угловатых выпуклостей, изрытых, очевидно, в более позднее время; здесь повидимому были какие-то строения, быть-может, надгробные «мазарки», хотя на поверхности земли и при раскопке на один стык лопаты не было обнаружено признаков кирпича. Можно лишь предполагать, что это не остатки жилья, так как по близости их в почве незаметно никаких следов засорения: черепков, костей, углей.

По собранным в деревне сведениям, здесь после дождей иногда находят татарские монеты.

Еще далее к северо-западу, на вершине увала, образующего часть основного горного массива, видна еще цепь курганов—по внешнему виду кочевнических, сравнительно хорошо сохранившихся.

Для выяснения содержания курганов первой группы был выбран типичный «средний» курган (окружностью—31 арш., высотою—1 арш.) и Б. В. Зайковский, которому было поручено обследование его, проложил траншею шириною в $2^1/_2$ арш. с южной стороны, с основания кургана до центра насыпи. Как видно из представленного Б. В. Зайковским отчета, которым пользуюсь для описания Усть-Курдюмской разведки, на глубине 1 стыка лопаты в насыпи были обнаружены незначительные следы угля; далее—до конца работы—никакой посторонней примеси, кроме сурчиных и кротовых ходов, ни в насыпи, ни в могиле не было обнаружено.

Форма могилы оказалась таковой: очень широкая и длинная в верхней части, она имела форму опрокинутой усеченной пирамиды с верхней площадкой $4^1/_2 \times 2$ арш. и нижнею—$3^1/_3 \times {}^3/_4$ арш. при 1 арш. 2 верш. глубины.

На глубине 18 верш. пришлось остановить работу и расширить траншею крестообразной выемкой. После очистки дна обрисовалась картина устройства гробовища: на дно могилы, непосредственно на грунт, были положены две доски правильной формы, очень чистой отделки (3 арш. $\times 5^1/_2$ верш. $\times 1$ верш. и 3 арш $\times 6$ верш. $\times 1$ верш.). По стенам могилы, стойком на ребро были поставлены доски, 3 арш. $\times 9$ верш. $\times$ 1 верш. Концы гробовища были забраны досками 13 верш. $\times 4^1/_2$ верш. $\times$

1 верш. Крышкой служили две такие же доски, как и днище, наложенные на края поперечных стенок.

Костяк лежал на спине, головою на запад; длина его 2 арш. 7 верш; руки были вытянуты вдоль туловища, голова—в полуоборот к правому плечу.

В юго-западном углу гробовища лежала воткнутая острым концом в землю конусообразная коробка из бересты.

На черепе оказались остатки черной кожаной шапочки, прикрывавшей голову от бровей до затылка; на уровне левого уха—остатки истлевшего деревянного гребня с кружковым орнаментом. Ниже, под кистью левой руки лежало металлическое зеркало грубой работы, с орнаментом в виде концентрических кругов. Еще ниже, в деревянных ножнах,—кинжал (тип финского ножа); ножны были покрыты кожей, железо совершенно разрушено ржавчиной; еще ниже, на уровне кисти левой руки, остатки плети. С правой стороны, ниже берестовой коробки, на уровне плеча, лежали совершенно разрушенные ржавчиной ножницы. У кисти правой руки—довольно хорошо сохранившийся кожаный кошелек-сумочка. На ногах были обнаружены остатки сапог (верхи голенищ на $1^1/_2$ в. ниже колена); вообще сохранились: верхи, подметки и задники.

Глава II.

Характеристика золотоордынского города и архитектурных памятников Нижнего Поволжья в XIII и XIV веках, в связи с произведенным обследованием.

Раскопки 1919 и 1920 годов и археологическое обследование приволжской полосы в 1921 году, описанные выше, невольно обратили мое внимание на ту особую историко-художественную и археологическую ценность, которую представляют развалины древних золотоордынских городов Н. Поволжья. Золотоордынский архитектор вырисовывается не только искусным инженером-строителем, но также чутким художником, творцом, от произведений которого веет поистине девственною прелестью и приволжских степей, и настроений сынов этих степей.

«Лучше всего можно почувствовать особенности татарского гения, осознавать индивидуальную прелесть его—в архитектурных памятниках», говорит М. Я. Гинзбург [1]) в своей статье о «Татарском искусстве в Крыму». Гинзбург, а также Гернгросс [2]) в статье «Ханский дворец в Бахчисарае» для характеристики архитектуры былых властителей Крыма пользуются одой, начертанной в 1764 году на стене «Золотого кабинета» дворца и воспевающей этот памятник татарской гражданской архитектуры XVI века. Влюбленный в Бахчисарайский дворец татарский поэт восклицает: «Смотря на живописную картину дворца, ты подумаешь, что это жилище гурий, что красавицы сообщили ему прелесть, что это нитки морского жемчуга, неслыханный алмаз! Смотри! вот предмет достойный золотого пера... Окрест дворца—свежие лилии, розы, гиацинты... любовник розы, соловей, пал бы к праху ног сада, если бы его увидел...». Конечно, Бахчисарайский дворец—более позднее строение, он сооружен в Крыму, насыщенном еще древними культурами. Но кто знаком с золотоордынскими памятниками, тому

---

1) „Среди коллекционеров", 1922, № 1, стр. 19.

2) „Старые годы", 1912, апрель, стр. 3, стр. 14.

невольно вспоминаются стихи крымского поэта, когда кирка и заступ, кроме следов фундамента разрушенных Тамерланом и Русью городов, открывают мраморные колонны, капители и карнизы, изразцы и мозаику, выявляющие тонкую гармонию колорита, темносинего и зеленого тонов с нежным голубым и белым, следы фонтанов и садов, орошавшихся сложною сетью каналов. Найденный Ширинским-Шихматовым фрагмент стеклянной вазы [1]) вещает устами арабского поэта, что «не изменится обаяние красоты»... Оно и не изменялось. Гений мастеров, работавших для татарского народа, в одинаковой мере сознавал красоту, гармонию линий, форм и колорита и в позднюю пору Крымского ханства, и в эпоху строительства Золотой Орды, когда сооружались приволжские города, мечети и дворцы.

Обыкновенно говорится — особенно говорилось — о разрушительных стремлениях татар, вспоминается пир победителей над трупами русских князей, убиение Михаила Черниговского и других, дымящиеся развалины разрушенных русских городов. «Ярослав приехал господствовать над развалинами и трупами»: так начинает Карамзин том IV Истории Государства Российского. Далее следует печальная повесть разрушения русских городов [2]). «Батый разорил грады многи, им же несть числа»: повествует летопись. И так не один раз было позднее, при преемниках Батыя; так созидалось татарское государство, когда Темуджин, впоследствии Чингиз-хан, совершил свое победное шествие через страны народов Азии на запад. «Чингиз-хан», говорит Поляков [3]): ... «опустошил Китай до берегов Желтой реки. Обремененный громадной добычей, он оставил Китай единственно для того, чтобы покорить и пограбить другие страны. Он подчинил себе Трансоксиану, Харезм, Персию, и в то время, как одна часть его огромной армии довершала покорение Китая, другая опустошала берега Инда и Евфрата и, проникнув на северный берег Черного моря, вторглась в Крым и разграбила часть Руси. Его преемники продолжали начатое дело... сожгли Краков, превратили в пустыню Польшу и Венгрию, покорили Армению, Грузию, Мал. Азию и ... взяли Багдад, столицу Халифата»... Действительно, в восточных и русских летописях возможно отыскать достаточное количество страниц, которые являются темными пятнами на победном пути татарских воителей, хотя нельзя не отметить, что принадлежат описания зверств перу летописцев пострадавших. Перечислять эти страницы не стану, содержание их достаточно отразилось в цитированных словах Полякова. В результате подобных статей, естественно, должно было установиться мнение о татарах, как о воинственных кочевниках, чуждых и чуждающихся всякой культуры. И это тем паче,

---

[1]) Ныне в Сар. Археол. музее.

[2]) Сравн. также Hammer-Purgstall, „Gesch. d. G. Horde“, стр. 101—102 и др.

[3]) Ислам среди тюрков, монголов, индусов и китайцев. Изв. О-ва Арх. Ист. и Этн. при Каз. Ун-те, т. XII, вып. 6, стр. 545.

что, по Рубруку [1]) «они едят без разбора всякую свою падаль», по Карпини [2]) «едят собак, волков, лошадей и лисиц, а в случае нужды и человеческое мясо». Ибн-Васыл [3]) говорит о татарах времени Берке-хана, что они «не знают домашнего скарба, ни роскоши, и образ жизни их, как жизнь собак, вследствие голода, бедности, дурной одежды, недостатка возделанных местностей и плодов» [4]). Кочевники-скотоводы, воины-разрушители, голодные людоеды [5]), пляшущие на трупах убитых,—не могли бы, казалось, созидать города, иметь свою архитектуру. И в связи с изложенной характеристикой татар, при все же встречающихся сведениях о городах татарских, Саблуков [6]), напр. (а вместе с ним многие другие), полагал, что «городов в Кипчаке не можем представлять городами, подобными нашим... с красивыми зданиями». «Они не могли иметь правильного устройства при кочевой жизни всего населения Кипчака», говорит Саблуков, «татары постоянно чуждались городской жизни; только в полях, под открытым небом, свободно дышал татарин»... Такой взгляд как будто подтверждают сведения ряда древних авторов. «Большая часть подданных его (т.-е. Узбека)—обитатели шатров в степях», говорит Эломари [7]). «Stationes rotundas habent in modum tentorii preparatas, de virgis et baculis subtiliter factas. Supra vero in medio rotundam habent fenestram, unde lumen ingreditur et ut possit fumus exire: quia semper in medio ignem faciunt. Parietes autem et tecta filtro sunt cooperta. Ostia etiam de filtro sunt facta»: так описывает татарский дом-шатер Карпини [8]) и описание это, что, не безынтересно, вполне соответствует данным Харузина в его монографии о жилищах заволжских инородцев [9]), Пржевальского о войлочных юртах современных кочевников-монголов [10]), а также описанию юрт совр. Средней Азии [11]). Hammer-Purgstall приводит описание меньших круглых

---

[1]) Перев. Малеина, стр. 73.

[2]) Перевод Малеина, стр. 14.

[3]) Тизенгаузен, стр. 74.

[4]) Сравн. однако Джувейни, Hammer-Purgstall, „Geschichte der Goldenen Horde", стр. 40: до Чингис-хана—дикари; благодаря ему появляется роскошь и богатство, возделываются поля, имеются дома.

[5]) Сравн. Hammer-Purgstall, стр. 127 и прим. I Mulieres autem vetulas et diformes anthropophagis, qui vulgo reputantur in escam quasi pro diario dabant, nec formosis vescebantur, sed eas clamantes et eiulantes multitudine coituum suffocabant; virgines quoque usqae ad exterminationem opprimebant, et tandem abscissis forum papillis, quas magistratibus pro deliciis reservabant, ipsis virgineis corporibus lautius epulabantur»: из донесения свящ. Иво архиепископу Бордоскому.

[6]) Очерки внутр. сост., стр. 29.

[7]) Тизенгаузен стр., 230.

[8]) Стр. 81.

[9]) Харузин. «История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России», стр. 42, рис. 7.

[10]) Пржевальский, Монголия и страна тунгутов, т. I, стр. 34—35.

[11]) М. Достоевский, Старина и были Ср. Азии, стр. 32, табл.

и больших четырехугольных шатров из войлока, выкрашенного в белый цвет, со входом на южной стороне, завешенным пестрым ковром [1]). У Берке-хана большой шатер, вмещающий до 100 человек: он «покрыт белым войлоком, а внутри обит шелковыми материями, китайками, драгоценными камнями и жемчугом»... [2]) «Узбек-хан живет в золотом шатре—из деревянных прутьев, обтянутых золотыми листками»... [3]) «Подошла ставка, которую они называют Урду», рассказывает Ибн-Батута [4]),—«и мы увидели большой город, движущийся со своими жителями; в нем мечети и базары да дым от кухонь, взвивающийся к небу: они варят во время самой езды своей и лошади везут арбы с ними. Когда достигают места привала, то палатки снимают с арб и ставят на землю... Таким образом они устраивают мечети и лавки»... Такие же сведения можем почерпнуть из летописи Эддзехеби [5]), согласно которой татары времени Берке-хана (в 1265 году) «мечети свои, состоящие из шатров, возят с собою»...

В результате кажется, что Саблуков [6]) прав, утверждая, «что не только частные жители со своими стадами разгуливали по широте Кипчака, но и ханы переходили из одного места в другое», что «их двор кочевал в различное время то в Сарае, то на полях, то в Гюлистане»... И все же, как видим, называя несколько татарских городов, Сарай и Гюлистан, Саблуков спешит пояснить, что «ханы, переходя из одного города в другой, были, так сказать, гостями в них, а потому и не заботились о благоустройстве города, в котором имели временное пребывание»... [7]).

Но так ли это?

Действительно ли чуждались татары всякой культуры, действительно ли золотоордынские города не были «подобны нашим нынешним или современным им русским»? [8]) В праве ли мы вообще говорить о золотоордынской архитектуре? Вот вопросы, которые прежде всего требуют ответа.

И внимательно просматривая данные арабских авторов, описывающих жизнь татар и победное шествие их на запад, нетрудно отыскать рядом с совершенно, казалось бы, безрассудными действиями Чингиз-хана и Чингизидов, описаниями зверских убийств, грабежей и насилий, кстати, вообще характерных для войн той поры,—какое-то особо береж-

---

[1]) Gesch. d. Gold. Horde, стр. 44.

[2]) Тизенгаузен, стр. 64; 4 сент. 1264.

[3]) Тизенгаузен, стр. 290—Ибн-Батута.

[4]) Тизенгаузен, стр. 289.

[5]) Тизенгаузен. стр. 205.

[6]) Оч. внутр. сост., стр. 29.

[7]) Повидимому Саблукову рисуется картина города вроде Урги, в 1870 г.,—селения почти исключительно из войлочных юрт и маленьких мазанок. (Пржевальский, Монголия, I, стр. 6).

[8]) Саблуков, Оч. внутр. сост., стр. 29.

ное отношение к представителям науки [1]), искусства и ремесла, стремление использовать всякую ценную силу для нужд созидающегося татарского государства. При Чингиз-хане состоит советником высокообразованный, по тому времени, китаец. В ставке Чингиз-хана еще до завоеваний находились мусульмане [2]). Чингиз-хан, по Ибн-аль-Асиру [3]), в 1220 г., при взятии Мерва, требует составить не только «список купцов города, старшин его и богачей», но и «другой перечень художников и ремесленников», потому что эти последние могли понадобиться татарскому государству. Город, правда, был разрушен; «простой народ, мужчины, женщины, дети и деньги были разделены», но «били и мучили лишь богатых». Тот же Ибн-аль-Асир [4]) рассказывает, что «в Тебризе царь татарский (в 1230 г.)... потребовал, чтобы привели к нему мастеров, выделывающих хатайские одежды и другое, для поступления на службу к великому царю их...» И Стратонитский [5]), конечно, прав, утверждая, что вырезывались жители и сожигались города только в случае, если татарам оказывалось упорное сопротивление, или население в чем-либо провинилось перед ними; уничтожалось только городское население, при том его высшие классы. «Из городов, завоеванных Чингиз-ханом и его помощниками в Туркестане и Хоразме,— говорит Стратонитский,—только жители одного Сыгнака были уничтожены за то, что убили отправленного к ним посла. В других же городах—Нуре, Буларе, Самарканде, Джеиде—истреблены были лишь военные защитники, жители же частью ограблены, частью, именно ремесленники, переправлены в Центральную Азию—в Каракорум, молодые же присоединены к войску...». В 1233 году из-за художников и ремесленников был пощажен Вянь-Цзин [6]). Герат, взятый в 1221 г. сыном Чингиз-хана, Тулуем, вообще не пострадал, т. к. жители сдались добровольно [7]). Другими словами, как эпизод пира на трупах после битвы на Калке, имеет свой первообраз в действии другого восточного воителя, аббассида Абдаллаха [8]), так и татары своим отношением к побежденным, в частности стремлением использовать ремесленников и художников, а вообще трудоспособное население, повторяют ту политику сильного и победителя, которая и ранее наблюдалась на Востоке: сассанидские цари насильно переселяли в свои владения жителей си-

[1]) Хулагу, убивая властелина Дамаска, охраняет жизнь астроному Махиэддину Магреби, Hammer-Purgstall, Gesch., стр. 159. «Берке-хан оказывал покровительство науке и ученым», Ибнарабшах, Тизенгаузен, стр. 461.

[2]) Бартольд. Культ мус., стр. 79.

[3]) Тизенгаузен, стр. 30.

[4]) Тизенгаузен, стр. 44.

[5]) Монгольское управление покоренными Китаем и Арменией, стр. 7.

[6]) Стратонитский, Монг. упр., стр. 8.

[7]) Бартольд. Ист.-геогр. обзор Ирана, стр. 37.

[8]) Hammer-Purgstall, Gesch. der Gold. Horde, стр. 87.

рийских городов [1]), в начале VII века персидский шах Аббас насильно переселил в Персию для культурных целей армян и грузин [2]). И конечно, если Карпини [3]) увидел «quendam Ruthenam, nomine Cosmam, aurifabrum, qui satis dilectus Imperatori», Куйюк-хану, то Козьма мог попасть в Каракорум таким же образом, как были взяты в русских городах каменщики, плотники и другие нужные Орде люди [4]).

Бартольд [5]) показывает, что «ради собственных материальных интересов ханы заботились о восстановлении городской жизни, промышленности и торговли в завоеванных странах». Разрушенные города были восстановлены, были построены новые. Стратонитский устанавливает факт восстановления разрушенных поселений уже для времени Чингиз-хана [6]); «у татар вырабатывается обычай восстановить под своим именем разрушенные ими деревни и поселения», говорит он. Действительно, город Герат, разрушенный при повторном взятии в 1222 г. (после восстания), был восстановлен; Угедею «так понравились ткани гератских мастеров»—читаем у Бартольда [7]),—«что он позволил им вернуться на родину и там устроить мастерские»... В 1251—1259 годах Герат существует, как будто не предшествовали разорение и убийства. Тебриз именно при монголах сделался большим и богатым городом, крупным центром Персии [8]). Просматривая «Ист.-геогр. обзор. Ирана» Бартольда, возможно отыскать другие подобные же примеры. И лишь некоторые города, пострадавшие от руки воителей, напр., Мерв [9]), только многие годы спустя или вообще медленно возвращались к жизни и отстраивались заново или же оставались брошенными развалинами.

И изучая летописный и археологический материал, касающийся Поволжья, мы видим цветущие Хаджитархан, Бельджамен и Булгары, возникшие на развалинах более древних селений. «Хаджитархан (Астрахань)—один из лучших городов с большими базарами», говорит Ибн-Батута [10]). Бельджамен Абульфеды [11]), помещенный на-ряду с Астраханью и другими татарскими городами на картах Пицигани

---

1) Бартольд, Культ. мусульм., стр. 11.
2) Бартольд, Культ. мусульм., стр. 21.
3) Стр. 54.
4) Саблуков, Очерк внутр. сост., стр. 32.
5) Культ. мус., стр. 83—84.
6) Монг. управл., стр. 10.
7) Ист.-геогр. обзор. Ирана, стр. 37.
8) Бартольд, Культ. мус., стр. 83.
9) Бартольд, Ист.-геогр. обзор, стр. 30.
10) Тизенгаузен, стр. 301, сравн. Спицын, Отчет Имп. Арх. Ком. за 1893 г., стр. 78.
11) Френ, Укек, стр. 8.

1367 г., Каталанского атласа 1375 г. и Фра Мауре XV века [1]), при археологическом обследовании, как мы видели, дал слои, свидетельствующие о продолжительном существовании еще до татар [2]), далее слой татарский, поражающий богатством отделки архитектурных памятников. Болгары [3]) издавна славились своею торговлею и промышленностью; раскопки последнего времени выявили блеск татарской поры, равный Увеку и другим золотоордынским городам. «К Бату стали отправляться цари и принцы, князья и купцы, и все обиженные и лишенные отечества»... И «светлый хан»... «по справедливости возвращал каждому из них отчины и княжества, снабжая их грамотами, и никто не смел сопротивляться его воле», цитирует Стратонитский [4]). Естественно, вместе с тем давалось разрешение или просто считалось законным, чтобы были возстановлены города и села, пострадавшие от татарского нашествия. И нас, засим, не удивит, если о Берке-хане, дворец которого выше был описан в виде передвижного шатра, в «Энциклопедии» Эннувейри прочтем, что он «строил мечети и школы» [5]). С оговоркой, что татары пользовались услугами мастеров русских, генуэзских и других, даже Саблуков [6]) принужден признать, что «Берке покровительствовал искусствам, украшал столицу зданиями». В противоречии с ранее приведенным мнением, он в тех же «Очерках внутреннего состояния Кипчакского царства» [7]) говорит, что «суровый климат... потребность сосредоточивать дела управления в местах постоянных» и еще другие обстоятельства «заставили ханов строить города: Казань, Сарайчик, Орначь, Старый и Новый Крым, Хаджитархан, Старый и Новый Сарай, Гюлистан, Маджары, Орду, Услан, Берекзаны, Укек, Джулад, Махмуд-абад, Наручатск». Итак, речь идет уже о городах, не передвигающихся, а постоянных, сооруженных из дерева и камня. А если это так, то у Золотой Орды, естественно, была своя архитектура. И такой вывод останется неизменным даже в том случае, если установим широкий эклектизм, если, вспоминая использование иноплеменных мастеров, термину «татарский» или «золотоордынский художник» придадим собирательный смысл. Ибо работали иноплеменные мастера все же для господствовавших этнических

---

[1]) Труды Сар. Уч. Арх. Ком., т. II, вып. 1 и 2, Чекалин, Саратовское Поволжье в XIV веке по картам того времени и археол. данным, таблицы; Ruge, Geschichte des Zeitalters der Entdeckungen, стр. 78—таблица.

[2]) Спицын, Отч. Имп. Арх. Ком. за 1893 г., стр. 91; Зайковский, Городище Бельджамен, Труды Сар. Арх. Ком., вып. XXIV, стр. 33; Щеглов, Раскопки на Водянском городище, Труды, вып. 32, стр. 146.

[3]) Френ. Укек, стр. 3; Саблуков, Очерк внутр. сост., стр. 26; Высоцкий, Несколько слов о болгарах и болгарской культуре, стр. 60 и сл., Худяков, Развалины Великого города, стр. 78 и сл., Каз. Муз. Вестник. № 1—2, 1921 г.

[4]) Стр. 29.

[5]) Тизенгаузен, стр. 151.

[6]) Очерк внутр. сост., стр. 32.

[7]) Стр. 27, сравн. перечень городов также у Френа, Укек, стр. 3.

слоев и должны были применяться к их эстетическим запросам. Безусловно интересны три цитированные карты XIV и XV веков; они изображают татарское государство усеянным городами с башнями, стенами и домами; такими, очевидно, считали на западе современники также татарские, золотоордынские города.

Мне надлежит изучить сохранившиеся данные о более крупных золотоордынских городах только в области Нижн. Поволжья, ибо характеристику золотоордынских городов и архитектуры даю, используя материал, собранный в приволжской полосе между Ерусланом и Царицыном, а именно, в районах Камышина, Дубовки и Царицына, но также Саратова, которые мною были обследованы. Лишь развалины в районах Царева и села Селитренного придется привлечь для большей полноты картины, равно как позднее при более детальном изучении татарского дома нам придется пользоваться материалом, добытым В. А. Городцовым в Маджарах, а частью также материалами, собранными А. А. Спицыным на Шаренных буграх близ Астрахани. Отмечу, что Маджары Ибн-Батута называет «городом большим, из лучших тюркских городов... с садами и обильными плодами», в нем «собор, скит»... [1]). Хаджитархан (Астрахань), по тому же Ибн-Батуте [2]),—«один из лучших городов с большими базарами». Наше изучение нижне-волжских татарских городов мы начнем с изложения тех сведений, которые имеются о древних золотоордынских столицах, Старом и Новом Сарае.

Старый Сарай («Эски Сарай»), по Григорьеву, был построен между 1242 и 1254 годами Батыем [3]). Во всяком случае Сарай уже существовал в 1254 году, когда совершал свое путешествие Рубрук. Первые битые в Сарае Старом монеты, по Григорьеву, относятся к 1282—1291 г.г., т.-е. ко времени Туда-Менгу-хана. Город, первая столица Золотой Орды, раскинулся на 8 холмах на расстоянии свыше 12 верст вдоль Ахтубы [4]), где ныне построено село Селитренное. Мимо него, «мимо местечка, называемого Эски Юрт, что значит по-арабски старое селище»,—говорит Абульфеда [5]), надо было плыть, чтобы попасть снизу из Каспийского моря и Астрахани в столицу Орды. Когда совершал свое путешествие Паллас [6]), здесь стояло еще весьма значительное количество достаточно внушительных развалин со стенами до 9 сажен вышиною, облицованными поливными изразцами. «В ширину на версту или две

---

[1]) Тизенгаузен, стр. 287.

[2]) Тизенгаузен, стр. 301.

[3]) Григорьев, Местоп. Сарая, Азия и Европа, стр. 264; Веселовский, Загадочный Гюлистан, Зап. вост. Отд. И. Р. Арх. О-ва, XXI, в. II—III, стр. 58; Hammer-Purgstall, Gesch. d. Gold. Horde, стр. 150.

[4]) Спицын, Отчет И. Арх. Ком. за 1893 г., стр. 82.

[5]) Григорьев, Местоположение, стр. 298 с сылкой на Géographie d'Aboulfeda, texte arabe, p. 36, 64 и 217.

[6]) Паллас, Путешествие по разн. провинциям Рос. Гос., перев. Зуева, 1788 г., ч. III, п. II, 143—146; сравн. Григорьев, Местоположение, стр. 288.

ничего не видно, кроме щебня и следов от зданий или кирпичем выкладенных рвов, — рассказывает Паллас,—а на холму великолепнейшее строение города и, как кажется, большою стеною окруженный замок находился... там видны еще великие остатки от двух зданий, из коих... второе было жилым домом со многими отделениями, первое... можно почитать за могилу». Повидимому, о Новом Сарае, едва ли о старом, «Больших Сараях» русских летописей [1]) рассказывает Эломари [2]), что он «без всяких стен», что «место пребывания царя там большой дворец, на верхушке которого находится золотое новолуние, весом в два кынтаря египетских. Дворец окружают стены, башни, дома, в которых живут эмиры его. В этом дворце их зимнее помещение». Сарай место, «куда направляются товары», в нем «рынки, бани и заведения благочестия...» По Ибн-Арабшаху [3]): «Сарай сделался средоточием науки и рудником благодатей, и в короткое время в нем набралась добрая и здоровая доля ученых и знаменитостей, словесников и искусников... Сарай один из величайших городов [4]) по положению своему и населеннейших по количеству народа». Здесь, по Ибн-Батуте [5]), «13 мечетей для соборной служ-бы», «красивые базары и широкие улицы»—«переполнены людьми», «живут асы, кипчаки, черкесы, русские, византийцы», при чем «каждый народ живет в своем участке отдельно, там и базары их»; «купцы и чужеземцы из обоих Иранов, Египта, Сирии и других мест живут в особом участке, где стены ограждают их имущество». Повидимому, не приходится сомневаться, что все перечисленные места относятся именно к Новому Сараю, хотя говорится всегда в «Сарае», без упоминания прозвищ «новый» или «старый». Ибн-Батута описывая этот «красивейший город, достигающий чрезвычайной величины», говорит, что он расположен «на ровной земле»; по Эломари, «посредине его пруд, вода которого из этой реки»... [6]) По Палласу же, как цитировалось, на площади развалин села Селитренного возвышается холм, на котором находился «жилой дом со многими отделениями» и «памятник (надмогильный) с часовней построенный», «окруженные большою стеною»; а обследования Терещенко [7]) местности Царевских и Селитренских раз-

---

[1]) Никоновская Летопись, VII, 210.

[2]) Тизенгаузен, стр. 141—Эломари—«Город Сарай построен Берке-ханом, на берегу Туранской реки»... Хотя этому противоречат слова Ибн-Арабшаха (Тизенгаузен, стр. 466): «Между построением Сарая и разрушением тамошних мест (Тимуром) прошло 63 года», — не согласуемые с монетными находками (с 1310 г.).

[3]) Тизенгаузен, стр. 461; сравн. также: Hammer-Purgstall, Geschichte der Goldenen Horde, стр. 150.

[4]) Сравн. также Ибн-Батута, Тизенгаузен, стр. 306; Эломари, Тизенгаузен, стр. 241.

[5]) Тизенгаузен, стр. 306.

[6]) Тизенгаузен, стр. 241.

[7]) Оконч. отчет., стр. 101.

валин установили, что только первые имеют каналы и искусственные озера. Посредине Царевских развалин еще ныне сохранилось «Сахарное озеро»; площадь этих развалин ровная. Таким образом приходится признать, что приведенные тексты из Эломари, Ибн-Арабшаха и Ибн-Батуты именно трактуют о Царевских развалинах, которые в связи с данными Абульфеды, согласующимися с картой Фра Мауре, необходимо считать новосарайскими, что, кстати, подтверждается тем обстоятельством, что из 4.337 монет, найденных Терещенко в развалинах у Царева, большинство оказалось битыми в Новом Сарае. Изучение монетного материала из Нового Сарая дает возможность установить монетный период для него с 1310 [1]) по 1431 год, что небезынтересно, т. к. первая дата почти совпадает с древнейшею датою также для Ст. Сарая, а вторая свидетельствует, что Новый Сарай являлся населенным местом и после разрушения Тимуром. Монетная сводка [2]) дает 3% монет для времени Токтогу-хана, 27%—для Узбека, 35%—для Джанибека, 20%—для ханов периода междоусобий, 6%—для Тохтамыша, 1%—для Тимура и 8%—для ханов периода упадка. Таким образом, ясно, время Узбека, по Эломари, «преданного науке и людям ее» [3]) и скончавшегося в Новом Сарае [4]), и Джанибека—время расцвета (1313—1357) для Нов. Сарая, когда достигала наивысшего развития торговля [5]), укоренялось магометанство [6]) и «строилось в нем медрессе для науки» [7]).

Тимур разрушил Сарай, зажег его и обратил в пепел [8]); Терещенко [9]) находил: «один остов без рук, а ноги поперек туловища, другой без черепа... все кости... как бы изрублены в мелкие куски... несколько других без рук и ног, другие без черепов...», погребенные под грудами кирпича «следы невероятных зверств».

Сохранившиеся развалины описаны Леопольдовым [10]); раскопки были произведены Терещенко, копавшим «в 1850 и 1851 годах во всех возможных направлениях: не только окрестности бывшей столицы, но решительно все средоточие его и древнее магометанское кладбище не осталось без расследования» [11]).

---

[1]) Сравн. также Григорьев, Местоположение, стр. 271 и 314.

[2]) Сравн. также Терещенко, отчет, стр. 95.

[3]) Тизенгаузен, стр. 229.

[4]) Биография Эльмелика Эннасыра, Тизенгаузен, стр. 263.

[5]) Среди монет, найд. Терещенко, имеются «2 медные Иранские из дома Гулагу» и 4 «медн. китайские, современные Узбеку», стр. 95.

[6]) Эломари: «Узбек мусульманин частейшего правоверия» (Тизенгаузен, стр. 230).

[7]) Эломари, Тизенгаузен, стр. 230.

[8]) Шереф-Эддин, Histoire de Timur-Bec, traduite par Petis de la Croix. II, 381; Григорьев, Местоположение Сарая, стр. 275; Ибнарабшах, Тизенгаузен, стр. 466.

[9]) Оконч. отчет, стр. 94.

[10]) Григорьев, Местоположение, стр. 290.

[11]) Терещенко, Оконч. исследов. местности Сарая. Уч. Зап. И. Акад. Наук, I и II отд.) т. II, стр. 89.

Леопольдов говорит о развалинах «от села Пришиба через город Царев, почти до деревни Колобовщины, сплошных на 15 верст и большею частью огромных... остатки зданий прорезывают 4 реки... правильность в расположении улиц обнаруживается... против Сахарного Озера и там, где стоит Царев, а прежде была, вероятно, средина города... Недалеко от Пришиба—развалины реже, дворы и сады просторнее... Около Тутового ерика... дворец... вокруг главного здания которого обходит канава, проведенная в сад... По углам и вблизи вырыты водоемы, наполнявшиеся водою из канавы... В полверсте отсюда лежат другие развалины... можно узнать дом, пристройки, сад, канавы и водоемы... Развалины по реке Кальгуте сплошные и обширные...»

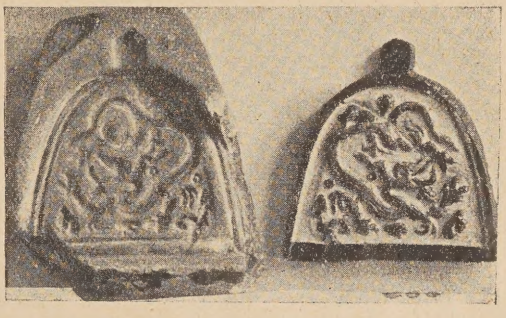


Рис. 30. Глиняная формочка для отливки металлического украшения, найденная на Увеке.

Развалины города Тартанлы, имеющегося на карте Пицигани (1367 года), Брун [1]) усматривает в Мечетном городище (в 17 вер. выше Царицына). Паллас [2]) видел здесь «изрядные остатки древнего татарского города... следы четвероугольной крепостной стены... на крутом буераке... Стена, повидимому, имела одни ворота... несколько далее находятся явные следы большого каменного строения, которое было караван-сараем... площадь (рядом) заполнена кучами камней и ямами, кои частью от развалившихся погребов, частью от копателей сокровищ произошли». О «следах каменной стены» и «фундаментах зданий на изрытой площади» говорит и Фальк [3]), также Фаддеев [4]), позднее Бесчинский [5]). Материалы Ширинского-Шихматова [6]) были приведены выше; о произведенных мною работах см. на стр. 15 сл.

Монетный период Мечетного городища определяется с 1274 по 1377 год; временем расцвета, очевидно, тоже является время Узбека (32% монет) и Джанибека (48% монет); ко времени Менгу-Тимура относятся 4% монет, Токтогу-хана—7%, к периоду междоусобий—9%.

---

[1]) Черноморье, сборн. по ист. географии Ю. России, ч. II, стр. 173.

[2]) Путешествие по разн. провинциям Рос. Гос., ч. III, пол. II, стр. 204 и сл.

[3]) Полн. собр. ученых путешествий, изд. Акад. Наук. том VI, стр. 127 (Записки путешествия академика Фалька).

[4]) Воспоминания, стр. 153.

[5]) Путеводитель по Волге, стр. 309.

[6]) Труды Сар. Уч. Арх. Ком., вып. 32, стр. 159 и сл.

Бельджамен упоминается Абульфедой [1]), имеется на карте Каталанского атласа и Фра Мауре.

Перенесенный Пицигани на берега Дона и названный там же «bazar», Бельджамен («belchimam», «berchimam»), повидимому, торговый центр на пути от Дона и западных стран на восток. Спицын [2]), вслед за другими отождествляет Бельджамен с Водянским городищем. Выше, на стр. 35 сл. давалось подробное описание этого городища, которое и ранее привлекало исследователей, напр. Щеглова [3]) и Соколова [4]). Монетный период для Водянского городища исчисляется [5]) для татарского времени с 1310 года по 1395 г.: ко времени Токтогу относятся 2% монет, Узбека и Джанибека—60%, периоду междоусобий—30%, Тахтамыша—8%.

Рис. 31. Увек. Восточные мотивы на металлических поделках.

Укек [6]), нынешний Увек, ниже Саратова [7]), был пограничным городом Зол. Орды. Ибн-Батута [8]) характеризует Укек «городом средней величины, но красивой постройки»; впервые он—по Френу [9])—упоминается у Марко Поло и т. о. около 1267 года уже являлся достаточно значительным городом; как место чеканки, Укек обозначается впервые в 1306 году, т.-е. на монетах Токтогу-хана [10]). Монетный период его с 1273 по 1394 год: ко времени Менгу Тимура относится 1% найденных здесь монет, Туда-менгу—3%, Токтогу—6%, Узбека—40%, Джанибека—38%, к периоду междоусобий—18% [11]).

---

[1]) Френ, Укек, стр. 8.

[2]) Отчет за 1893 г. стр. 91; Зайковский, Городище Бельджамен, Тр. С. Уч. Арх. Ком. вып. XXIV, стр. 33 и сл.

[3]) Труды Сар. Уч. Арх. Ком., вып. 32, статья Щеглова, стр. 145 и сл.

[4]) Труды Сар. Уч. Арх. Ком., т. I, стр. 254, сл. «Археол. экскурсия».

[5]) Сравн. также «Водянский клад», 1318—1363. (Кротков, Клад джучидских монет с Вод. гор., Труды С. У. А. К., в. 30, стр. 179).

[6]) Абульфеда, Френ, Укек, стр. 7, 8.

[7]) Френ, Укек, стр. 4, 9, 6.

[8]) Тизенгаузен, стр. 302.

[9]) Укек, стр. 5, сравн. и стр. 7.

[10]) Френ, Укек, стр. 7.

[11]) Ср. Кротков. «Вод. клад.». стр. 183, также Саблуков, стр. 307. Расцвет Укека с 1291 по 1375 г.г.

Саблуков [1]) считает Увек «одним из первостепенных городов Орды», «вмещавшим в себе одно из улусных управлений». Френ [2]) сообщает, что здесь «на берегу стоял прекрасный каменный замок... а к нему прилегал город»..., «что в XVI столетии, а именно в 1579 г., агент англ. торговой компании Христофор Борро видел «часть развалин цитадели и некоторые гробницы, которые, повидимому, предназначались для важных особ, так как на одной из этих гробниц» была избражена «фигура человека на лошади с луком в руках и колчаном со стрелами на боку», а на коне «гербовый щит с высеченными и частью разрушенными буквами»... Минх [3]) приводит справку, что еще в 1878 году на Увеке можно было видеть до 1000 развалин строений — «кучи от 3 до 10 саж. окружности в основании и 6 аршин высотой»; «одна куча» достигала «40 саж. окружностью и представляла правильный четырехугольник». На Увеке не один раз были произведены раскопки; о них говорилось на стр. 69 и сл.

Кроме перечисленных городов, татарскими селениями являются: место Старого Саратова (мон. пер. 1280—1366), урочище Подстепное (мон. пер. 1322—1365), Усть-Курдюм, Саратов (м. п. 1350—1366), Квасниковка [4]) (где устанавливаются следы, повидимому, мечети, облицованной изразцами), слоб. Узморье (мон. пер. 1291—1362), городище Терновское и селение у устья реки Терновки (м. пер. 1310—1406) [5]), бл. с. В. Добринки, Верх. и Нижн. Погромное, Верхне-Ахтубинское (мон. пер. 1280—1365). Далее по сырту вдоль Ахтубы встречается большое количество каменных зданий. «Они тянутся верст на 70 по гребню сырта до села Пришиба», сообщает Григорьев [6]), — «развалины сии то часты, то редки, то велики и обширны, то малы и незначительны, но везде показывают кирпич, глину и известь».

Возвращаясь вновь к приведенным данным о монетных периодах, установленных Б. В. Зайковским, необходимо отметить одну характерную черту этих данных; почти повсюду количественно преобладают монеты времени Узбека и Джанибека: в Старом Саратове их—52%, Подстепном—70%, Узморье—95%, Увеке—78%, Терновке—82%, Вод. городище—60%, Меч. гор.—80%, Верхне-Ахтубинском—75%, Сарае—62%. Это, повидимому, лучший период этих селе-

---

[1]) Стр. 318.

[2]) Укек, стр. 13.

[3]) Наб. Увек, стр. 224.

[4]) Труд. С. У. Арх. К., вып. 26, стр. 101 и сл. Кротков и Шишкин, «Городище и курганы близ села Квасниковки».

[5]) На Терновском городище встречаются и монеты до-татарскаго и после-татарскаго времени.

[6]) Местоположение, стр. 290.

ний, совпадающий с наивысшим расцветом Золотой Орды [1]), когда имели место оживленные торговые сношения с другими странами и по преимуществу строились мечети, турбы, школы, караван-сараи и т. п. Для части селений монетный период начинается ранее, с царствования Токтогу-хана (1291 — 1313), это Узморье, Терновка, Водянское городище, Н. Сарай; монеты Менгу Тимура (1267 — 1281) найдены на Увеке и Мечетном городище, монеты Туда-Менгу (1281 — 1287) на Старо-Сарат. городище и Верхнеахтубинском.

Монеты до-татарского времени найдены на Увеке (соотв. мон. пер.: II до Р. Хр.—XI по Р. Хр.), Терновском городище (II до Р. Хр.—X по Р. Хр.) и Вод. городище (III до Р. Хр.—XI по Р. Хр.); таким образом эти города были построены на месте более древних селений. После разрушений Тимура продолжают существовать Увек (найдены монеты русские XV—XVI, также XVII ст., зап.-европейские XVII ст., «мордовки» и крымские), Терновское городище (русские XV—XVI, «мордовки») и Водянское городище (русские, «мордовки», крымские, бухарские). О времени возникновения Сарая (Нового и Старого) уже говорилось; здесь повторим, что Новый Сарай был основан на месте, где ранее никакого селения не находилось и что он продолжал существовать и после разрушений Тимура. Гюлистан, о местоположении которого спорили и спорят еще ныне (Френ [2]), Саблуков, Веселовский [3]) и Трутовский), упоминается впервые в 1347 году в договоре Джанибека с венецианцами [4]); первые битые в Гюлистане монеты относятся к 1351 году [5]). Возможно ли в связи с монетными находками отождествлять Гюлистан с Верхнеахтубинским, как полагает Б. В. Зайковский, решить затрудняюсь.

К сожалению, все эти поселения пострадали не только от Тимура, но, пожалуй, еще больше оттого, что позднее, как уже говорилось, были превращены в своего рода каменоломни, место добычи кирпича. Минх в «Истор.-геогр. словаре» [6]) приводит цитату, согласно которой в 1631 году было «велено брать на Ахтубе кирпич и ханскую мечеть, и дом ханский сломать, чтобы было (для застройки Астрахани) довольно как белого камня, так и железа от Ахтубы», а в 1632 г. «велено посылать помесячно в реку Ахтубу для кирпичные и каменные ломки к астраханскому городовому делу».

---

[1]) Сравн. Hammer-Purgstall, «Geschichte», стр. 318.

[2]) «Загадочный Гюлистан Зол. Орды». Зап. В. Отд. Имп. Р. Арх. О-ва, т. XXI, в. II—III, стр. 58.

[3]) Hammer-Purgstall, «Geschichte», стр. 308, трактат, стр. 519.

[4]) Fraehn, «Die Münzen der Chane des Uluses Dschudschi's», стр. 43.

[5]) Григорьев, Местопол., стр. 274.

[6]) Стр. 1340.

Материал для сооружения Астраханского кремля брался и ранее, с 1582 г., когда стали строить кремль. О разрушении золотоордынских городов с целью добычи кирпича для астраханской городской стены, а затем церквей, монастырей и других зданий,—рассказывают Адам Олеарий (1636 г.) [1]) и Стрюйс [2]) (1669 г.). В 1860 году для саратовских мостовых было вывезено с Увека громадное количество кирпича, а также плиты с надписями: «камень ломал Маурии (владелец Увека) из древних фундаментов» [3]).

Тем не менее, остатки развалин золотоордынских городов сохранились настолько, что вполне представляется возможным дать общую характеристику нижневолжского города времени XIV столетия.

«У монгольских ханов была какая-то страсть возводить дворцы, из которых возникали потом столицы...Батый строил, по всей вероятности только дворец, оттого и столица стала называться дворцом (Сараем)»— говорит Веселовский [4]). Слова эти невольно сопоставляются с историей возникновения вообще ряда восточных городов. Наметивши постоянное место для ставки, ханы, естественно, помимо летнего шатра стали строить «зимние помещения», как говорит Эломари [5]), а лагери вокруг этих ханских зимних дворцовых строений постепенно превращались в городские кварталы с домами из камня, глины или дерева. Так на Востоке из военного лагеря возник город Каир; Бартольд [6]) считает подобное превращение лагерей (военных) в города явлением для мусульманского Востока обычным. Кстати, на берегах Волги было решительно необходимо укрываться зимою в более теплые жилища [7]). Таково возникновение городов Нового Сарая и Мечетного. Город раскидывался по вольной степи [8]) вокруг ханской ставки и, все разрастаясь, мог первоначально не иметь общих городских стен, хотя, по Пржевальскому, на Дальнем Востоке сохранились развалины городов времени Чингиз-хана именно со стенами [9]). Лишь ханский дворец обязательно имел стены, ограждающие его от остального мира. «Дворец окружают стены, башни»—говорит Эломари [10]); Леопольдов видел близ

---

[1]) Адам Олеарий, «Путешествие в Москву 1636 г.», Чтения Имп. Общ. Ист. и древн. Росс. при Моск. У-те, 1869, янв.—март, стр. 434.

[2]) Путешеств. по России голланца Стрюйса, Сборн. исслед. Астрах. края, изд. Общества Петра Великого, 1896, гл. XI.

[3]) Сарат. сборн. т. I, 1881, Минх. Наб. Увек, стр. 214: Пономарев. «На разв. Укека», Древн. и Нов. Россия, 1879, ч. V, т. I.

[4]) «Заг. Гюлистан», стр. 58.

[5]) Тизенгаузен, стр. 241.

[6]) Культ. Мус., стр. 28.

[7]) Сравн. Саблуков, Внутр. сост., стр. 29.

[8]) Сравн. громадную площадь развалин не только Сарая, но и Старого Крыма, которые «всадник на хорошем коне едва мог объехать в половину дня». Саблуков, Оч. внутр. сост., стр. 30).

[9]) Пржевальский, «Монголия», I, стр. 147.

[10]) Тизенгаузен, стр. 241.

деревни Зубовки «развалины зданий, представляющие ряд правильных укреплений с валами и бастионами: внутри находились два здания, связанные между собой переходом или аркою, одно огромнее другого, но в обоих заметна роскошь материалов» [1]). Но я допускаю существование в Сарае также и второго, б. м., вообще еще нескольких ханских дворцов, окруженных садами и только садовою оградою; о них будет речь ниже. И в Сарае были отдельные кварталы, обнесенные стенами, напр., кварталы знати и торговый [2]). У Мечетного городища, повидимому, также не было общегородских стен; стены окружали лишь самое богатое строение в этом городе, возможно дворец, как говорилось выше. Совершенно как в Балхе, имелись индийский и еврейский кварталы [3]), об «особых участках» для «купцов и чужеземцев из обоих Иранов, Египта, Сирии и других мест» в Сарае говорит Ибн-Батута [4]). На Увеке выявляется христианский квартал, судя по находимым в значительном количестве христианским древностям в районе между Исеевским бугром и вокзалом. Эти «иностранные кварталы» могли быть обнесены стенами (как говорит и Ибн-Батута). В ближайшей окрестности дворца, по Эломари [5]), находились дома «эмиров его (т.-е. хана), а на окраине города жила городская беднота». Отсюда были видны турбы и кург. насыпи [6]).

Бельджамен и Укек, значительно меньше, чем Сарай, и лежащие вблизи границы или, как Бельджамен, на важном торговом пути, естественно, имели общегородские стены. Возникшие не из военного лагеря, а на месте более древних селений, вероятно, укрепленных,—они, особенно Бельджамен, весьма ярко повторяют тип мусульманского города [7]) такого рода. На Водянском городище, как мы уже видели, безусловно возможно обнаружить: А) внутренний город (медина), состоящий из: 1) первоначального поселения (как бы шахристана) на территории сада Челюканова, которое не могло вместить базар, и 2) торгового предместья, в татарское время наиболее богатой части города Бельджамена,—здесь были базары и мечети; Б) цитадель (кухендиз)—на мысу у Водянской балки внутри стен медины; В) вместе с предместьем между стеною внутреннего города и второю стеною (араб-

---

[1]) Григорьев, Местоположение, стр. 291; сравн. Спицын, Отчет за 1893 г., стр. 89.

[2]) Сравн. план—«часть местности Царевского уезда Саратовской губернии, где находятся развалины Золотой Орды»—Григорьев, «О местоположении столицы Золотой Орды Сарая».

[3]) Бартольд, Ист.-геогр. обзор. Ирана, стр. 9.

[4]) Тизенгаузен, стр. 306.

[5]) Тизенгаузен, стр. 241.

[6]) Сравн. Мечетное городище.

[7]) Бартольд, «Культ. Мусульманства», стр. 28. Бартольд, «К истории Мерва», Зап.-вост. Отд. И. Р. Арх. О-ва, XIX, в. II—III, стр. 116; сравн. также Бартольд, Ист.-георг. обзор Ирана, стр. 8.

ским «рабадом»), окружавшею весь город, Бельджамен вполне соответствует всему арабскому «беледу»; Г) в окрестностях Бельджамена, а также Сарая [1]), наблюдаются следы отдельных групп селений («рустак»). Такие же составные части города устанавливаются для Увека, особенно если привлечь описание Борро [2]). Златоверхие дворцы, мечети, бани, караван-сараи, сады, школы, скиты, вблизи города некрополи с роскошными мавзолеями, загородные дворцы и усадьбы—все это возможно отыскать не только в описаниях татарской жизни у арабских писателей, но реально под буграми кирпича и щебня.

Воейков в 1813 году видел среди Царевских развалин «водопроводы из ближнего озера, по которым еще бежала вода чрез свинцовые и глиняные трубы, обмазанные внутри весьма крепким составом, который с трудом можно разломать железом» [3]); водопроводные трубы «под основаниями зданий и около них» были обнаружены Терещенко [4]) там же, членами Сар. Уч. Арх. Ком. в 1888 году на Водянском городище, позднее в значительном количестве на Увеке [5]). В Цареве Леопольдов [6]) видел «каменную плотину, с помощью которой спертая вода разливалась в каналы», которыми, как сообщает Терещенко [7]), «испещрена» площадь новосарайских развалин. Спицын нашел в Цареве «круглые колодцы» [8]). Вспоминая, что в начале XIX столетия еще были видны улицы [9]) и переулки, а особо строгая прямолинейная распланировка их еще ныне наблюдается на Мечетном городище [10]), мы можем лишь, вслед за арабскими писателями, удостоверить безусловную благоустроенность золотоордынских городов.

О татарском доме нам придется говорить подробнее в дальнейшем; здесь, в связи с попыткою выявить тип золотоордынского города, необходимо поставить вопрос: не были ли также в нем «жилые помещения скрыты внутри дворов, и на улицы, кроме базарных лавок, обращены

---

[1]) Григорьев, Местоположение (цитата из Леопольдова), стр. 293, также стр. 290.

[2]) Повидимому, таков же древний Булгар, сравн.: Худяков, «Развалины Великого города», «Каз. Муз. вестн.», 1921 г.,, № 1—2, стр. 78 и сл.

[3]) «Вестник Европы», 1813 г., № 13, июль, IV, смесь; сравн. раскопки на Увеке Кесслера и Гримма: «напали на водопроводную жилу; гончарные трубы были спаяны крепким известковым цементом» (Минх, Наб. Увек, стр. 225).

[4]) Отчет, стр. 90.

[5]) Минх, Наб. Увек, стр. 225; Пономарев, «На развалинах Укека», стр. 329.

[6]) Григорьев, Местоположение, стр. 291.

[7]) Стр. 101.

[8]) Отчет за 1893 г., стр. 89.

[9]) Воейков, Вест. Евр., 1813, № 13, IV, смесь; Спицын, Отчет 1893, стр. 89.

[10]) См. рисунок 33, исполненный арх. А. П. Горшениным, представляющий реконструкцию квартала с домами № 1 и № 2 Мечетного городища.

только высокие заборы», что считается типичным вообще для восточного города [1]), в частности для персидского [2]). Сохранившийся археологический материал, повидимому, не даст ответа на этот вопрос; зато не безынтересно, что еще ныне у татар Хвалынского уезда Саратовской губ., придерживающихся старины, именно таков план усадьбы (см. рис. 32).

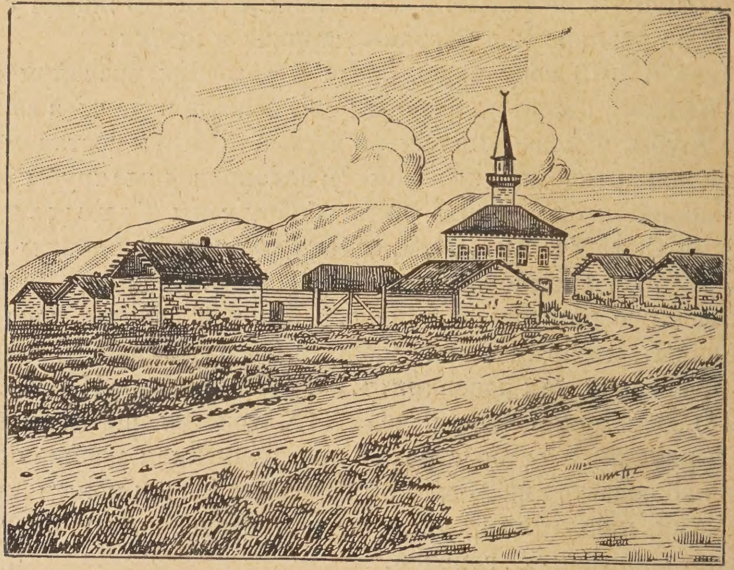


Рис. 32. Татарское село Хвалынск. у.

* * *

«Жители Кипчака, любя раздолье кочевой жизни, только на зиму укрывались в города и другие жилища», говорит Саблуков [3]),—«оттого татарин не заботился дать своему жилищу прочность, простор и красоту...». Далее он утверждает [4]), что «остатки жилищ частных жителей, разрытые в настоящее время, представляют небольшие землянки», и «среди пестроты жилищ частных лиц отличались великолепием лишь жилища ханов, его двора и высших сановников царства». Все это, кроме характеристики дворца, явно не соответствует подлинной картине золотоордынского дома и города. Правда, на площади селения около устья речки Терновки совершенно не найдено никаких следов строений, но здесь не было и

[1]) Сравн. Бартольд, Культ. Мус., стр. 26.
[2]) Franz-Pascha, Baukunst des Islam, стр. 134.
[3]) Очерк внутр. сост., стр. 29.
[4]) Там же, стр. 31.

землянок. Эломари говорит об обитателях шатров в степях [1]): возможно, что Терновка сохранила нам следы такого города, который мог, если бы оказалось необходимым, стать передвижным. Но развалины настоящих городов говорят совершенно о другом жилище золотоордынца.

Если в более древнем Старом Сарае жилые дома, быть может, действительно были невелики и отделаны просто, (?) раскопки в Новом Сарае и на Мечетном городище дали не только дома со всякими удобствами, но и мрамор, изразцы и лепные украшения.

Жилые здания в районе Селитренного городка, по Спицыну [2]), имеют не более 4-х аршин длины и ширины; дверь с западной стороны, в левом углу; пол кирпичный, иногда подбеленный; печка в правом углу, низкая [3]), с глиняной трубой; стены кирпичные, иногда сырцовые.

Рис. 33. Опыт реконструкции внешнего вида двух откопанных на Мечетном городище домов. Использован материал археологический и этнографический.

В районе Царева Терещенко [4]) откопал жилой дом в несколько комнат; в двух «комнатах стоял подле стены горшок с бараньим жиром, около валялись скорлупа от яиц куриных, кости куриные, шелуха от крупной и мелкой рыбы, мука пережженная, тростник и веревочка перегорелые, на блюде зеленого цвета—смолистое вещество, издававшее душистый запах; в углах других комнат лежала в куче писчая бумага и кувшинчик с лоскутками шелковой материи», в этих комнатах стены были покрыты изразцами, «крытыми одним золотом» или с «надписями, коих буквы были вели-

---

1) Тизенгаузен, стр. 230.

2) Явно «кан».

3) Стр. 91.

4) Отчет за 1893 г., стр. 85.

чиною до 7 вершков». Я нарочно привел дословное описание дома Терещенко: не с дворцом, конечно, мы в данном случае имеем дело, так как здесь видимо плелась корзина, жил человек торговый, повидимому, грамотный, быть может, ученый.

Откопанные мною на Мечетном городище два дома (см. реконструкцию на рис. 33, а также текст на стр. 28 и сл.) меньше Царевского, но были отделаны лучше описанных Спицыным.

Несколько жилых зданий (в две и даже 3 комнаты) были откопаны Городцовым в Маджарах [1]). Бо́льшее из них (пл. 23¼ арш. 11 ½ арш.) с саманными стенами имело во всех 3 своих комнатах глинобитные тахты для спанья и скамейки (см. рис. 34); здесь были обнаружены кусочки голубых изразцов.

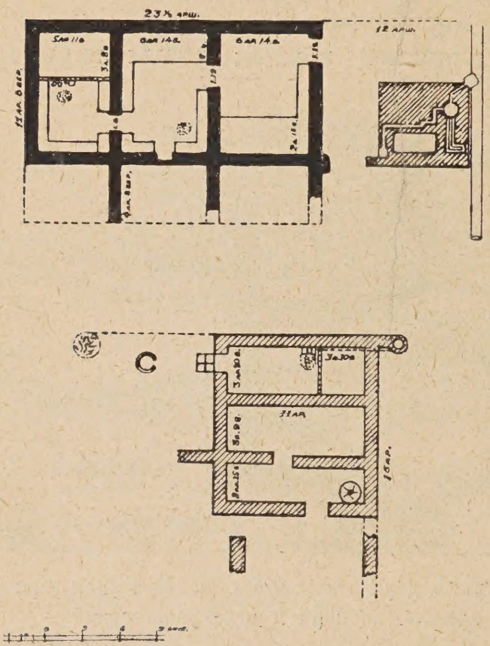


Рис. 34. Раскопки В. А. Городцова в Маджарах.

С юга здание имело «веранду». Относится оно, повидимому, к XIV столетию [2]).

Краснодубровский обнаружил на Увеке [3]) даже «остатки двухэтажного здания, занимавшего площадь до 50 кв. саженей и включавшего в себя несколько круглых и несколько квадратных зал». В Саратовском Археологическом Музее хранится часть богатой мозаики стен этого строения. Таким образом, Саблуков безусловно неправ, утверждая, что не должно «воображением возводить на сохранившихся основаниях больших зданий—многонадставных» [4]). И такие строения, не только большие и просторные, могли быть в золотоордынских городах.

Дворцы татарских ханов, повидимому, были отделаны особо роскошно. Эломари [5]), как сообщалось, говорит о «большом дворце, на верхушке которого находилось золотое новолуние». Ибн-Батута называет сарайский дворец златоглавым [6]).

---

[1]) Труды XIV Арх. Съезда, т. III. Результаты археол. исследований на месте развалин г. Маджар в 1907 году, стр. 199.

[2]) Там же, стр. 164.

[3]) Отчет. Имп. Арх. Ком. за 1891 г., стр. 100.

[4]) Очерк. внутр. сост., стр. 31.

[5]) Тизенгаузен, стр. 241.

[6]) Тизенгаузен, стр. 306.

Повидимому, сравнительно хорошо сохранившиеся развалины дворца видел в районе Царева еще Леопольдов [1]). «На возвышенной, к Ахтубе почти утесистой долине находился огромный дворец», говорит он: «Посреди двора, каждая сторона которого простиралась на 80 саж., стояло главное здание, имевшее 50 саж. протяжения во всех направлениях; с трех сторон окружали дворец побочные здания; с лицевой находились ворота, тонкая стена и галлерея на столбах; позади, саженях в 200, заметны остатки нескольких строений, составлявших дворцовые службы».

Около деревни Колобовщины Терещенко [2]) видел холм строительного мусора до 15 саж. высоты и 100 саж. окружностью, окруженный рвом; «сторожилы рассказывают», говорит он,—«что они видели тут стены, столь широкие, что по ним можно было разъезжать тройкою, и что на западном углу стояла башня».

У Леопольдова [3]) имеется, как мы видели описание еще другого дворца («квадратного каменного дома о 20 саженях с каждой стороны с пристройками»); этот дворец окружает сад; «канава обходит вокруг главного здания», «по углам и вблизи вырыты глубокие водоемы». Терещенко находил большое количество изразцов, обломки колонн, «расцвеченных голубою, палевою и темнокоричневою мозаикой, карнизы, камни из породы гранита, мрамор, зеленоватый, с крапинками, красный, синеватый, бело-серый и белый» [4]). Также Леопольдов [5]) перечисляет найденные в Цареве: «мраморные колонны, карнизы, балюстрады, косяки с разными вырезами, плиты полумраморные, которыми выстилались полы в домах, изразцы, выпуклые, гладкие, разноцветные, вроде мозаики, хотя и крупной, карнизы алебастровые, отделанные под мрамор...» Саблуков, повторяя то же, знает и «частую позолоту» [6]), а в садах «фонтаны» [7]).

Спицын [8]) сообщает, что и в селе Селитренном находят комнаты, выложенные внутри изразцами; а в одном доме «в три комнаты—одна была изразцовая, а другая штукатуренная и расписанная разными затейливыми узорами». Терещенко видел в Цареве [9]) штукатурку с надписями. У Ибн-Батуты [10]) сохранилось описание дворца сына тетки Узбека в Харезме: «Мы вошли в обширную приемную», говорит он,—

---

[1]) Григорьев, Местоположение, стр. 291.

[2]) Журн. Мин. Внутр. Дел., 1847 г., часть 19, Четырехлетние археологические поиски на развалинах Сарая, стр. 353.

[3]) Григорьев, Местоположение, стр. 290,

[4]) Стр. 90.

[5]) Григорьев, Местоположение, стр. 292.

[6]) Очерк внутр. сост., стр. 31.

[7]) Там же, стр. 32.

[8]) Отчет 1893, стр. 86.

[9]) Отчет, стр. 91.

[10]) Тизенгаузен, стр. 311.

«потом в малую приемную с деревянным разукрашенным куполом, в которой стены обиты разноцветным сукном, а потолок раззолоченным шелком».

Можно себе представить, какою чисто восточною прелестью и пестротою блистали дворцы и вообще более крупные и богатые золотоордынские строения, в том числе мечети. Слова татарского поэта, приведенные мною в начале, право, могли бы быть применимы к роскошным дворцам и садам особенно Нового Сарая.

Найденные Терещенко [1]) «щеколды медные от дверей, состоящие из кружка с ручкою и обруча в виде змеи», также «петли дверные, болты и засовы» показывают, что все эти строения имели и прочные двери. Городцов в одном доме в Маджарах, имевшем обычную тахту, обнаружил посредине кирпичного пола мозаичную звезду с отверстием посредине в поглощающий колодезь [2]). В Водянском городище была откопана Ширинским-Шихматовым «кирпичная баня» с кирпичной стеной, на бутовом фундаменте, образующем внутри здания скамейку; стены этого здания были выложены мозаикой [3]), пол был кирпичный с мозаичной звездою посредине [4]). Спицыным был откопан на Селитр. городке каменный погреб (5 арш. 9 в. длины, 4 арш. 8 в. ширины) с 3 кирпичными закромами [5]). Терещенко нашел на полу такого «подвала»: «парчу, корзины плетеные... масло в кувшинах, орешки, печеные из пшеничной муки, и хлеб в кусках» [6]). В подвал, откопанный Спицыным, вела винтообразная лестница.

Откопанные на Увеке горны (мною в 1919 году и ранее другими) первые для обжига изразцов, вторые, в 1890 году, очевидно,—металлургические печи, такие же горны, откопанные Терещенко [7]), караван-сарай Мечетного городища, описанный Палласом [8]) и столь хорошо сопоставляемый с откопанными Терещенко в развалинах Н. Сарая грудами товаров [9]): все это дополняет картину жизни в золотоордынском городе, свидетельствуя и о стремлении к удобству жилья, культуре, и о развитой промышленности и торговле, сложной архитектуре.

---

[1]) Стр. 97, 92.

[2]) Стр. 182.

[3]) Мозаичный бордюр этой «бани» в точности повторяет мотивы мозаичной панели из гробницы XIII—XIV века в Туркестане. Ежегодник, 1910 г. О-ва архитекторов-художников, стр. 71.

[4]) Труды С. У. А. К., вып. 32, стр. 148.

[5]) Спицын, Отчет 1893, стр. 86.

[6]) Стр. 91.

[7]) Стр. 91.

[8]) «Путешеств. по разн. пров.», стр. 205.

[9]) Сравн. также Труды Сар. Уч. Арх. Ком., т. II, вып. I, стр. 170; то же: Отчет, стр. 92—93.

Места татарских погребений в языческое время оставались тайными, об этом сообщает Рубрук [1]); но уже Плано Карпини [2]) знает о «кладбищах, на которых хоронят ханов, князей и всех вельмож, и где бы они ни умерли, их приносят туда»... По принятии мусульманства, татарские ханы нередко сооружали над такими тайными погребениями своих языческих предков роскошные мавзолеи [3]). Испанский посол Клавихо описывает надгробную «мечеть» Тимура [4]): это «четырехугольное здание, очень высокое, расписанное внутри и снаружи золотом и лазурью и отделанное изразцами и стеклом»; вокруг мечети был большой двор с деревьями и водоемами». Сохранившиеся самаркандские мавзолеи, изданные Sarre, Persische Baukunst, стр. 149, табл. 114, вполне соответствуют этой картине [5]). Спицын откопал склеп XIV в. на Шаренных буграх близ Астрахани [6]); это квадратное кирпичное сооружение площадью 3 арш. 10 в. на 3 арш. 10 в.; в верхней части углов сохранились сводчатые выступы; вход с восточной стороны был увенчан круглою аркою. В 1920 году мною, как говорилось, было откопано на некрополе Мечетного городища надмогильное строение, стены которого, повидимому, частично были оштукатурены, частично украшены изразцами. Около южной стены, посредине, был обнаружен семейный склеп (для 2 гробов); пять меньших ям (для детских погребений) оказались около восточной стены.

Терещенко [7]) откопал склеп (с дубовым гробом), надземное помещение над которым было богато разукрашено: пол устлан голубыми изразцами, стены покрыты «мозаикой и позолотой». Были найдены изразцы с арабскими надписями, 4 медн. подсвечника и два крючка от висячей лампы. В Селитренном городке видел Паллас [8]) турбу (пл. $12 \times 9^1/_2$ саж.) из 2 комнат, из которых в одной были гробы, а другая, сводчатая, оказалась пустой—она была украшена «столбами и пилястрами; стены турбы снаружи были покрыты изразцами». Турба, откопанная в 1913 году на Увеке (пл. 6×10 саж.), также состояла из двух комнат с двумя входами с севера и юга (см. рис. 32); в ней было обнаружено 7 погребений, о четырех из которых говорили кирпичные площадки на полу комнат. Стены тюрбы (от $2^1/_2$ до 6 арш. толщиною) были сложены из кирпича с поливною боковою гранью во-внутрь здания. Сна-

---

[1]) Стр. 80.

[2]) Стр. 11.

[3]) Бартольд, «Погреб. Тимура», стр. 3. (Зап.-вост. отд. И. Р. Археолог. О-ва, т. XXIII, в. I—II).

[4]) «Бартольд», Погреб. Тимура, стр. 16 и 5.

[5]) Отчет 1893, стр. 79.

[6]) Сравн. также Ежегодник О-ва архитекторов-художников, 1913, стр. 202 и сл., 1910, стр. 68; «Достоевский, Старина и были Ср. Азии», стр. 53 и след.

[7]) Стр. 94.

[8]) Григорьев, Местоп., стр. 288.

ружи здание, повидимому, частично было украшено поливными же кирпичами [1]). Материалы, собранные на Увеке мною и Шишкиным, а в Маджарах—В. А. Городцовым, дают любопытное разнообразие конструкций склепов более простого типа; останавливаться на них более подробно считаю излишним, прилагаю чертежи (см. рис. 36). В Приволжьи татарские некрополи расположены вблизи городов; на Увеке—в непосредственном соприкосновении с фабрично-заводскими и беднейшими кварталами; в Ст. Сарае даже вблизи дворцов, на Мечетном городище—в одной версте от города.

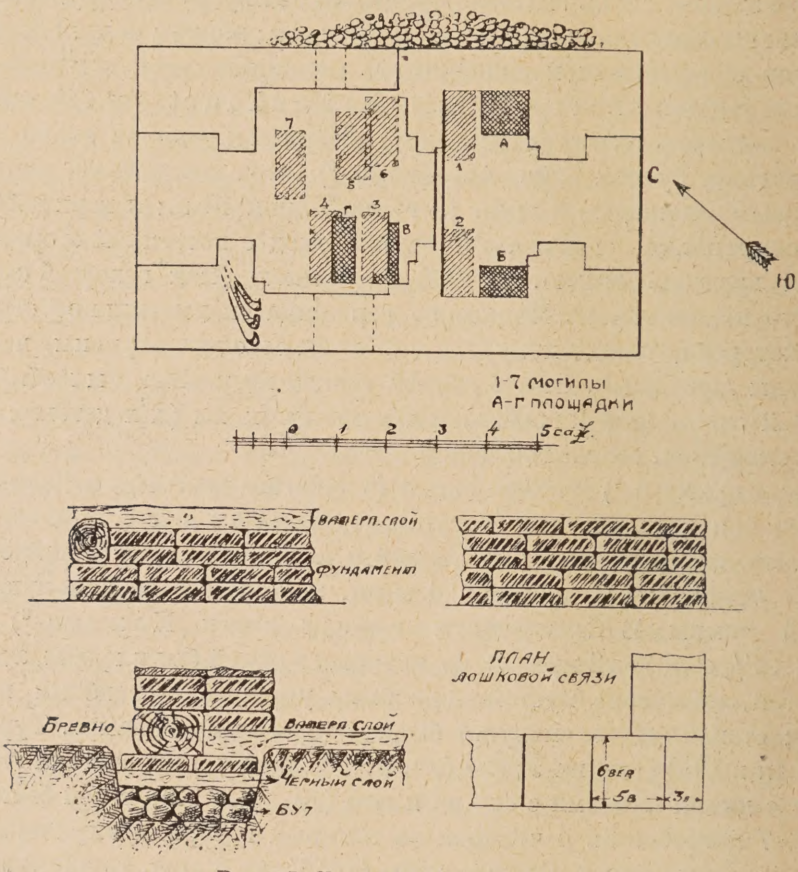


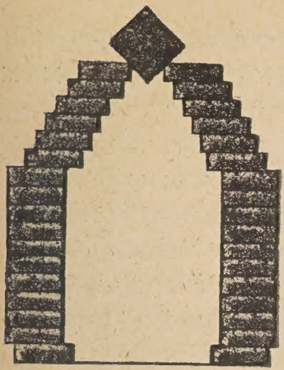
Рис. 35. Увек. Раскопки 1913 г.

Строения в золотоордынских городах были каменные и деревянные. Деревянный дом, как уже говорилось, был откопан мною на Мечетном городище; «деревянные срубы» были найдены Спициным на Маячном бугре [2]); доски, столбы и бревно «до трех саженей длины» были

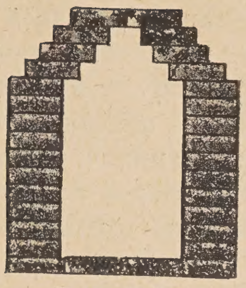
---

[1]) Труды, вып. 32, стр. 114.

[2]) Отчет, 1893, стр. 84.

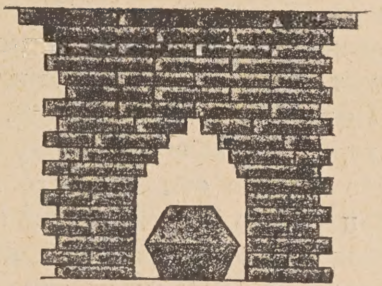


Увек. 1919 г.

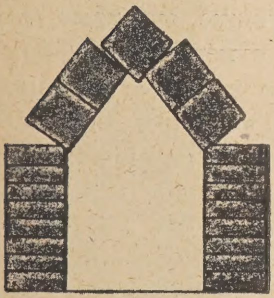


Увек. 1913 г.

Увек. 1913.



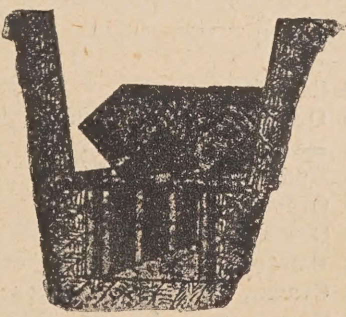
Маджары.



Увек. 1913.

Маджары.

Увек. 1913.



Маджары.

Рис. 36. Типы склепов.

откопаны Терещенко [1]). Кирпичи золотоордынские, обожженные и сырцовые, квадратные (в большинстве $6 \times 6 \times 1^1/_2$ в. или $5 \times 5 \times 1$ в.), иногда с поливой на одной боковой грани; кирпичи, из которых были сложены 20 вершковые стены колодца в Цареве, обследованного Спицыным [2]), оказались специально выделанными для круглой кладки. Кирпич иногда заменялся саманом (преимущественно $7 \times 7 \times 2$ в. или $5 \times 5 \times 2$ в.). И кирпич, и саман встречаются также половинчатые. Реже наблюдалась кладка из обтесанного плитняка. Пономарев [3]) видел «плитняк в форме параллелепипедов и кубов величиной до 1 куб. аршина» на Увеке: «один плитняк», говорит он, «имел гладкую поверхность, другие были украшены вырезными полосками, сходящимися в форме треугольников и трапеций, а также звездочками и кружочками». Такие плитняки из Наравчата Пензенской губернии (с городища на реке Мокше) хранятся ныне в Сарат. Археологическом музее (см. табл. 27). Минх отмечает на Увеке [4]) фундамент из тесанного камня. Обычно, однако, фундаментом служил бут, напр., в турбе, откопанный мною на Мечетном городище, залитый сверху саманно-известковым раствором.

Но должно отметить, что жилые здания строились также вовсе без фундамента на площадке с саманной заливкой, напр., на Мечетном городище, реже на площадке из кирпичного бута с надстилкой из дикого камня [5]). Спицын [6]) отмечает, что фундаменты зданий в Цареве сложены «из крупного песчаникового камня и залиты столь затвердевшей известкой, что ее почти ничем нельзя разбить». Татарский цемент (из песка с небольшой примесью извести [7]), а также, очевидно, самана в жидком виде) вообще необычайно крепок; это отмечалось не один раз [8]).

Кладка стен из кирпича, изученная мною в турбе некрополя Мечетного городища, такова: над бутовым фундаментом из известняка, на заливной площадке, построены стены в шесть кирпичей толщиной; кладки чередуются таким образом: через кладку один цельный кирпич заменяется двумя половинчатыми. Кладка турбы на Увеке, откопанной Шишкиным, любопытна тем, что она дублирует одинаковые ряды кирпича, а кроме того два нижних ряда кирпича, снаружи, заменены бревном [9]), скрепляющим кладку. Спицын откопал в районе Селитренного городка кирпичные и саманные стены, «сложенные попеременно из целого и половинчатого кирпича» [10]).

---

[1]) Стр. 89.
[2]) Отчет 1893, стр. 89.
[3]) На раз. гор. Увека, Др. и Н. Россия, 1879, ч. V, т. I.
[4]) Наб. Увек, стр. 214.
[5]) Отчет 1893, стр. 89.
[6]) Отчет Имп. Арх. Ком. за 1891 г., стр. 100.
[7]) Спицын, Отчет 1893, стр. 78.
[8]) Сравн., кроме Спицына, Григорьев, Местополож., стр. 299 и др.
[9]) Труды, вып. 32, стр. 113.
[10]) Отчет. за 1892 г., стр. 85.

Быть может, стоит обратить внимание на акварель [1]) из манускрипта «Бабернамэ» XVI века (из собрания Щукина), свидетельствующую, что кладка, описанная мною для турбы Мечетного городища, считалась обычною для персидской архитектуры.

Совершенно особняком стоит кладка в виде двух отдельных параллельных стен (в один саман), с внутренней засыпкой; дом с такими стенами был, как мы видели, откопан в 1919 году на Увеке Б. В. Зайковским.

Знакомясь с плитняком из Наровчат, судя по монетным находкам, относящимся ко времени Узбека или Джанибека, необходимо установить две группы его: глыбы в виде параллелопипедов, с лица украшенные рельефным орнаментом в виде арабесок, явно образовали полосы, украшавшие стены строения снаружи. Тщательно

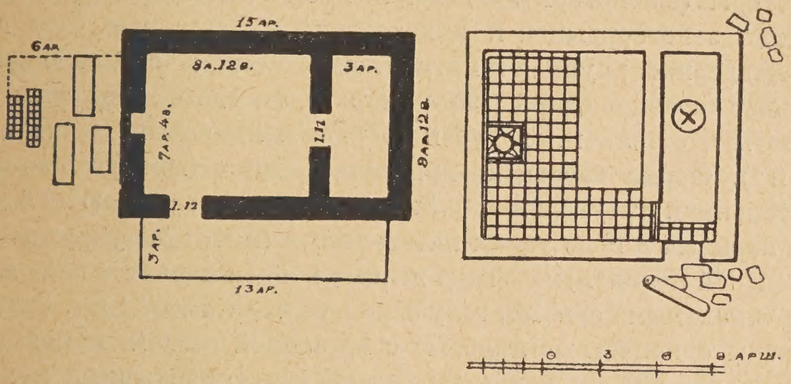


Рис. 37. Раскопки В. А. Городцова в Маджарах. Здание вблизи погребений.

обтесаны лишь те стороны глыб, которые или покоились на других глыбах или же должны были служить основанием для следующей кладки. Сторона, противоположная лицевой, обтесана лишь грубо и явно обнаруживает следы покрывавшей ее штукатурки. Карниз (оттуда же) украшен, кроме сплетения арабесок снизу, глубокими призматическими врезами, напоминающими строение сталактитов.

Меловые плитки, откопанные мною на Увеке в строении рядом с семейным погребением (по плану весьма напоминающим откопанное в таком же соседстве [2]) строение в Маджарах — см. рис. 37), — явно образовывали обрамление ниши. Плитки эти украшены белыми рельефными растительными мотивами (на окрашенном в красный цвет фоне) и более темно-красною каймой. Мотивы образуют, пожалуй, не менее сложное сплетение, чем оно наблюдалось на предыдущем памятнике (плитняке); орнамент, повидимому, характерен для времени расцвета Золотой Орды, ибо встречается на ювелирных изделиях и в более грубом виде на монетах времени Узбека. Не безынтересно сопоставить эти

[1]) Сравн. «Золотое Руно», 1908, № 3—4.

[2]) Городцов, «Результаты», стр. 194.

плитки с рассказом Минха[1]) и Пономарева[2]), что на Увеке было найдено «несколько камней с пробитыми в них нишими».

В 1910 году Зайковский видел во дворе двухклассного Царевского училища глиняную обожженную капитель, покрытую зеленой поливой (см. табл. 28, рис. 1). Это верхний барабан колонны, который увенчан двумя параллелепипедами с квадратными основаниями, соединенными выкружкою, окаймленною полукруглыми валами. На выкружке—вертикально-желобчатые украшения, отдаленно напоминающие листья.

Изразцами покрывались стены золотоордынских строений (и снаружи и внутри), а также полы[3]); покрывались поверхности не только прямые, но и выгнутые и вогнутые, что наблюдалось и Дудиным в Самарканде[4]). Дудин[5]) подразделяет изразцы Самарканда на три типа, которые (с некоторым видоизменением и дополнением) установимы также для золотоордынской архитектуры. У изразцов первого типа бывает поддержка хрупкая и мягкая, светло-серая с большою примесью песка; цвет изразцов синий (ультрамарин), иногда с лиловатым, иногда зеленоватым оттенком, голубой (бирюзовый), белый, реже палевый и серый[6]). Форма изразцов—прямоугольный четырехугольник, реже равносторонний треугольник или восьмиугольник; мною найдены на Увеке карнизы в виде узких пятигранных (почти полукруглых) брусков с зеленой поливой; на Увеке же был найден карниз в виде выкружки с вертикальными синими, голубыми и белыми полосками. Встречаются изразцы одноцветные лиловые с врезанной сеткой, напоминающей потрескавшуюся поливу, как бы разбивающую изразец на мелкие кусочки, вроде мозаики. Иногда под прозрачною стекловидною глазурью предварительно написан рисунок в виде креста или розетки синего цвета при светло-зеленом или белом фоне; реже рисунок состоит из пятен и зигзагов зеленых и синих при белом фоне. Встречаются плитки с рельефным орнаментом: ленточным — белым в виде 6-конечной звезды при зеленовато-голубом фоне, белыми или коричневыми разводами из растительных мотивов при зеленом, голубом или лиловато-синем фоне. На Мечетном городище нами был найден рельефный орнамент синий (при белом фоне без всякой поливы) в виде стилизованной птицы между двумя стилизованными же ветками[7]). На Увеке были найдены квадратные плитки с почти натуралистически исполненными цветочками на голу-

---

[1]) Наб. Увек, стр. 224.

[2]) «На разв. Увека», стр. 328.

[3]) Терещенко, стр. 90.

[4]) См. выше, сравн. Дудин. Сам. меч., стр. 88 и 65.

[5]) Дудин, «Орнамент. и совр. сост. Самарк, мечетей». Изв. Имп. Археол. Ком., вып. 7, стр. 49, 57.

[6]) Сравн. также Терещенко, стр. 90.

[7]) Любопытно, что тип синей стилизованной птицы на белом фоне в точности повторяется на керамике. Сравн. Bock, «Poteries vernissées», стр. 41.

бом фоне, усеянном черными, желтовато-белыми и красными (кирпичн. цвета) пятнами (см. табл. 31). Терещенко [1]) находил изразцы с «изображениями разноцветными и цветами, как-то: лилиями, тюльпанами, незабудками, звездочками, кружочками», кроме того с письменами. «На одном, беловатом»,—рассказывает он,—«разбитом на четверо, находилась посредине лилия, а по краям персидские стихи». Терещенко же [2]) рассказывает, что в верхнем ярусе храма в Дубовке находились татарские «изразцы в своде с изображением человеческих лиц, но они заштукатурены суеверами, принимавшими изображения за нечестивого Мамая» [3]). На Бельджамене же были найдены два изразца с рельефным изображением, повидимому, льва [4]); один хранился в коллекции Сапожникова во Владимировке, другой в Народном дворце в Саратове. Осенью 1895 года на Увеке [5]), при раскопке древнего здания, нашли стену, выложенную восьмиугольными изразцами из бело-серой же массы и с белой поливой, украшенными инкрустированными бронзовыми звездами и розетками (см. табл. 29, рис. 1 и 2). В Радищевском музее в Саратове хранится облицовочная плитка из Царева (повидимому, в 5×5 в.) с белозеленым растительным узором на синем фоне (см. табл. 32). Наконец, к этому же типу изразцов принадлежит восьмиконечная звезда (ныне в Эрмитаже) из Сарая с зеленой звездой посредине кружка на синем фоне двух переплетенных квадратов с желтыми с красной каймой обрамлениями, а также синее обрамление ниши с черным рисунком птицы и растительных мотивов с Мечетного городища.

Второй тип, по Дудину, отличается от первого тем, что часть рисунка (а иногда весь) нанесен на обожженный уже фон; глазури более мутные, краски не так чисты и прозрачны. Дудин отмечает «красный контур и белые места орнамента». Золотоордынские изразцы этого типа чаще всего с фоном темносиним с лиловатым оттенком, прямоугольные и в виде звезды (см. табл. 29, рис. 4). Узоры (звезда, растительные мотивы)—белые, красные; встречаются голубые цветы и зеленые листья на белом фоне; часта позолота. Но встречаются, хотя редко, и расписные изразцы этого типа, выдержанные в исключительно светлых тонах: с яркокрасными (кирпичными) цветочками и ярко-зелеными листьями на белом фоне (см. табл. 30).

Не упоминает Дудин разновидность изразцов первого и второго типа: изразцы из такой же хрупкой и мягкой массы, но с красноватым оттенком, как бы от подмешанной кирпичной пыли (или глины?);

---

[1]) Стр. 90.

[2]) Ж. М. Вн. Дел., стр. 18.

[3]) В связи с сим не безынтересно, что в Сарат. Археолог. Музее хранится татарский грушевидный сосуд, украшенный полосой из человеческих масок.

[4]) Сравн. Sarre. «Denkmäler», табл. 11.

[5]) Саратовский Листок, 1895, № 206, 220.

мною на Увеке было откопано несколько таких изразцов с темно-синей поливой.

Третий тип Дудина—это грубые майолики; «подслой желтый или красный, содержит много глины». Мне кажется более целесообразным этот тип отождествить с поливными кирпичами, узорчатыми и без узора. Шишкин при раскопках в 1913 году на Увеке обнаружил: обыкновенные кирпичи, с одною боковою поливною плоскостью [1]), кирпичи без поливы с рельефным сердцевидным узором, окружающим трилистник, и кирпичи с поливною лицевою поверхностью с рельефным узором в роде меандра или четырехлистной розетки. На Мечетном городище в 1920 году, среди развалин турбы, я нашел зеленоватый поливной кирпич с лепною рельефною каймой из ряда овальных углублений; на Увеке, при раскопке горна в 1919 году, были найдены, повидимому, квадратные (5×5 в.) облицовочные плиты из массы с преобладающею глиною и с орнаментом в виде лепной криволинейной полоски и с более плоским и нежным рельефом более светлых серо-белых листочков (см. табл. 22); найдены были такие же плиты с лепным рисунком аканфа (см. табл. 20, рис. 3). В коллекции Сапожникова в слоб. Владимировке хранился кирпичный карниз с белыми поливными арабесками на красном кирпичном фоне, покрытом мелкими бугорками (см. табл. 29, рис. 3). Кирпичи с голубою поливою с городища Бельджамена имели меньшую исподку и желобчатые углубления или втулки в боковых наклонных гранях, чем достигалась бо́льшая прочность облицовки, т. к. цемент, попадая в углубления в гранях кирпича, затвердевали, образовывая прекрасные скрепы.

Широко пользовались золоордынские архитекторы мозаикой, которой внутри дома [2]) или сплошь покрывались стены, или украшались бордюрами [3]), иногда широкими в виде панели [4]). Повидимому, в общем, в золотоордынских городах повторяется то, что Дудин имел возможность наблюдать в Самаркандских мечетях: здесь (мозаиками) покрывали стены сплошь, обрамляя или разделяя площади, занятые ими, кладкой из правильно и хорошо обожженных кирпичей (или известковых или мраморных плиток [5]); иногда мозаики сменялись майоликами» [6]). Саблуков перечисляет мозаику из кусочков изразцов «зеленых, желтых, синих, красных, белых, золоченных» [7]); встречаются в большом числе голубые, редко черные кусочки. Техника выполнения мозаики Саблуковым, повидимому, описывается не совсем пра-

---

[1]) Труды, вып. 32, стр. 114

[2]) Саблуков, «Очерк. внутр. сост.», стр. 34.

[3]) Щеглов, Труды, вып. 32, стр. 148.

[4]) Сравн. также: Дудин «Сам. мечети», стр. 52.

[5]) Мраморные плитки найдены на Увеке и Мечетном городище.

[6]) Сам. меч., стр. 56.

[7]) Стр. 33.

вильно. Дудин [1]) полагает, что сперва приготовлялись плоские изразцовые плитки (нашего первого типа), толщиной около 15 м.м., из которых уже выпиливались отдельные элементы орнамента, расчлененного предварительно на простейшие составные части. Получившиеся изразцовые кусочки притачивались подпилками; а вообще же выпиливание и опиливание велось так, чтобы исподка была по площади меньше поливной поверхности. Выпиленные кусочки собирались на гладких досках лицом вниз, более или менее значительными кусками, и заливались (предварительно смоченные и заключенные в рамки) слоем белого гипса. Залитые в гипс куски мозаики затем прикреплялись на стенах более грубым гипсом. Дудин [2]) убедился, что в Самарканде использовались изразцы синие (ультрамарин)—для мозаики фона, бирюзовые—для стеблей и листьев орнамента, реже для фона, белые—для цветков, розеток и каемок, зеленые—для фонов и мелких вставок в розетки, желтые (которые покрывались позолотою) для каемок цветов, листьев и надписей, черные—для фонов и вставок. Совершенно такое же распределение тонов наблюдается и в мозаиках в приволжских городах Золотой Орды, равно как описанная Дудиным техника приготовления мозаики совершенно соответствует тому, что получается при изучении нашего музейного материала.

Таким образом, нам безусловно приходится устанавливать связь между искусством среднеазиатским и нашим приволжским времени существования Золотой Орды. Но, естественно, этим не ограничивались взаимоотношения искусства золотоордынского, приволжского, с памятниками искусства других стран и народов [3]).

«Одно из основных свойств татарского искусства в Крыму: его чрезвычайный эклектизм, смесь самых разнообразных влияний и наслоений», говорит Гинзбург [4]): «связанный своим портами со всеми очагами мировой культуры... татарский художник мог выбирать все, что угодно», но «понятно, менее всего принимал готовую формулу»... И то же нам придется утверждать относительно приволжских художников Золотой Орды, в связи с чем не лишне напомнить, что напр., керамика крымская в точности соответствует керамике золотоордынской [5]). «Завоевания Чингиз-хана и Чингизидов сблизили между собою окраины Азии; орды аланов и кипчакские воевали в Тонкине, а китайские инженеры работали на берегах Тигра». Поляков [6]), которому принадлежат эти слова, с успехом мог бы расширить рамки указанного сближения

---

[1]) Стр. 50, 53.

[2]) Стр. 55.

[3]) Сравн. Hammer-Purgstall, стр. 210.

[4]) Тат. искусство, Среди коллекционеров, 1921, № 11—12, стр. 29 и сл.

[5]) Wl. de Bock, Poteries vernissées du Caucase et da la Crimée. Paris, 1897, стр. 12, сравн. рисунки на стр. 34, 35, 36, 37, 38, 41 и 46.

[6]) Ислам среди тюрков, стр. 553.

окраин государства Чингизидов включением также Приволжья. И особенно мусульманские торговцы, в руках которых преимущественно были сосредоточены коммерческие нити Востока в XIII и XIV веках, углубляли эти взаимоотношения разных стран, не говоря уже о купцах русских, греческих, индийских, еврейских, генуэзских, венецианских и других [1]). «Из Китая и других восточных стран», рассказывает Рубрук [2]), а «также из Персии и южных стран доставляют татарам шелковые ткани и парчу, а также материи из хлопчатой бумаги». Хану Берке посылаются из Египта в 1262 году «священное писание в обложке из красного шитого золотом атласа, аналой из слоновой кости... франкские шлемы... венец, фонари» [3]); «кипа одежды (александрийской) и золотых [4]) украшений, цыновки..., утварь» в 1263 году; в 1282 г. вновь посылаются подарки хану—всего «16 тюков» [5]); в 1265 [6]) и в 1283 годах [7]) прибывают в Египет татарские посольства. Султан Бибарс строит в Крыму мечеть и каравансарай [8]) из белого мрамора и порфира. В 1287, кроме подарков для хана, султан Эльмелик-Эльмансур [9]) отправляет множество разных припасов для мечети, которая строилась в Крыму...; был «также послан..... каменщик-каменосек для иссечения на этой мечети султанских титулов; посланы были с послами краски...». Султан Эльмелик-Эннасыр женится на дочери хана Узбека [10]). Ибн-Батута говорит, что старшей хатуни Тайтугле «читался коран на египетский лад» [11]). Не менее оживленные сношения были у Золотой Орды с Византией; супруга Узбека—«Баялунь, дочь владыки Константинополя Великого» [12]); в Орду приезжают посольства из Византии [13]); в Сурдаке (Судаке) «живут византийцы, которые занимаются ремеслом» [14]); и вполне понятно, что для крымского искусства, кроме арабо-персидских влияний, Гинзбург [15]) и Гернгросс [16]) устанавливают сильное византийское влияние.

---

[1]) Саблуков, Внутр. сост., стр. 26.

[2]) Стр. 76.

[3]) Ибнабдозахыр, Тизенгаузен, стр. 60, сравн. Тизенгаузен, стр. 101, Летопись Рукнеддина Байбарса.

[4]) Эльмуфаддаль, Тизенгаузен, стр. 189.

[5]) «Биогр. султана Эльмелика-Эльмансура Калавуна», Тизенгаузен, стр. 67.

[6]) Эннувейри, Тизенгаузен, стр. 165.

[7]) «Биогр. Калавуна», Тизенгаузен, стр. 68.

[8]) Hammer-Purgstall, стр. 254.

[9]) Ибнэльфорат, Тизенгаузен, стр. 362, Сравн. Ибн-Батута, стр. 281.

[10]) «Летопись Эддзехеби», Тизенгаузен, стр. 206, Летопись Ибндукмана, стр. 329; Эннувейри, стр. 167.

[11]) Тизенгаузен, стр. 293.

[12]) Ибн-Батута, Тизенгаузен, стр. 294.

[13]) Ибнабдэззахыр, Тизенгаузен, стр. 56.

[14]) Ибн-Батута, Тизенгаузен, стр. 303.

[15]) «Среди Коллекц.», стр. 20 (1922, № 1).

[16]) Гернгросс, стр. 4.

В орде Ибн-Батута увидел «еврея из земли Андалузской» [1]), т.-е. из Испании, что особенно любопытно в связи с характерными чертами орнамента некоторых памятников испано-мавританской керамики [2]). Еврейские ремесленники работали в городах всего татарского государства [3]) уже в XIII столетии. Велись оживленные торговые сношения с венецианцами, о чем свидетельствуют сохранившиеся тексты торговых договоров [4]).

Остается напомнить генуэзские колонии на Крымском побережье, Кафу [5]); «города Кафа и Азов», говорит Саблуков [6]),—«сделались с половины XIII столетия двумя главными складочными местами, в которых товары Азии принимались в Европу, а европейские—в Азию; в городах Орды (Сарае, Астрахани и Булгаре) жили армяне, евреи, греки, генуэзцы или приезжали туда для торга; русские купцы спускались на судах по Волге в города татарские» [7]). Находимые в Цареве [8]) и на Увеке [9]) в значительном количестве нательные крестики, иконки, крестики и наперстные кресты, факт существования сарайской епархии с 1261 г. [10]), находки среди золотоордынских развалин вообще русских древностей (напр. печати князя Михаила на Увеке) и пребывание при ханском дворце ювелира Козьмы: все это показатели того, что существовали не только административные общения русских с татарами. Купцы татарские жили в Москве, Рязани, Твери, Владимире и других городах Руси [11]). Они, повидимому, вместе с Козьмой и другими содействовали, напр, проникновению русской скани в золотоордынское ювелирное искусство и заимствованию русскими мастерами зеленой и синей ценины от татар [12]).

Но, естественно, наиболее тесные взаимоотношения были первоначально с Китаем [13]), а особенно с Ираном и Среднею Азией. Персия сама была не чужда китайских влияний и это понятно, ибо в эпоху татарского владычества существовали оживленные сношения между татарскими

---

[1]) Тизенгаузен, стр. 288.

[2]) «Старые годы», май 1914, Кубе, Испано-мавританские фаянсы Имп. Эрмитажа, стр. 3 и сл., таблицы.

[3]) Поляков, «Ислам, среди тюрков», стр. 547.

[4]) Hammer-Purgstall, «Geschichte d. G. Horde», стр. 254, 337, 517, 519.

[5]) Ибнэльфорат, Тизенгаузен. стр. 364; сравн. Hammer-Purgstall, Geschichte, стр. 254, 337.

[6]) Очерк, стр. 25.

[7]) Сравн. Ибнабдэззахыр, Тизенгаузен, стр. 63.

[8]) Терещенко, стр. 98.

[9]) Ныне в Сар. Археологическом музее.

[10]) Саблуков, Очерки, стр. 51.

[11]) Саблуков, Очерк, стр. 26.

[12]) Кондаков, История и памятники визант. эмали, стр. 363.

[13]) Известия О-ва Арх., Ист. и Этногр., XXX, в. 1, стр. 117, Худяков, «Китайский фарфор из раскопок 1914 г. в. Болгарах».

государствами в Персии и в Китае [1]), имелись персидские колонии в Китае, и наоборот, китайские—в Персии. «Китай имел огромное влияние на монголов», говорит Стратоницкий [2]), приводя примеры из государственной жизни татар. Не трудно найти среди татарских древностей значительное количество китайских мотивов; любопытны, напр., драконы на зеркалах и других металлических поделках. (см. рис. 31) Есть также поливные кирпичи с безусловно китайским орнаментом; встречаются изразцы с как бы растрескавшеюся поливой, на подобие поверхности китайских ваз «porcelaine craquelée» [3]). Но в области архитектуры первенствующее влияние на Зол. Орду, повидимому, имела Персия, как вообще татарская мусульманская культура создавалась при персидско-арабском содействии, которое отразилось и на жизни Самарканда. «Тесная связь между берегами Волги и Аму-Дарьи чувствуется в жизни Сарая», говорит Бартольд [4]): «недавно выяснен факт существования в Золотой Орде поэтической литературы на турецком языке, находившейся под явным влиянием персидской поэзии».. Иранцы для турок и татар главные представители торговли и культуры [5]).

Именно в эпоху расцвета татарских государств Персия занимала первое место в культурной работе; Персия в XIII веке сосредоточие культурного прогресса [6]), в XIV веке развивает кипучую строительную деятельность [7]), влияет на Египет, архитектурные памятники которого в XIII—XV веках создаются не без наличности этого влияния [8]).

«Находятся в Харемзе каменоломни; в них добываются камни, из которых делаются котлы для варки, которые держатся около 60 лет, не портясь». Эти слова Эломари [9]) невольно вспоминаются, когда (при изучении, напр., бельджаменской керамики) попадаются фрагменты таких «каменных котлов». И золотоордынская зеленая, голубая и желто-коричневая поливная керамика из красной глины определенно свидетельствует о родстве среднеазиатского и приволжского (времени татар) гончарного искусства [10]). То же подтверждает орнаментированная керамика, притом в равной мере орнаментом и техникой изготовления, в частности применением ангоба [11]).

---

[1]) Бартольд, Культ. М., стр. 84.

[2]) Монг. Управление, стр. 4.

[3]) Marryat, Histoire des Potéries, Faiences et Porcelaines, стр. 74.

[4]) Культ. Мусульм., стр 86.

[5]) Бартольд, стр. 80.

[6]) Бартольд, стр. 84, стр. 51.

[7]) Бартольд, К. М., стр. 84.

[8]) Бартольд, К. М., стр 52.

[9]) Тизенгаузен, стр. 242.

[10]) Сравн.: Симаков, Искусство Средней Азии, табл. 45, (керамика из Бухары); Бурдуков, Гончарные изделия Средней Азии, табл. XXI—днище подобного блюда найдено мною на Увеке в 1922 году.

[11]) W. Bock, Potéries vernissées du Caucase et de la Crimée, стр. 12 и 55.

Через приамударьинские области и Кавказ широкою волною проникало искусство Ирана [1]) в приволжские города; оно же, возможно, только с некоторыми египетско-сирийскими примесями проникало в Золотую Орду, когда из Египта [2]) посылались сюда тюки подарков и каменщики и каменосеки для сооружения мечетей. Если Шуази [3]) считает общим очагом для мусульманских архитектур Персию, то тем более придется это утверждать для архитектуры мусульманской Золотой Орды. Правда, сравнивая, напр., мозаику золотоордынскую с мозаикой самаркандской [4]) и персидской, нельзя не отметить некоторое расхождение в подборе тонов: татарская мозаика светлее, нежнее. Повидимому реже среднеазиатское искусство создает памятники с преобладающими белым, голубым и синим тонами, как, напр., минарет мечети XIV века в Самарканде [5]) и фасад мавзолея Шар-Араб [6]). Татарская керамика (изразцы и мозаика) сочетаниями тонов скорее напоминает некоторые итальянские работы [7]), что не безынтересно, т. к. существовали торговые сношения между З. Ордой и Италией (Венецией и Генуей), как, впрочем, существовали сношения и с Византией. Но уже говорилось, золотоордынский художник не копировал; находясь под воздействием разнонародных художественных настроений, он—создавал перепевы, выражения своего настроения. Золотоордынский стиль, как и персидский, проявляется в многообразии и дробности отдельных элементов; и Гинзбург [8]) правильно отмечает чисто «девичью нежность в рисунке и красочной гамме», явно соответствующую художественному настроению в одинаковой степени и крымского художника, и волжанина. Отсутствует «изобилие черных [9]) и красных, вообще ярких пятен»; созвучие нежных темносиних, голубых, светло-зеленых и белых тонов лишь изредка прерывается более яркими зелеными поливными изразцами. Но эти порой кричащие пятна, подобно позолоте, лишь драгоценные камни, которыми усеян ковер инкрустации стен, редко воспроизводящий мотивы реальной при-

---

[1]) Сравн. Bock, Potéries vernissées, стр. 12, прим. 2.

[2]) Любопытно, что также египетская керамика аналогична упомянутой выше золотоордынской, срав. Bock, Potéries, стр. 12.

[3]) Ист. архитектуры, т. II, стр. 118.

[4]) Ежегодник общества архитекторов, 1910, вып. 5, т. 69 и 71.

[5]) Сравн. мозаичные панели из гробницы Ширин-Бикя-Ано в Шах-Зинде на Афросиабе XIII — XIV века. (Ежегодник 1910, стр. 71), которые уже цитировались в связи с Водянскими.

[6]) Симаков, Искусство Средней Азии, табл. 39; сравн. также блюдо: Бурдуков, Гончарные изделия Средней Азии, табл. VII.

[7]) Кондаков, История и памятники византийской эмали, табл. 23.

[8]) «Среди коллекционеров» 1921, 11—12, стр. 35 и 31.

[9]) Сравн., напр., мозаику гробницы в Шах-Зинде, Самарканд, и мозаику над боковым входом гробницы Тимура, Самарканд, Ежегодник О-ва Архитекторов-Художников, 1913, стр. 203 и 205.

роды, чаще импровизирующий разводы и плетенья из идеальных форм, созданий творческой фантазии художника-поэта. И едва ли возможно утверждать, что сочетания тонов были навеяны исключительно теми привозными изделиями, которые продавались на золотоордынских базарах.

Просматривая труд Friedrich'a Sarre «Denkmäler Persischer Baukunst», Berlin 1910 г., с целью отыскания первоисточника тем или иным золотоордынским формам, невольно бросается в глаза: голубой изразец первого типа времени Тимура из Самарканда, буквально повторяющий обычные для золотоордынской архитектуры разводы с растительными мотивами [1]; растительные мотивы бухарских изразцов, соответствующие узору на наших меловых плитках [2]. Мозаика турбы Ходабенде-хана в Султание начала XIV в. [3]), мозаика из мечети Имама Ризы в Мешхеде [4]), изразцы Газан-хана в Тебризе начала XIV в. [5]), голубые восьмиугольные изразцы из медрессе Кара Тан в Конии 1242 г. [6])— все они с большею или меньшею точностью воспроизведены золотоордынскими мастерами, иногда видоизменены лишь незначительно. Мозаика из мечети Имама Ризы в Мешхеде богаче черными пятнами, черные узоры преобладают в верхней половине стенной декорации в Конии: это чуждые золотоордынскому стилю черные тона, как об этом уже говорилось.

Капитель, описанная нами, напоминает капители в мечети султана Алаэддина в Конии [7]) (1219—1236). Мавзолей Фахрэддина Али (1269) [8]) показывает панель из голубых изразцов; ряд таблиц воспроизводят облицовку стен мечетей и других строений снаружи и внутри, в том числе в куполе.

Не без интереса для изучающего золотоордынскую архитектуру табл. 43, 17, 47 и 21 атласа кн. Гагарина—«Le Caucase pittoresque, Paris 1847»; вместе с сохранившимися в Крыму и Казани остатками древних строений таблицы эти помогают мысленно реставрировать стены, дворцы и мечети золотоордынские [9]). Строительная техника золотоордынского архитектора не противоречит положению, что первенствующим влиянием в приволжских городах было персидское; и в Персии широко применялся кирпич; деревянные связи, в роде бревна в стене мавзолея на Увеке (откопанного в 1913 г.), появляются в Персии с VI века, хотя ранее встречаются в Византии [10]).

---

[1]) Табл. 69.
[2]) Табл. 3.
[3]) Табл. 5.
[4]) Табл . 62.
[5]) Табл. 6.
[6]) Табл. 36.
[7]) Sarre, стр. 122, рис. 167.
[8]) Табл. 10.
[9]) Franz-Pascha, «Die Baukunst des Islam», стр. 36.
[10]) Сравн. также. Достоевский, «Старина и были Ср. Азии», табл. к стр. 12 и др.

В атласе «L'art arabe d'après les monuments du Kaire» Prisse d'Avennes'a (Paris 1877) возможно найти египетские первообразы некоторых золотоордынских мотивов. Египетские мозаичные ковры пестрее; но, повидимому, арабско-египетского происхождения рельефные полосы, в роде описанных из Наровчат; подобные полосы встречаются на каирских строениях XIV века [1]), а также более раннего времени. В XIV же веке встречается здесь врезной сердцевидный узор, окружающий трилистник [2]). Любопытны каирские обрамления ниш (в том числе XIV века [3]); они позволяют реставрировать таковую из меловых плиток, найденных мною на Увеке. Мечеть в Крыму, построенная Бибарсом, украшенная мрамором и порфиром, нет сомнения, воспроизводит нарядную египетскую манеру облицовки стен [4]).

Но, повторяю, в общем никогда почти нет буквального подражания в золотоордынской архитектуре, которое свидетельствовало бы о стремлении к фотографичной точности. Золотоордынский художник, богатый опытом и знанием стилей, работающий в содружестве с мастерами разных стран и народов, но угождающий вкусу своего заказчика, творит строения и ковры узоров, которые заставляют нас утверждать, что существовали свои золотоордынское искусство и архитектура, плоть от плоти мусульманского искусства, но самостоятельная ветвь, как самостоятельными ветвями мусульманского искусства являются искусство сарацынское (Египет, Сирия, Мал. Азия), персидское и мавританское (если, конечно, угодно сохранить эти термины). Китайские, вообще дальневосточные влияния, несмотря на «каны» Мечетного городища, не следует преувеличивать: со времени присоединения к Исламу, повидимому, именно мусульманские страны — являлись источником оплодотворения творческой фантазии и знаний золотоордынских мастеров. А влияния западные, естественно, не могли играть более или менее заметной роли.

---

[1]) Т. I, табл. IX; сравн. Ибнэльфорат, Тизенгаузен, стр. 362.

[2]) Т. I, табл. XIII, Ибн-Батута, Тизенгаузен, стр. 281.

[3]) Т. III, табл. CXXXIX, CXL, CXLVI; том I, табл. XLIX.

[4]) Саблуков, очерк, стр. 30; Карамзин, И. Г. Р., том. IV, стр. 133, стр. 28, прим. 138; Hammer-Purgstall, стр. 254.

ГЛАВА III.

Итоги.

Итак, что же дали организованые мною раскопки на Увеке, экспедиция в район Терновки с раскопками на Терновском городище, экспедиция в район сл. Даниловки, экспедиция в район Рынок с раскопками на Мечетном городище и, наконец, экспедиция для обследования правого берега Волги от Царицына до района Камышина?—Данные, собранные в результате этих экспедиций и раскопок, естественно, пополненные матариалом, хранящимся в музеях края и опубликованным в местной печати, в Трудах Сарат. Уч. Архивн. Комиссии [1]), позволяют иметь некоторое, хотя бы и не исчерпывающее, суждение об археологическом характере значительной части приволжской полосы от Саратова до Сарпы, а вместе с тем вообще о былых судьбах этой части Нижн. Поволжья. Холера и голод в 1921 году, как об этом уже говорилось, не дали возможности развернуть работы последней организованной мною экспедиции в полном объеме; местами недостаточно изучен поэтому даже западный берег Волги, а особенно восточный. Необходимы еще дополнительные работы; но все же кое-что сделано, и сделано достаточно, чтобы в этой заключительной главе дать сводку, притом в том разрезе, как говорилось выше.

Экспедиции нигде не обнаружили палеолита; «скребок» из кварцита, найденный на Терновском городище,—является весьма сомнительной поделкой палеолитической эпохи, хотя на дне оврага, окаймляющего городище с севера, была найдена часть зуба мамонта (здесь ранее были найдены два бивня) и в безусловно нетронутой глине под слоем гравия и песка северного склона городища — вследствие обвала после весеннего разлива Волги—были обнаружены чрезвычайно истлевшие кости, и из глины же (северного склона оврага) были вынуты ножные кости повидимому, оленя. Раскопки с целью обнаружить возможные следы человека, современника четвертичной фауны, ниже верхнего культур-

---

[1]) Напр., в статье Зайковского. «К открытию в Сарат. губ. стоянок и городищ медного века», вып. 30, стр. 187, и в других.

ного слоя городища и мощного под ним слоя гравия и песка,—были нам не по силам; пришлось ограничиться изучением найденных костей. Но хотелось бы отметить, что под более поздними слоями Терновского городища возможна стоянка первобытного человека (см. рис. 38, профиль, 3), равно как палеолитические стоянки следует искать в других приволжских местах, где были найдены кости ископаемых вымерших представителей животного мира. И мест таких известно не мало: в районе Усть-Курдюма, Пристанного и Дальних Гуселок собрано до 10 указаний на находки ископаемого слона, 5 указаний на находки костей первобытного быка; на территории самого Саратова известно 19 находок—главным образом в оврагах Глебовом и Белоглинском—костей четвертичных животных, преимущественно слона и мамонта, но также носорога и оленя; в 5 верстах к югу от города при постройке сталелитейного завода были откопаны череп и челюсть носорога и рог оленя с явной сверлиной; в районе Золотого и Ровного были найдены кости мамонта, слона, первобытного быка и оленя, район Даниловки известен находками костей первобытного быка и оленя,—в Саратовском Археологическом музее хранится найденный здесь олений рог со следами надрезов тупым орудием; в районе села Оленья почти ежегодно наблюдается вымывание весенними водами костей оленя,—здесь найдена также челюсть носорога, лбище первобытного быка и клык пещерного медведя наконец, в районе Сарепты найдены кости носорога. Скопление костяков ископаемой фауны значительно, следы современного этой фауне человека (сверлина и надрезы) на лицо. Мы в праве утверждать, что недалек тот день, когда археолог-первобытник откопает и поделки древнего человека в виде палеолитических орудий.

Неолитические поделки в прибрежной к Волге полосе найдены и экспедициями 1920 года, и ранее. Проф. В. А. Городцов, знакомясь с памятниками древности в Сарат. Археологическом музее в 1920 году, определил относящимися к ранней поре неолитической эпохи хранящиеся в музее микролиты с Покровских дюн, к поздней поре—вставку из кости для топора, найденную в 1912 году в Даниловке, на городище, Б. В. Зайковским, а также наконечники стрел и дротиков с Терновского городища (см. профиль, 5) и Камышинских дюн (см. профиль, 4). Экспедициями 1920 и 1921 года найдены поделки поздней поры неолитической эпохи повторно в районе Терновки—Камышина; а кроме того, повидимому, устанавливаются находки памятников неолитической эпохи (поздней поры) в районах Антиповки (см. профиль, 6), Буйдекова буерака (см. профиль, 7), Балыклея (см. профиль, 8), Водянки (см. профиль, 9) и Сарпы (см. профиль, 10). Относя шлифованные молоты с Сарептского и Водянского районов к более поздней поре, нельзя не отметить, что в изобилии находимые на дюнах стрелы и наконечники дротиков, а также ножики нередко отличаются достаточно типичными признаками, чтобы засвидетельствовать пребывание на берегах Волги че-

ловека времени неолита. Вообще же неолитические находки в приволжской полосе вполне соответствуют той картине, которую А. В. Городцов в «Результатах археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии» [1]) считает характерною для неолитических стоянок южной и средней России: «Стоянки неолитической эпохи»,—говорит он,—«группируются близ воды и преимущественно на дюнах. Множество кремневых осколков, нуклеусов и поломанных поделок характеризует развитие кремневой индустрии. Среди случайно затерянных орудий преобладают пластинчатые кремневые ножи и скребки, реже встречаются копья и стрелы, и еще реже—полированные кремневые топоры». Особенно Камышинские, а также Терновские (Липовские, см. профиль, 11) дюны соответствуют этой картине; обилие здесь осколков, притом гнездами, доказывает наличность мастерских.

К ранней поре бронзовой эпохи (поре медных орудий) В. А. Городцов [2]) относит курганы с окрашенными костяками, лежащие в неглубоких грунтовых ямах на спине с протянутыми конечностями или скорченно на боку и ориентированные головами к в. или с.-в.; из бытовых предметов при костяках—кроме красок—находят кремневые орудия, круглодонные сосуды и медные шила и долота. «Подобного рода погребения пользовались обширным распространием», говорит В. А. Городцов: «их находят и на берегах Нижней Волги»...

Действительно ямные погребения в обследованной полосе обнаружены в районах: Саратова, Голого Карамыша (с прекрасными образцами керамики), Ураковки (см. профиль, 12), Терновки (см. профиль, 13), Кармоярской балки, (см. проф., 14), Песковатки (см. проф., 15) Пичуги (см. проф., 16), Царицына (см. проф., 17) и Сарпы (см. проф., 18). К этому же времени (т.-е. к ранней поре бронзовой эпохи) относятся хранящиеся в Сарат. Археолог. музее медный нож и ряд черепков с Терновского городища (см. проф., 19), а также собранные экспедициями 1920 года кремневые стрелы в виде равнобедренного треугольника с выемкой в основании, черепки и медное шило с Липовских дюн (см. проф., 20), стрелы с дюн Терновского сырта (см. профиль, 21), и часть поделок с Красного Яра (напротив Даниловки).

Нельзя не отметить, что в районах сл. Даниловки (особенно на Дурман-горе) и с. Терновки, а также Камышина и южнее, напр., в районе Шишкина бугра, Антиповки и Балыклея (см. проф., 21), найдено значительное количество черепков из грубой глины со следами сглаживания поверхности их пучками травы или сучьев; этим черепки напоминают внешнюю отделку горшка, найденного В. А. Городцовым в ямном погребении при обследовании Изюмского уезда и внутреннюю

---

[1]) Труды XII арх. съезда, т. I, стр. 175.

[2]) Бытовая археология, стр. 151.

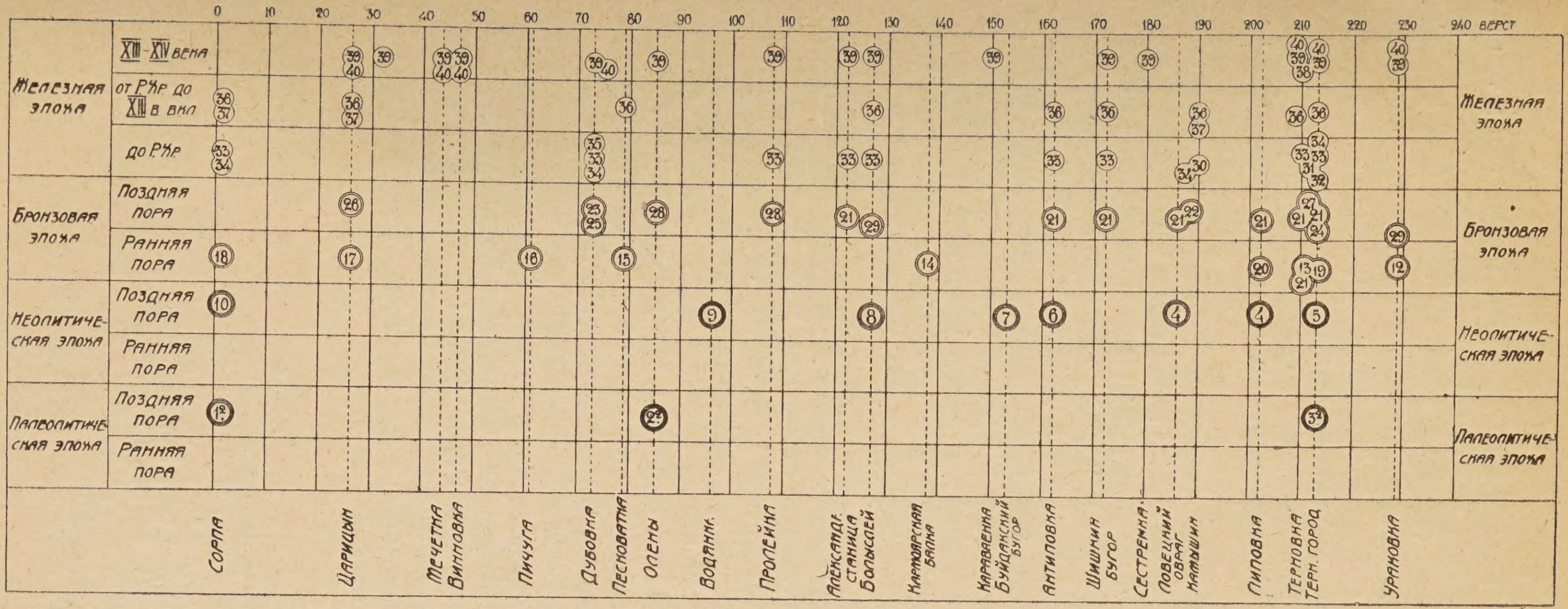


Рис. 38. Археологический профиль Поволжья от Сарпы до Добринки (соотв. Еруслану)—правый берег. По данным к 15 сентября 1921 г.

отделку другого горшка в катакомбном погребении в том же уезде [1]). Не лишено интереса, что такой же способ сглаживания поверхности горшка в изобилии был обнаружен на черепках, найденных севернее Саратова, на Волге же, на церковной земле села Ивановки, Хвалынского уезда [2]). Откопанный здесь культурный слой чрезвычайно схож с Дурманским, и, совершенно как на Дурман-горе, горшки не круглодонные (как в Изюмском уезде в более ранних погребениях), но плоскодонные, как более поздние, т.-е. поздней поры бронзовой эпохи, изюмские горшки.

Поздняя пора бронзовой эпохи (пора бронзовых орудий) представлена в приволжской полосе всеми тремя характерными для нее культурами. В Сар. Археологическом музее хранятся образцы керамики, бронзовых цельтов и каменных молотов, характерные для культуры катакомбных погребений и собранные в районах сл. Рудни, Даниловки [3]) и Камышина (см. проф., 22) и на Водянском [4]) (см. проф., 23) и Терновском городище (см. проф., 24); там же имеются бронзовые удила с Водянского городища (см. проф., 25) и бронзовые же поделки и керамика с Ахмата, относящиеся к культуре срубных погребений, и, наконец, образцы поделок культуры погребений в насыпах с Покровска [5]).

В 1911 году под Покровском был вскрыт курган, характерный для культуры катакомбных погребений [6]). В 1905 году в Царицыне [7]) был раскопан курган (см. выше) с шахтою 4×5 арш. при 6 аршинах глубины, с бревенчатым срубом и двускатным настилом из досок на уровне горизонта; бронзовый цельт, долото и нож, глиняная жаровня и куски краски коричневого, желтого и красного цветов были найдены на дне могилы вблизи совершенно истлевшего костяка. Ныне царицынские находки хранятся в Сар. Археолог. музее.

Поделки поры бронзовых орудий (черепки и каменные и бронзовые орудия) были обнаружены экспедицией повторно в районах Даниловки, Терновки и Камышина (см. проф., 27); а кроме того в районах Ураковки, Шишкина бугра, Антиповки, Балыклея и Александровской станицы установлены и более ранние находки (черепки, каменные и медные поделки, см. проф., 29). В районах Пролейки и Оленья имеются курганы (см. профиль, 28).

---

[1]) «Результаты», Труды XII арх. съезда, табл. III, нижн. ряд, рис. 1 слева и табл. VIII, рис. 10.

[2]) Труды Сар. Арх. Ком., вып. 33, Орехов. Две раскопки, стр. 39 и сл.

[3]) Сравн. Труды С. У. А. К., вып. 30, стр. 216.

[4]) Сравн. Труды Сар. Уч. Арх. Ком., вып. 32, стр. 152.

[5]) Раскопки П. Н. Шишкина.

[6]) Сравн. Щеглов, «Курганы с окрашенными костяками», Труды С. Арх. Ком., вып. 30, стр. 242.

[7]) Труды С. А. К., вып. 24, стр. 14 и сл.

В. А. Городцов [1]) считает для курганов древних (бронзовой эпохи) характерною формою насыпь с круглым основанием и вершиною над северным краем или же (что реже) насыпь продолговатую. Нельзя не отметить, что формы эти характерны для курганов всей бронзовой эпохи и в обследованной полосе. И, совершенно как в Изюмском уезде [2]), курганы, «тяготея к водным источникам», «обыкновенно занимают высоты, хребты и водоразделы, следуя которым выравниваются в линию», хотя черта эта обычна и для курганов более позднего времени.

«Курганы полушарные с вершиной над центром оснований» В. А. Городцов [3]) считает характерными скифскими и сарматскими, т.-е. относящимися к ранней поре железных орудий. В 1920 году были вскрыты курганы этого типа в Ровном, при чем в них, кроме других более типичных поделок, напр., рукоятки кинжала и бус, были найдены поздние элленистически-египетские скарабеи из зеленого фаянса. Железная рукоятка кинжала была найдена и на Даниловском городище [4]) и скифские золотые бляшки в районе села Саламатина, Камыш. уезда [5]). Экспедицией в 1920 году собрано в районе Камышина и Терновки значительное количество «скифских стрел» (см. проф., 31) и найдены античные монеты на Терновском городище (см. проф., 32, парфянская сер. драхма и босфорская медная монета, I—II в. до Р. Х.). В 1920 году были обследованы каменные мары в районе сл. Даниловки, в 1921 году каменные мары в Пролейке.

Минх [6]) рассказывает, что Персидскими, раскопавшими хищнически несколько маров, в них было найдено: «много разной серебряной и медной посуды, также серебряной и золотой монеты»; он приводит цитату из рукописи Леопольдова, хранящейся в Сар. Уч. Арх. Комиссии, что были найдены «короны, военные доспехи, украшения седел, чашки, статуйки разных животных и все золотое». В другом месте [7]) Минх говорит о «вещах золотых и серебряных, статуэтках в виде барашков, лебедей, уток, которые женщины употребляли для украшения головных уборов», что повторяет Зайковский (см. выше). В связи с сим полагают, что каменные мары содержат скифские погребения. Не отрицая возможности такой датировки, считаю, однако, весьма любопытным, что еще Потаниным [8]) издан чертеж симметрически расположенных ка-

---

[1]) Результаты, стр. 178.

[2]) Результаты, стр. 177.

[3]) Результаты, стр. 178.

[4]) Сравн. Труды С. А. К., вып. 30, стр. 216 и 228, рис. IX, а также Труды, вып. 24, табл. к стр. 53.

[5]) См. проф., 30, то и другое ныне в Сарат. Археол. музее.

[6]) Истор.-географ. словарь Сарат. губ., стр. 1344, сравн. также Зайковский, Труды Сар. А. К., вып. 30, стр. 240.

[7]) Стр. 1345.

[8]) Древности, т. X, Потанин, «Памятники древности в северозападной Монголии», стр. 52.

менных маров на берегу реки Катуни; и слова Минха о «статуэтках», которые «употреблялись для украшения головных уборов», сказаны им в явной связи с памятниками Водянского городища («Бельджамена»), при чем неясно, имел ли Минх в виду курганы с погребениями или холмы строительного мусора, в которых «попадаются обломки посуды», которые покрывают развалины «ханского дворца» [1]).

Я не могу не высказать своих сомнений также относительно правильности датировки другой группы курганов, которые также достигают значительных размеров и всегда образуют фигурные симметрические построения. Курганы эти не исследованы, но их обычно относят к поздней поре бронзовых орудий. Ранее подобные курганные группы были известны: вблизи Аткарска (деревня Милюки: в центре большой курган, его кольцеобразно окружают 12 меньших), в окрестностях Елани Аткарской (цепь из 4 курганов с «эллиптическим городком» с осью с с. на ю. в центре и двумя серпообразными насыпями к востоку от крайних курганов [2]), и у села Грязного-Курган, Царицынского уезда (группа из 9 курганов, составляющих два треугольника, расположенных, соотв. высотам, в одну линию, продолженную еще двумя курганами). Экспедиция в 1921 году обнаружила симметрическую группу из 10 курганов в Пролейке. И если, действительно, большинство курганов, составляющих все эти группы, или в плане продолговатые, или имеют северный склон круче, южный более пологий и т. о. вполне удовлетворяют тем признакам, которые характерны для могильных насыпей бронзовой эпохи (как говорилось выше), в Пролейке, повидимому, сохранилась еще другая симметрическая группа, значительно пострадавшая от времени и плуга землепашца, и обе группы расположены вблизи двух каменных маров, также строго расположенных в одну линию. Наконец, симметрическая группа на реке Катуни является как бы связующим звеном между каменными марами и упомянутыми фигурными группами курганов. Я полагаю, что без раскопок не удастся удовлетворительно разрешить ни вопроса о каменных марах, ни вопроса о симметрических группах курганов. Впрочем, необходимо отметить, что граф. А. Бобринский по поводу курганов близ Смелы также говорит о группах курганов с центральным большим, окруженным меньшими [3]).

Вообще в обследованной полосе находки поделок времени ранней поры железных орудий установлены в районах Даниловки, Терновки, Камышина, Шишкина бугра, Антиповки, Балыклея, Александровской станицы, Пролейки, Дубовки и Сарпы (см. профиль, 33). Античные монеты найдены в районах Сарпы, Дубовки и Камышина (см. проф., 34, о Терновке уже говорилось). На Водянском городище были откопаны

---

[1]) Словарь, стр. 1345 и 1346.

[2]) Сравн. Зайковский, «Впечатления из поездки в Елань Аткарскую», Труды С. А. К., вып. 25, стр. 238 и табл.

[3]) Курганы и случ. находки близ Смелы, т. III, стр. 61.

не только греческие торговые пломбы, по определению академика Латышева V в. до Р. Хр. [1]), но явно также античные расписные вазы и терракоты (см. проф., 35).

В связи с работами Ивановского в Закавказье полагают [2]), что и даниловские каменные молоты относятся к ранней поре железных орудий; такие же молоты найдены в Елани Аткарской и около с. Ивановки Хвалынского уезда. Молоты ставят в связь с «хвалынским медным кладом», что послужило поводом возникновения теории о «хвалынской культуре». Молоты невольно сопоставляются с керамикой со стоянки на Дурман-горе, откопанной нами, а также ранее [3]), т. к. были найдены вместе с однохарактерной керамикой села Ивановки (см. выше). Являются ли два наиболее любопытных черепка с Дурман-горы действительно образцами керамики, инкрустированной белой пастой, пока спорно. Повидимому паста или, правильнее, густая белая краска налицо только у одного дурманского черепка, у другого химический анализ обнаружил присутствие почвенных солей. Хочется думать, что даниловские молоты оставлены народом, который предшествовал на берегах Волги скифам и разрабатывал руду; но если молоты современны указанной керамике и действительно соответствуют «кладу», то «хвалынскую культуру» придется считать более раннею, т.-е. относящеюся к бронзовой эпохе (поре бронзовых орудий?).

О средней поре железной эпохи, времени кочевников тюркского племени, предшествовавших татарам, свидетельствует значительное количество черепков довольно грубой глиняной посуды и жел. копья и стрелы, найденные в районах Даниловки (также Красного Яра), Терновки, Шишкина бугра, Антиповки, Балыклея, Песковатки, Царицына и Сарпы (см. проф., 36). В Сарат. Археол. Музее хранится ряд каменных баб, сводка находок которых опубликована Зайковским [4]), некоторое количество каменных баб было найдено в районах Покровска, Камышина, Царицына и Сарепты (см. проф. 37). В районе Александровской станицы имеются, очевидно, половецкие курганы, черепахообразно покрытые камнем.

Вопрос о народности, которая оставила курган (см. проф., 38), раскопанный нами на Терновском сырту, пока, к сожалению, остается не решенным окончательно. Если не обманывают, повидимому, несоответствующие сопоставления с погребениями торков и половцев, а, может быть, и татар,—курган печенежский. Но в могильной яме найден был колчан из бересты и костяное украшение, как казалось, от седла, почти вовсе истлевшего; возможно, что костяной узор украшал не седло, а

[1]) Ныне в Сар. Археол. музее.

[2]) Сравн. Зайковский, Археол. разведки в окрестностях Даниловки. Труды Сар. Арх. К., вып. 30, стр. 215 и 217.

[3]) Сравн. Труды Сар. Арх. К., вып. 30, стр. 217.

[4]) «Кам. бабы Сарат. Поволжья» Труды. С. А. К., вып. 24, стр. 20 и сл.

колчан при седле, а в таком случае в кургане была найдена поделка, напоминающая колчаны времени торков [1]). Правда, в погребениях торков, по Городцову, обязательно имеется и голова коня (в нашем ее не было) и «главною отличительною чертою их служит ориентировка покойников и положенных с ними коней головами к западу» (в нашем кургане костяк лежал с севера на юг); не соответствует картина терновского погребения и половецким, костяки в которых «ориентируются головами на восток» и ямы которых «делались необширные и неглубокие» [2]). Нет у терновского кургана и полной аналогии с курганами татарскими, хотя налицо некоторое сходство с погребением конца XIII века вблизи «Белого Мара», вскрытым Зайковским в 1910 году [3]). Поэтому—если курган не татарский, возможно—не без оговорки—предположение, что он печенежский; такое определение кургана могло бы подтвердить мысль, что грубые черепки «среднекочевнические», т.-е. средней поры железной эпохи, найденные на городище рядом,—также печенежские. Но я повторяю: если черепки и безусловно относятся к до-татарскому времени, вопрос о кургане остается в сущности открытым; он все же может быть татарский, что мне лично кажется наиболее вероятным.

Поделки времени Золотой Орды в изобилии находимы во всей обследованной полосе: керамика и монеты золотоордынские (см. проф., 39) найдены в районах Царицына, Рынка, Винновки, Дубовки, Оленья, Пролейки, Александровской станицы, Балыклея, Караваинки, Шишкина бугра, Сестренок, Терновки, Даниловки, Ураковки и севернее. Татарские курганы (и внешне однохарактерные с ними более ранние) имеются в районах Усть-Курдюма, Квасниковки, Даниловки, Терновки, Антиповки и Буйдакова буерака, Балыклея, Александровской станицы, Дубовки, Рынка и Царицына. Устанавливается ряд городов и поселений (см. проф., 40); селение у Усть-Курдюма, селение у Старого Саратова, Увек с развитою изразцовою и вообще керамическою промышленностью, селение напротив, у Квасниковки [4]), селение у Даниловки (городище) и напротив у Красного Яра, селение у Ураковки, селения у речки Терновки и на Терновском городище, Водянское городище (Бельджамен?)—явно большой и цветущий торговый центр, селения у В. и Н. Погромного и Винновки, Мечетное городище и селения напротив у истока Ахтубы и на Денежном острове, и наконец, город на месте нынешнего Царицына.

---

[1]) Городцов, «Бытовая археология», стр. 427, «Результаты», стр. 214.

[2]) Городцов, «Бытов. археол.», стр. 428, сравн. «Результаты», стр. 213 и 214.

[3]) Труды, вып. 30, стр. 229.

[4]) Сравн. также труды С. А. К., вып. 26, стр. 101, Кротков и Шишкин, «Городище и курганы бл. Квасниковки».

Обследованные нами Увек, Водянское, Мечетное городища свидетельствуют о столь высокой культуре, что действительно возможно говорить о «приволжских Помпеях»; об этом подробно говорилось в главе II.

Прекрасно оборудованные горны для обжига керамических изделий, дома с сложною системою центрального отопления, отделанные мрамором и изразцами [2]), водопроводы, геометрически правильно распланированные улицы и площади, каравансараи, мечети и грандиозные мавзолеи, шелковые ткани и парча из погребений, серебряные ковши [3]) и венецианское и персидское стекло—рисуют население золотоордынских городов второй половины XIII века и XIV века вовсе не дикарями, а культурным народом, занимавшимся промышленностью и торговлею, не чуждавшимся сношений с народами Востока и Запада и широко развивавшим искусство прикладное. Явно высокою культурою татар, не только воинственностью, и организованностью, об'ясняются и их военные успехи, быстрое продвижение на Запад; турба, откопанная нами в некрополе Мечетного городища, явно относится к XIII столетию и сложная система отопления, которая была откопана на самом городище, имеет прародиной дальний Восток, откуда пришли татары.

Сознавая недостаточность и неполноту сведений из северной части обследованной полосы, от Саратова до Еруслана, а вообще по левобережной полосе, я пытался изобразить собранный материал в виде археологического профиля только от Еруслана до Сарпы; и это тем более, что составить профиль десятиверстной полосы от Еруслана до северной границы Саратовской губернии предполагали другие лица.

Я не льщу себя надеждой, что составленный мною профиль, соответствующий изложению выше, является безукоризненным, совершенным; работы осталось еще много, чтобы можно было сказать, что приволжская полоса обследована полностью и в совершенстве. Но все же хотелось хотя бы до некоторой степени под'итожить и мою трехлетнюю работу, и работу других саратовских археологов, а именно такую цель и преследует эта заключительная глава и приложенный чертеж постепенно сменявших друг друга в приволжской полосе культур.

---

[1]) Сравн. также Щеглов. «Раскопки на Водянском городище». Труды, вып. 32, стр. 148.

[2]) Сравн. Кротков, «Раскопки на Увеке в 1913 году», Труды, вып. 32, стр. 111 и сл.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Глава вводная 3

1. Работы 1919 года 5

2. Работы 1920 года 7

3. Работы 1921 года. 10

Глава I. Результаты произведенных в 1919—21 г.г. обследований . .

1. Царицын 12

2. Мечетное 15

3. Винновка. 34

4. Дубовка. 35

5. Песковатка—Водяное 43

6. Пролейка—Болыклей 45

7. Караваинка—Камышин 47

8. Терновка 48

9. Даниловка 62

10. Увек 69

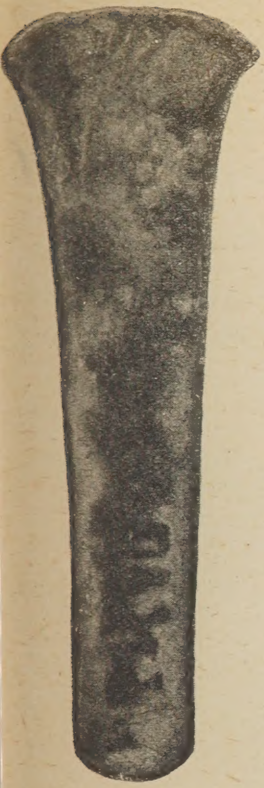
11. Усть-Курдюм 82

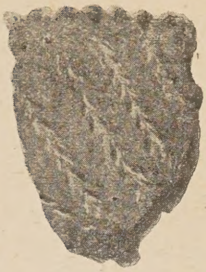
Глава II. Характеристика золотоордынского города и архитектурных памятников Нижнего Поволжья в XIII—XIV веках в связи с произведенным обследованием 85

Глава III. Итоги 122

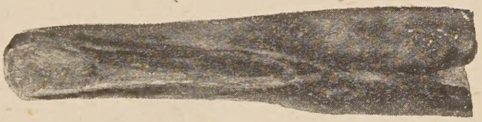
Табл. 1.

1



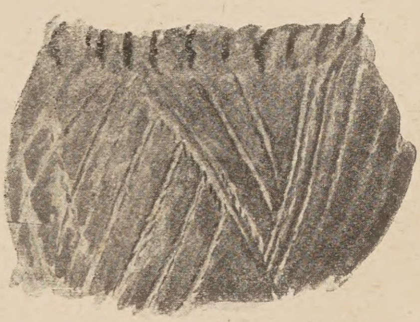


3



2

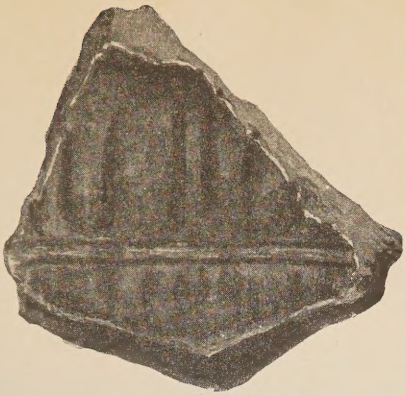
4



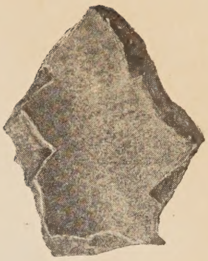
5 ½ нат. вел.

Табл. 2.

1



2



3

4

5

6

7

$^{2}/_{3}$ нат. вел.

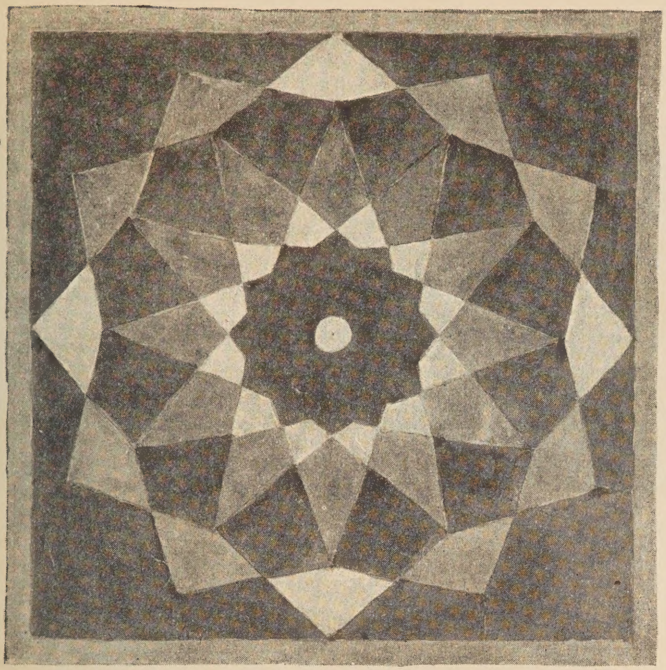
Табл. 3.

Нат. вел.

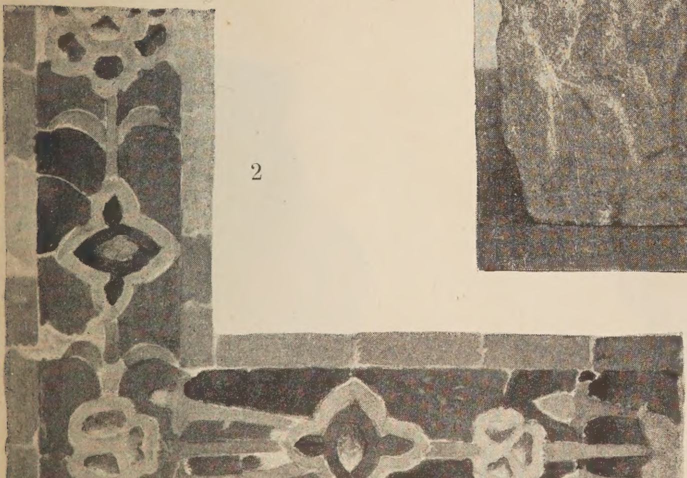
Табл. 4

Нат. вел.

Табл. 5.



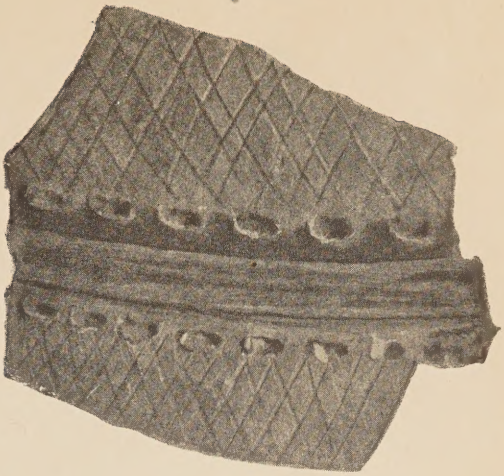
1



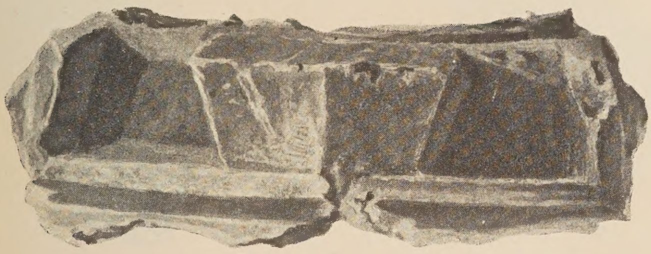
2

3

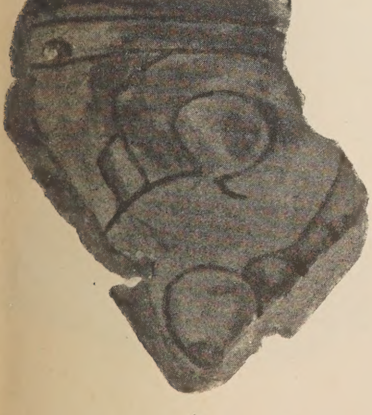
1



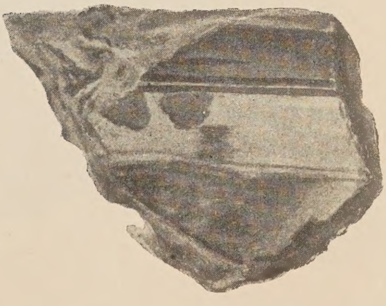
2



3



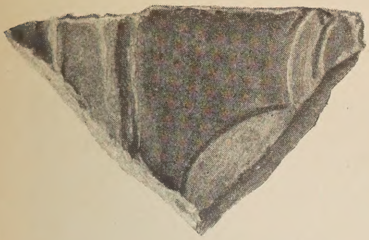
4



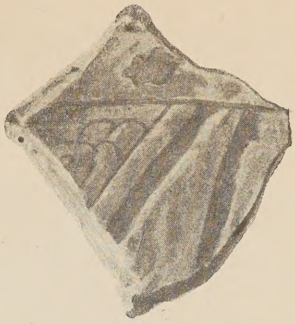
5

²/₃ нат. вел.

Табл. 7.

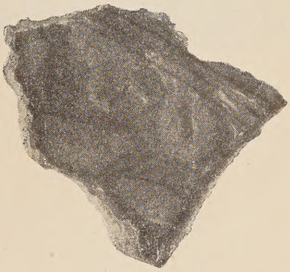


1

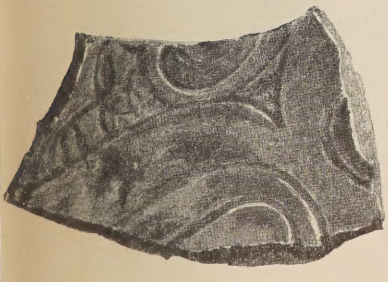


2

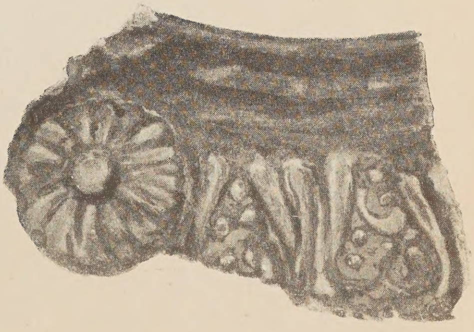
3



4



5



6

2/3 нат. вел.

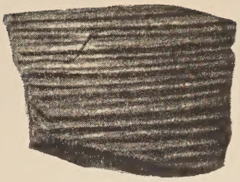
Табл. 8.

1

2

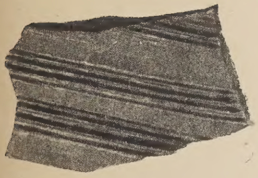
Табл. 9.

1

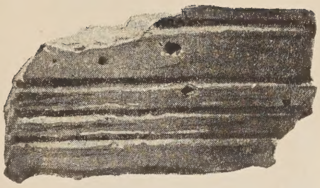


2

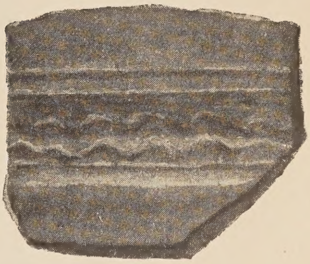
3



4

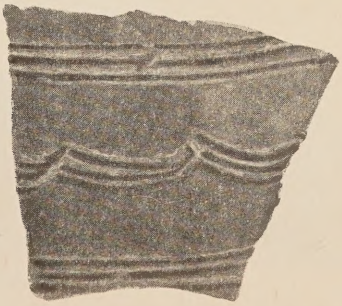


5



6

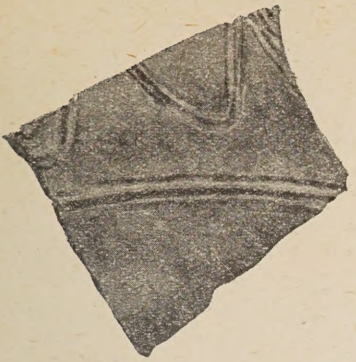
7



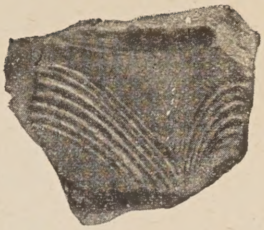
8

$^2/_3$ нат. вел.

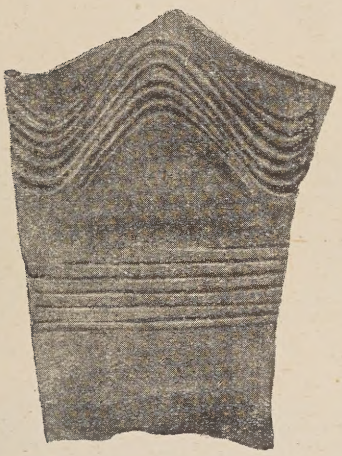
Табл. 10.



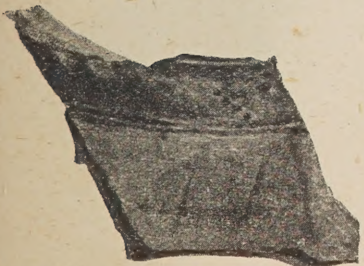
1



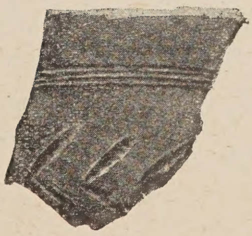
2



3



4



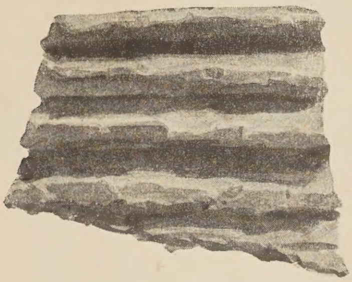
5

6

$^2/_3$ нат. вел.

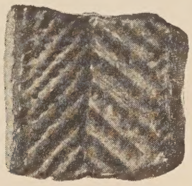
1. Тр. VII.

2. Тр. XI.

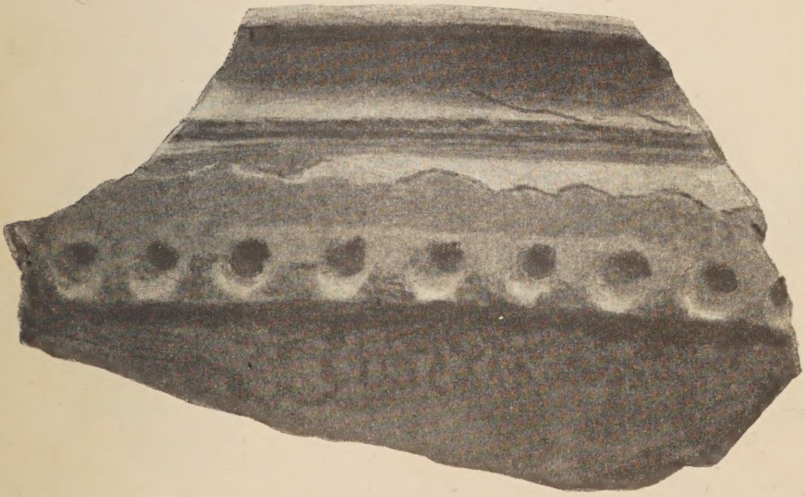


3. Тр. X.

4. Тр. XIII.



5. Тр. VII.



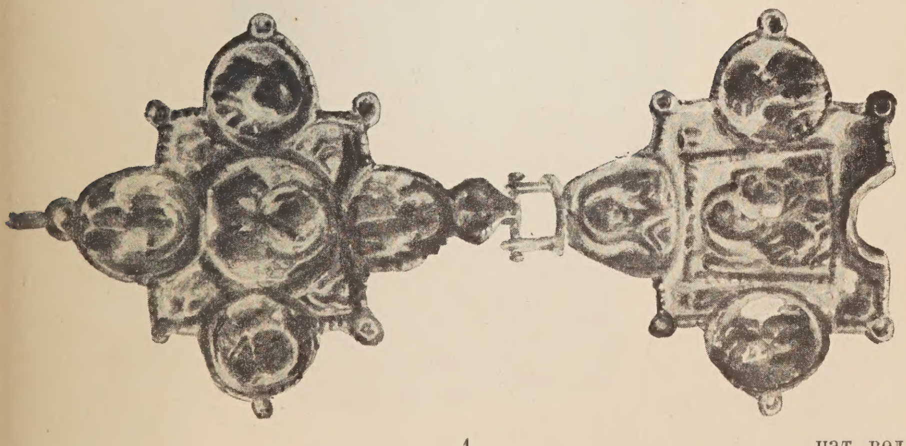
6. Тр. XI.

$^2/_3$ нат. вел.

1. Тр. II.
нат. вел.

2. Тр. II.
$^{2}/_{3}$ нат. вел.

3
нат. вел.



4
нат. вел.

Табл. 13.

1

2

3

4

5

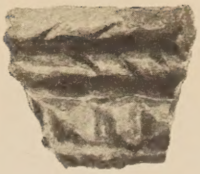
6

7

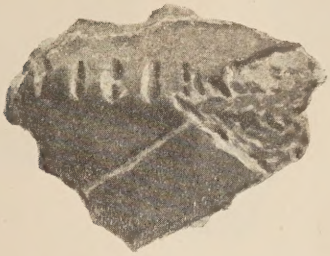
нат. вел.

Табл. 14.

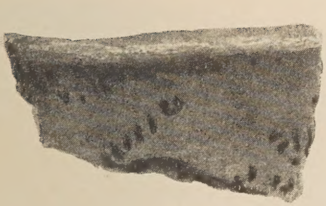
1



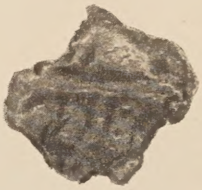
2



3

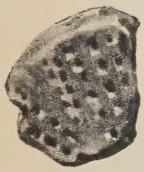


4



5

$^2/_3$ нат. вел.

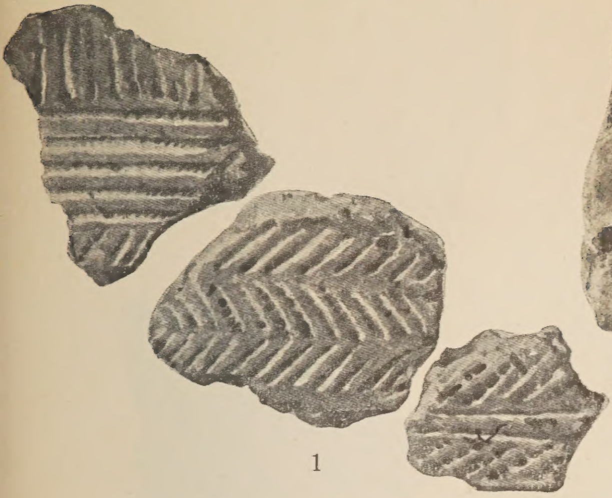


6

7

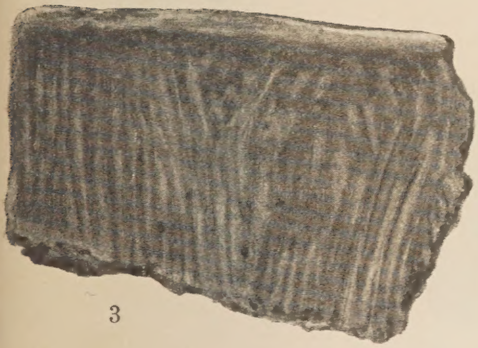
8 нат. вел.

Табл. 15.



1

2



3

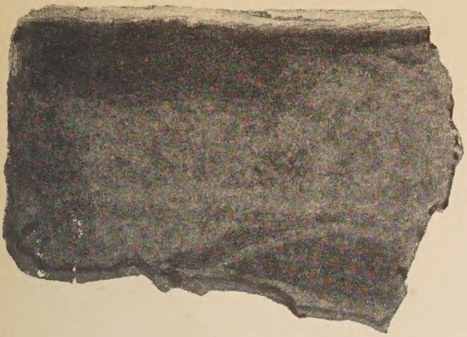
5

4

6

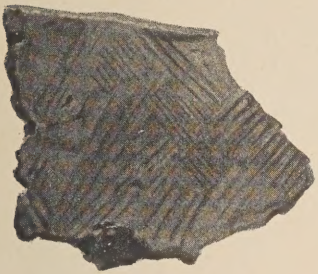
$^2/_3$ нат. вел.

Табл. 16.

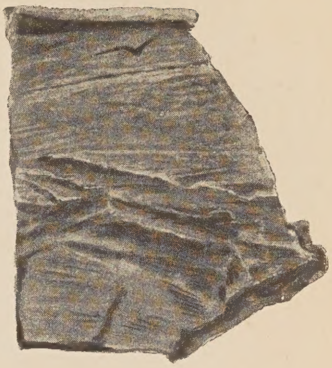


1

3



2



4

5

6

7

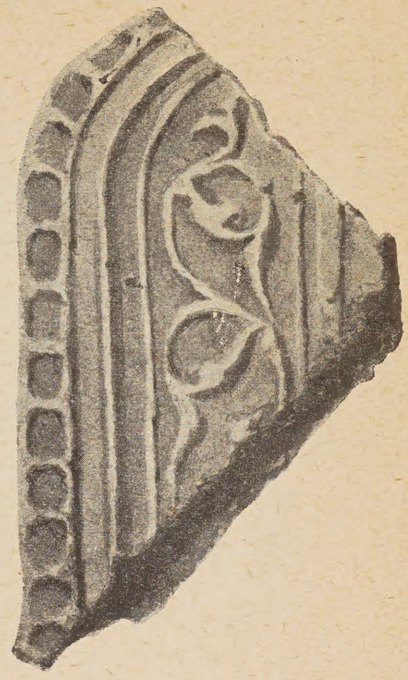
9

8

²/₃ нат. вел.

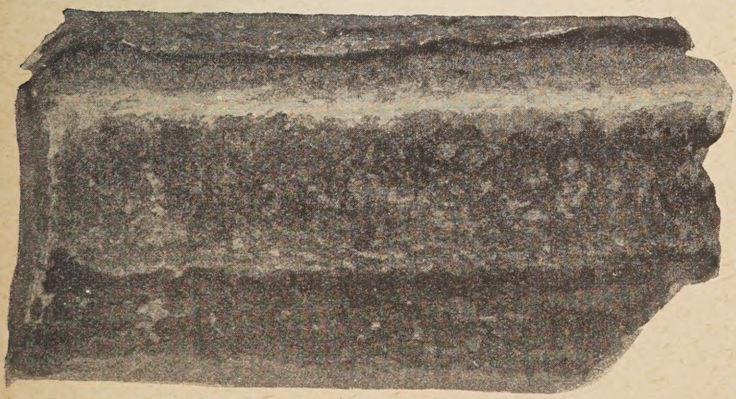
Табл. 17.

1



2

$^2/_3$ нат. вел.

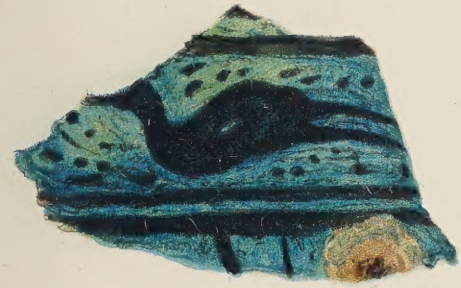


3

нат. вел.

1

2



3

Нат. вел.

Табл. 19.

нат. вел.

Табл. 20.

1

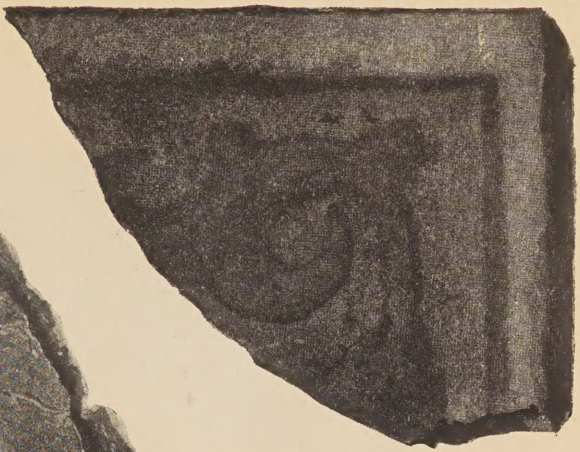
2
$^1/_2$ нат. вел

3

$^2/_3$ нат. вел

Табл. 21.

1



2

4

3

$^2/_3$ нат. вел.

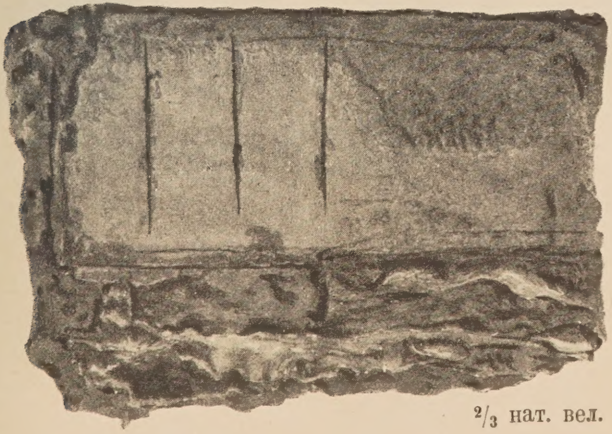
5, горн № 2.

Табл. 18.

Табл. 23.

1

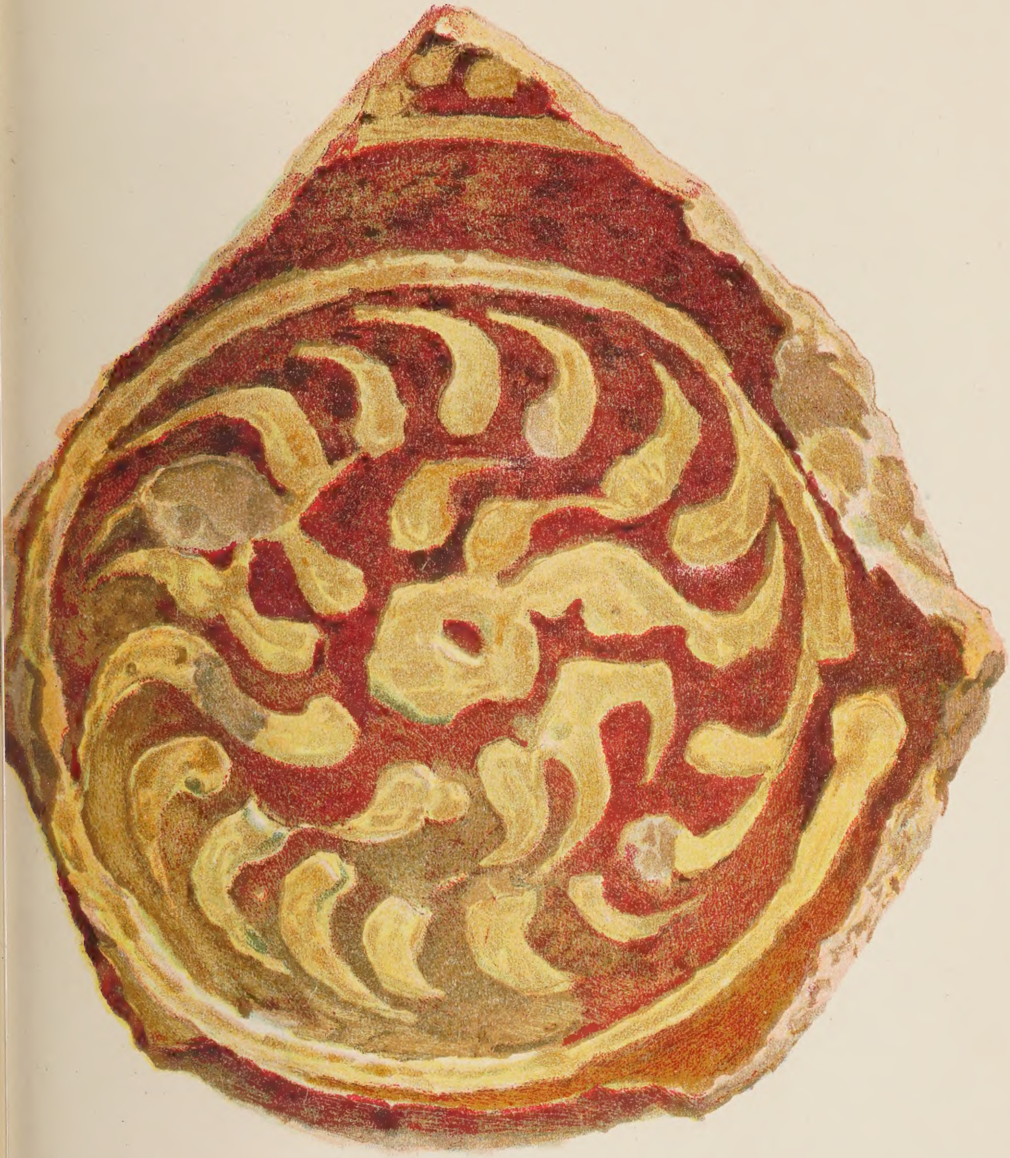
$^1/_2$ нат. вел.



2

$^2/_3$ нат. вел.

Табл. 24.



Нат. вел.

Табл. 25.

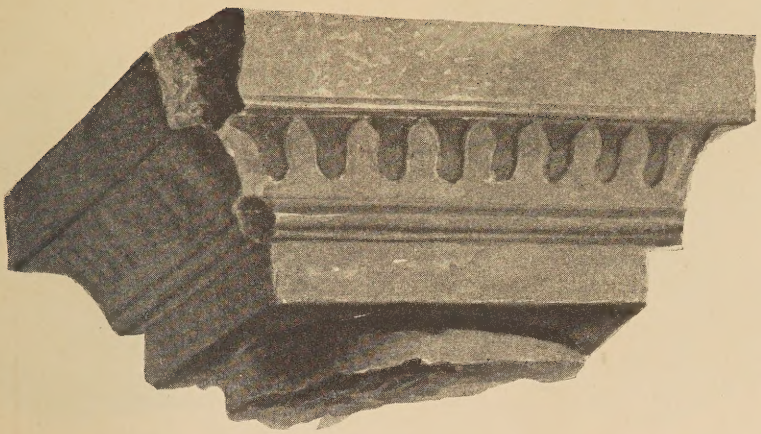
Нат. вел.

Нат. вел.

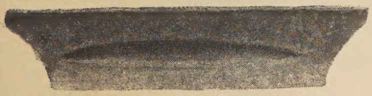
1

2

Табл. 28.



1



2 а

2 б

3 а

3 б

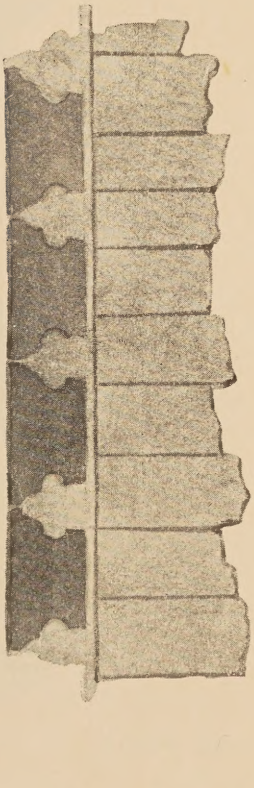
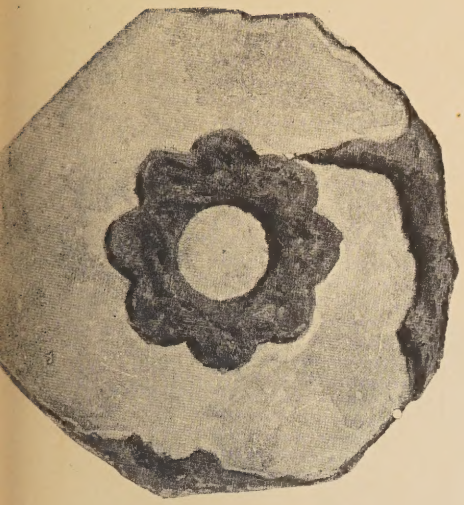
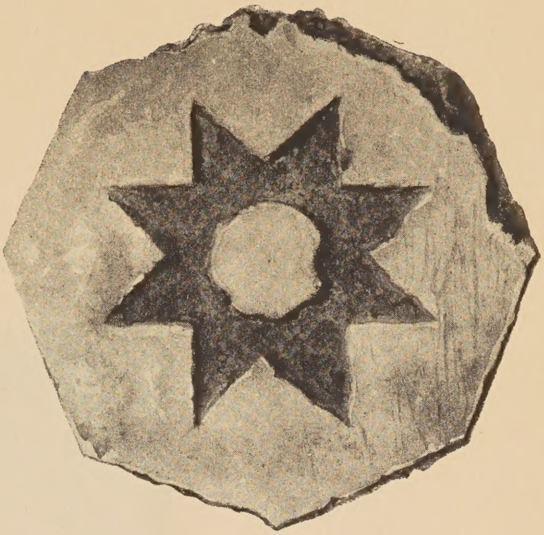


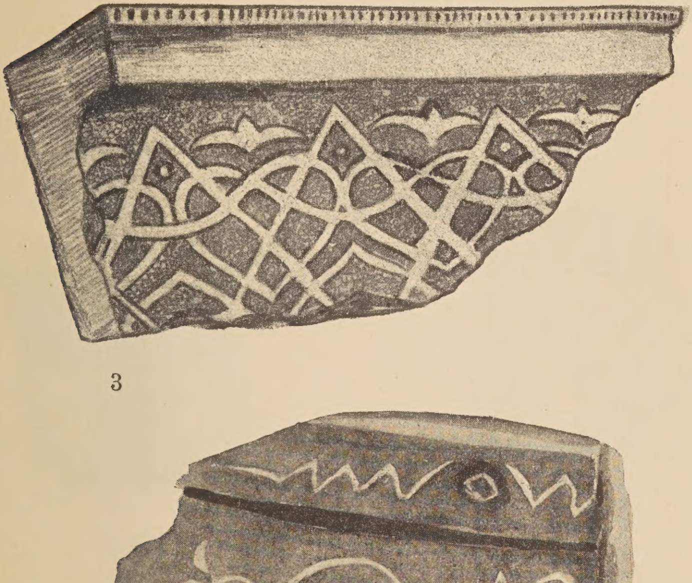
Табл. 29.



1



2



3

4

$^{1}/_{5}$ нат. вел.

Табл. 30.

Нат. вел.

$^2/_3$ нат. вел.

Табл. 32.

Нат. вел.

00051127243
UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL